

Индекс 54916

ISSN 2218-1644

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Периодическое издание
Выходит два раза в год
2014, № 2 (9)

Учредитель
**Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН**

Редколлегия:

Алексеев А.Н., д.и.н. (гл. редактор); *Андреева Т.Е.*, к.ф.н.; *Антонов Е.П.*, к.и.н.;
Боякова С.И., д.и.н. (зам. гл. редактора); *Бурицева Ж.В.*, к.ф.н.; *Варламов А.Н.*, д.ф.н.;
Винокурова Д.М., к. социолог. н.; *Данилова Н.И.*, д.ф.н.;
Ефремов Н.Н., д.ф.н. (отв. секретарь); *Жукова Л.Н.*, к.и.н.; *Игнатьева В.Б.*, к.и.н.;
Ларионова А.С., д.иск.; *Попова Н.И.*, к.ф.н. (зам. гл. редактора);
Романова Е.Н., д.и.н.; *Романова Л.Н.*, к.ф.н.; *Слепцов П.А.*, д.ф.н.

Редакторы: *Е.Ф. Молотков*
Английский текст *О.Н. Кочмар*
Верстка *А.А. Строева*
Обложка *А.И. Харитонов*

ISSN 2218-1644

© ИГИиПМНС СО РАН,
2014 г.

Index 54916

ISSN 2218-1644

NORTH-EASTERN JOURNAL OF THE HUMANITIES

Scientific journal
Periodical
Published twice a year
2014, № 2 (9)

Founder

Institute for Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian
Branch of the Russian Academy of Science

Editorial board:

Alexeev A.N. (editor in chief), *Andreeva T.E.*, *Antonov E.P.*,
Boyakova S.I. (dep. editor in chief), *Burtseva Zh.V.*, *Varlamov A.N.*,
Vinokurova D.M., *Danilova N.I.*, *Efremov N.N.* (executive secretary),
Zhukova L.N., *Ignatjeva V.B.*, *Larionava A.S.*, *Popova N.I.* (dep. editor in chief),
Romanova E.N., *Romanova L.N.*, *Sleptsov P.A.*

Editor *E.F. Molotkov*
English text *O.N. Kochmar*
Makeup *A.A. Stroeva*
Cover *A.I. Kharitonov*

ISSN 2218-1644

© IHIPN SB RAS
2014

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические науки

<i>Романова Е.Н.</i> Коневодство в Арктике: традиции степной культуры	5
<i>Жукова Л.Н.</i> Традиционная культура лесных юкагиров. Опыт этнофилологического указателя	8
<i>Винокурова Л.И., Филиппова В.В., Санникова Я.М.</i> Сельский культурный ландшафт Якутии: междисциплинарный подход	17
<i>Теро Мустонен и Ари Лехтинен.</i> Арктическая традиционная картина мира: циклическая передача знаний в общинах коренных народов Евразийского Севера	24
<i>Старостина М.И.</i> Жизненный путь иеромонаха Алексия (Оконешникова)	34
<i>Захарова Т.В.</i> Создание милиции в Якутской области в 1917 г.	40
<i>Куртсеитов Р.Д.</i> Рассекреченные наградные листы как исторический источник: по Крымской АССР на материалах ЦАМО РФ	44

Социология

<i>Осипова О.В.</i> Аккультурационные стратегии молодежи Арктики	54
<i>Томаска А.Г.</i> Миграция сельского населения Республики Саха (Якутия): стратегия социально-экономической адаптации	59

Филологические науки

<i>Бурыкин А.А.</i> Проблемы письменности и письменных языков малочисленных народов Севера РФ на современном этапе	63
<i>Селютин И.Я., Уртегешев Н.С., Добринина А.А., Рыжикова Т.Р., Летягин А.Ю., Шевела А.И.</i> Новейшие технологии в аппаратных исследованиях звуковых систем языков Сибири: эвенкийский язык	75
<i>Афанасьева Е.Ф.</i> Экспериментальные исследования баргузинского говора эвенкийского языка	81
<i>Самсонова Е.М.</i> Специфика репрезентации дистрибутивной множественности в якутском языке	85
<i>Шарина С.И.</i> Письменные тексты как дополнительный источник для выявления диалектных признаков (на материале усть-янского говора эвенского языка)	93
<i>Курилова С.Н.</i> Объективизация образов водного фрагмента ландшафтной концептосферы североюкагирской лингвокультуры	98
<i>Ефремова Е.М.</i> Типология лирических субъектов в поэзии Л.А. Попова	104
<i>Билюкина А.А.</i> Человек и власть в комедиях Н.Д. Неустроева	110

Наш юбиляр

<i>Мыреева А.Н.</i> Алла Афанасьевна Билюкина. (К 80-летию со дня рождения)	117
---	-----

Информация

<i>Петров П.П.</i> Юбилейные мероприятия посвященные 100-летию профессора Ф.Г. Сафронова	119
<i>Дьячковский Ф.Н., Ефремов Н.Н.</i> О научной конференции «Урало-алтайские исследования», приуроченной к 55-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН, доктора филологических наук, профессора А.Н. Дыбо	122
<i>Дьячковский Ф.Н., Багдарыын Нь. С. уола, Ефремов Н.Н.</i> О региональной конференции «Языки народов Сибири и сопредельных регионов» к 90-летию М.И. Черемисиной	123
Сведения об авторах	125
Правила и оформления рукописей	129

CONTENTS

Historical sciences

<i>Romanova E.N.</i> Horse-breeding in the Arctic: traditions of Steppe Culture	5
<i>Zhukova L.N.</i> The traditional culture of forest Yukagirs. Experience of an ethnomythological marker	8
<i>Vinokurova L.I., Filippova V.V., Sannikova Y.M.</i> Rural cultural landscape of Yakutia: a multidisciplinary approach	17
<i>Tero Mustonen, Ari Lehtinen</i> Arctic traditional picture of the world: cyclic transfer of knowledge in communities of indigenous peoples of the Eurasian North	24
<i>Starostina M.I.</i> The life of Yakut archpriest Alexy (Okoneshnikov)	34
<i>Zakharova N.V.</i> The creation of the militia in Yakutsk region in 1917	40
<i>Kurtseitov R.D.</i> Declassified premium lists as a historical source: Central archive of the Ministry of Defense of the Crimean ASSR	44

Sociology

<i>Osipova O.V.</i> Acculturation strategies for the Arctic youth	54
<i>Tomaska A.G.</i> Migration of the rural population of the Republic of Sakha (Yakutia): the strategy of socio-economic adaptation	59

Philological sciences

<i>Burykin A.A.</i> Linguistic, sociolinguistic, lingvosociologic, ethnic, social and socio-cultural problems of writing and written languages of the indigenous peoples of the Russian Federation at the present stage	63
<i>Selyutina I.Y., Urtegeshev N.S., Dobrinina A.A., Ryzhikova T.R., Letyagin A.Yu., Shevela A.I.</i> The newest technology in the hardware research sound systems of the languages of Siberia, Evenki language	75
<i>Afanaseva E.F.</i> Experimental research of the Barguzin dialect in Evenk language	81
<i>Samsonova E.M.</i> The specificity of the representation of distribution multiplicity in the Yakut language	85
<i>Sharina S. I.</i> Written texts as an additional source to identify the dialect characteristics (based on the Ust-Yansky dialect Even language)	93
<i>Kurilova S.N.</i> Objectification of the images of the water fragment in the landscape concept sphere of the Tundra Yukaghir linguistic culture	98
<i>Efremova E. M.</i> Typology of Lyrical subjects in poetry L.A. Popova	104
<i>Bilukina A.A.</i> The man and the power in comedy N.D. Neustroeva	110

Hero of an anniversary

<i>Myreeva A.N.</i> The 80 th Anniversary of A.A. Bilyukinoy	117
---	-----

Information

<i>Petrov P.P.</i> Anniversary events dedicated to the 100 th anniversary of the professor F.G. Safronov ...	119
<i>Dyachkovsky F.N., Efremov N.N.</i> About the Science Conference “The Ural-Altai studies” dedicated to the 55 th anniversary of the birth of Corresponding Member of RAS, Doctor of Philology, Professor A.N. Dybo	122
<i>Dyachkovsky F.N., Bagdaryyn N.S. Efremov N.N.</i> About Regional Conference “Languages of the Peoples of Siberia and adjacent regions” to the Anniversary 90 th M.I. Cheremisina	123
Information about authors	125
How to submit articles	129

Е.Н. Романова

Коневодство в Арктике: традиции степной культуры*

Статья посвящена проблеме сохранения и развития традиционных форм хозяйствования, механизмов адаптации коневодческой культуры к экстремальным условиям природной среды Севера, её трансформации в условиях модернизации социально-экономической структуры общества. На современном полевого материале анализируется уникальный феномен арктического табунного коневодства народа саха (якутов) с его богатым историческим наследием, связанным с ранней культурой кочевников Центральной Азии.

Ключевые слова: коневоды Арктики, культура жизнеобеспечения, адаптация, историческое наследие, культурная память, мифология и ритуал, традиции, трансформация, этнография устойчивости.

Табунное коневодство, базирующееся на круглогодичном пастбищном содержании лошадей, является важным объектом исследования аграрной истории народа саха. В этом плане обращение к антропологическому контексту коневодческих традиций, а именно – к профессии коневода заслуживает особого внимания.

Якуты являются самым северным скотоводческим народом Сибири, рано оторвавшимся от основного ядра тюрков и в силу сложных миграционных процессов оказавшимся на Северо-Востоке Азии. Как известно, уже к началу XVII в. якутские роды жили в бассейне Яны и верховьях Индигирки, продвинув тем самым далеко на Север, в арктические районы, разведение табунного коневодства и крупного рогатого скота. Крайняя граница ареала распространения якутского коневодства к началу XIX в. доходила до побережья Северного Ледовитого океана. Современная область распространения якутской лошади на территории РС(Я) заходит далеко за полярный круг в лесотундру, где абсолютный перепад годовых температур достигает 108 градусов по Цельсию, а продолжи-

тельность зимнего тебеновочного периода составляет 8 месяцев в году.

Первые исследователи Арктики, путешествуя по северным окраинам Якутии, оставили в своих путевых дневниках красочные описания этих мест как страны ледяной пустыни и белого безмолвия. Так, Врангель относительно природного ландшафта Колымы писал: «Один взгляд на ужасную пустыню невольно вселяет мысль: здесь граница обитаемого света.

...Как очутился здесь человек? Что могло завлечь его сюда, в могилу природы? ...здесь, куда ничто не заманивает надеждой на будущее, где одни лишь бесконечные, снегом и льдом покрытые пустыни ограничивают мрачный горизонт, где под твердым покровом вечной зимы погребенная природа не может почти ничего предоставить человеку и где жизнь есть лишь горестное бремя со всеми ужасами холода и голода, с недостатком первых, самых обыкновенных потребностей и наслаждений, – что могло побудить человека оставить свое прежнее жилище и поселиться в сей ужасной могиле природы, которая заключает в себе только кости уже давно несущее-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-38-00031).

ствующих (первобытных) животных» [Врангель, 1948, с. 136].

С освоением якутами бескрайних северных просторов арктическая пустыня превратилась в оазис табунного коневодства, место разведения якутской породы лошадей, и именно этот «конный» мир придает сегодня арктическим районам РС(Я) свою неповторимость и уникальность. Отличительной особенностью северного скотоводства от скотоводства центральных районов Якутии вплоть до начала XX в. являлось преобладание конного скота над рогатым.

Якуты-коневоды в процессе адаптации создали наиболее чувствительную к условиям вечной мерзлоты модель хозяйствования, основанную на традициях степного нomaдизма с учетом хрупкости экологических ландшафтов Севера.

Суровый природно-географический ландшафт Арктики, охватывающий крупные орографические объекты и речные системы, сформировал оригинальный тип северной коневодческой культуры. Основные приемы технологии разведения лошадей якутской породы в течение столетий сохранились в неизменном виде и основываются на круглогодичном пастбищном содержании.

Сегодня в условиях рыночной экономики северное табунное коневодство развивается в форме крестьянских фермерских и личных подсобных хозяйств. Их доля в конепоголовье превышает собственность государственных сельхозпредприятий и подсобных хозяйств различных предприятий и учреждений. Из общего поголовья в 159,8 тыс. лошадей 90,5 тыс. принадлежало фермерам и единоличникам [Якуты (Саха), 2013, с. 168]. Очевидно, что устойчивость развития северного коневодства зависит от традиционного образа жизни сельского жителя.

Цель экспедиционного проекта 2012–2013 гг. состояла в изучении повседневной жизни коневодов-табунщиков Оймяконья, Абыя и Колымы. Следует отметить, что такое полевое этнографическое исследование на микроуровне субкультуры мужских профессий проводилось впервые. В этом ракурсе профессиональные традиции коневодов-табунщиков рассматривались как знаковый феномен [Щепанская, 2010, с. 3]. Методологической основой проекта стала концепция культурной памяти Я. Ассмана [2004, с. 39], где культура есть объективизированная память общества, сохраняющая свою идентичность и передающая ее по цепочке поколений. Обращение к «фигурам

воспоминаний» как механизму трансляции и сохранения культурной памяти является одним из плодотворных направлений исследования.

Освоение пространства профессии. Система жизнеобеспечения северных якутов-коневодов, в частности жизненные и природные сценарии, связаны со стратегией этнографии устойчивости. Огромные пространства и долгий путь перекочевок сформировали у коневода-табунщика свою систему организации северного варианта коневодства. Знание особенностей территории, топографии кочевий, топонимов местности создавали своеобразный «банк данных», закрепленный за профессией коневода.

Профанный и сакральный мир коневодов обыгрывал свои символы: природу, дорогу и табун лошадей. Природный ландшафт диктовал границы выпаса лошадей, в старину именно за счет лошадей богатые якуты увеличивали свои земельные владения. Общеизвестно, что в верховьях маленьких речек свободными оставались заболоченные луга, куда и отправлялись коневоды якутской знати возделывать эту землю с целью заготовки страховых запасов сена. Сохранилось древнеякутское измерение табунов не по поголовью, а по занимаемой ими площади. «У такого-то богатого якута столько речек лошадей», что означало «его лошади осваивают долины стольких-то маленьких травяных речек» [Сомоготто, 2009, с. 145]. Земля и лошадь становились главной ценностью якутского общества, при этом профессия коневода осваивала пространство социального контроля над природными и жизненными ресурсами народа саха.

Коневоды Арктики в репрезентации культурной памяти: лошадь, миф, ритуал. Несмотря на то, что северные коневоды проживают в ареале культурного пограничья с малочисленными народами Севера (эвены, юкагиры), здесь сохраняются профессиональные традиции степных коневодов, представленных в первую очередь в знаковых системах (язык, миф, ритуал), воспроизводимых в рамках данной традиции. Полевые этнографические наблюдения и глубинные интервью с коневодами Арктики показали, что наиболее активно в их среде транслируется мифологический текст о сотворении Вселенной и Человека из частей лошади-первопредка. Исследования с использованием метода экспертной оценки, проведенные в Оймяконском и Абыйском районах среди коневодов, выявили достаточно высокую

степень сохранности традиционных верований и культов как элемента повседневного поведения профессионального коневода. На вопрос, заданный современным коневодом Арктики: «Считаете ли Вы лошадь священным животным?», были получены следующие ответы: «Мои предки считали лошадь божественным животным, и я тоже»; «Я почитаю божество покровителя коневодства Джесегей Айыы»; «Мы занимаемся священным делом, разводим лошадей, а это для нас святыня». «Мы, коневоды-табунщики, являемся посредниками между божеством коневодства Джесегей Айыы и племенем саха»; «Лошадь – это божественное животное, ее надо беречь»; «Когда я был молодым, старики-олонхосуты (*сказители*) в своих сказаниях пели о возникновении Земли и племени саха из божественной лошади, так появились священные табуны лошадей, за которыми мы сейчас ухаживаем и следим» [ПМА, конебаза «Тонор» Оймяконский улус].

Таким образом, в повседневной жизни коневодов-табунщиков удивительным образом происходит стяжение воедино пространства деятельности и времени как протяженной формы памяти.

Полевое описание жизни коневодов-табунщиков дает возможность определить их как хранителей традиций, своего рода «память коллектива». Согласно принципам коневодческой деятельности, они живут в природно-календарном циклическом времени и воспринимают мир одновременно как синхронную и диахронную целостность [Ле Гофф, 2013, с. 27].

Лошадь как основа жизни, а, следовательно, организующий символ культуры была главной составляющей всей религиозно-ритуальной системы якутов. Жизненный цикл человека и лошадь выступали в гармоничном единстве, и именно этот феномен являлся и является главным ключом к пониманию этнической традиции саха. У северных якутов определяющим признаком этнокультурной принадлежности выступает ключевая характеристика традиционного образа жизни: «Якут – это тот, кто разводит лошадей».

Одним из важных индикаторов «включенности» в традицию современных коневодов-табунщиков является их роль **акторов** в ежегодном воспроизведении главного ритуала якутской традиции *Ысыаха*, проецирующего миф о сотворении Вселенной и Человека. С этим Первопраздником, проводившимся в период возрождения

природы, приплода скота, изобилия молока и молочных продуктов, в жизни якутов наступал новый календарный цикл, который ими воспринимался как наступление Нового года. Посредством кропления кумысом якуты благословляли небесные божества и просили у них размножения скота и, прежде всего, лошадей. В историко-культурном плане особенности сценарной практики принесения в жертву на *Ысыахе* лошадей (*ытык*) небесным божествам можно сопоставить с древними культами народов Южной Сибири и Центральной Азии.

Сегодня коневоды в контексте современного праздничного нарратива выступают каналом трансляции мифологического знания ритуала *Ысыах*. Так, по полевым материалам, коневоды регулярно воспроизводят ритуализованные практики и образцы сакральной конной культуры: выбор *ытыка* (священной) лошади белой масти в качестве жертвы, забой по определенным правилам для ритуальной пищи, обучение лошадей для обрядовых действий и др., таким образом, скрепляя этническую идентичность саха через «фигуры воспоминания». На празднике происходит своеобразная процедура символической идентификации «божество – лошадь – человек племени саха». Коневодческий праздник *Ысыах* соединял прошлое (миф), настоящее и будущее (процветание человеческого рода)

Система воспроизводства специальных знаний у коневодов проходит в неформальной обстановке через обучение молодых табунщиков опытными наставниками (учителями) в результате повседневной деятельности коневодов [ПМА: Абыйский, ПМА: Оймяконский р-ны].

Следует отметить, что у коневодов Арктики сохранились и до сих пор практикуются в повседневной жизни традиционные тексты культуры, направленные на прогнозирование будущего. Прежде всего, это метеорологические знания, календарный фольклор и обрядовая деятельность, передающиеся как сакральное знание из поколения в поколение. Антропологические исследования повседневной практики коневодов на полюсе холода показали плодотворность методологического дискурса в области этноклиматологии. Многолетний опыт сезонных практик и природные наблюдения коневодов за природно-климатическими изменениями способствуют выработке локальных превентивных стратегий.

Сегодня необходимо говорить о повышении престижа и социального статуса коневода-табунщика.

Источники

Полевые материалы автора: Тетрадь 1. Оймяконский улус – октябрь–ноябрь 2012 г., Тетрадь 2. Абыйский улус – декабрь 2012 г.; Тетрадь 3. Среднеколымский улус – март–апрель 2013 г.; полевые материалы Ю.А. Слепцова,

Литература

Ассман Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 365 с.

Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. 1820–1824. – М.; Л.: Главсевморпуть. – 1948. – 255 с.

Ле Гофф Жак История и память / Пер. с франц. К.З. Акопяна. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. – 303 с.

Соммоготто. Народ саха. – Якутск. – 2009. – 299 с.

Щепанская Т.Б. Сравнительная этнография профессий: повседневные практики и культурные коды (Россия, конец XX – начало XXI в.). – СПб.: Наука, 2010. – 367 с.

Якуты (Саха) / ответ ред. Н.А. Алексеев, Е.Н. Романова, З.П. Соколова. – (Серия «Народы и культуры»). – М.: Наука, 2013. – 599 с.

E.N. Romanova

Horse-breeding in the Arctic: traditions of Steppe Culture

This article is devoted to the preservation and development of traditional forms of existence, adaptation mechanisms of horse-breeding culture in the extreme conditions of the natural environment of the North and its transformation in the modernization of the social and economic structure of society. At the present, article analyzes a unique phenomenon of the Arctic horse breeding people of Sakha (Yakutia), with its rich heritage and association with the early culture of the nomads of Central Asia.

Keywords: Arctic horse breeder, the culture of life support, adaptation, historic legacy, cultural memory, mythology and rituals, tradition, transformation, climate change, ethnography stability.

УДК 316.723(=554)

Л.Н. Жукова

Традиционная культура лесных юкагиrow: опыт этномифологического указателя

В статье раскрывается значимость трех основных животных: лося, зайца, собаки – в промысловой жизни, мифологии и фольклоре коренного населения верхней Колымы. Видное место этих животных в традиционной культуре обусловлено сохранением охотничьего уклада хозяйства на протяжении многих тысячелетий.

Ключевые слова: функциональная значимость, охотничий промысел, тотем, миф, сказка.

Статья представляет собой отдельный раздел «Знаковые животные» из составленного автором «Этномифологического указателя по традиционной культуре лесных юкагиrow». Указатель выполнен по программе научно-исследовательских работ ИГиИПМНС СО РАН (2010–2013 гг.) и инициирован бывшим директором института, д.и.н. Н.А. Алексеевым. В «Этномифологический указатель», кроме публикуемого, вошли разделы по религиозно-мифологическим представлениям, персонажам сказочного фольклора, предметам материальной культуры и традиционному костюму.

Основная задача настоящей статьи заключается: 1) в обобщении накопленных материалов смежных наук (археология, этнография, наскальное искусство древней Якутии, устное народное творчество юкагиrow); 2) определении глубинных связей традиционных промысловых (лось, заяц) и единственного домашнего животного (собака) с обрядом и мифом, языческими воззрениями на Природу, знаковыми символами, пиктографией юкагиrow.

Изложенный материал апробирован в учебных пособиях [1996а, б], социологическом исследовании

© Л.Н. Жукова, 2014

довании [2001], статьях и публикациях, монографиях [2009, 2012, 2013]. Для иллюстрирования использованы древние наскальные рисунки рр. Лены, Алдана, берестяные пиктографические письма, предметы материальной культуры, а также иллюстрации современных художников к фольклорным текстам лесных юкагигов. Разрядкой приведены слова из языка лесных и тундровых юкагигов, последние отмечены особо (т. юк.).

Инновационный проект по составлению «Этномифологического указателя» на материале традиционной культуры лесных юкагигов является пионерным и может положить начало серии подобных словарей-справочников на основе изучения этнических культур коренных народов Якутии. Подобные справочники могут быть инсталлированы на электронные носители.

Т О Л О У 'ЛОСЬ' (также 'дикий олень').

Табуированные названия: ч о м о л б э н 'как будто большой', ч у у л 'мясо', ч о м о н ч у у л 'большое мясо', п и э д ь э 'маленькая гора'.

После того, как около 10 тыс. лет назад на севере Евразии исчезли плейстоценовые животные (мамонт, шерстистый носорог и др.), с установлением голоценовой фауны лось становится основным промысловым животным охотников таежной зоны. На неолитической стоянке Белькачи (р. Аддан) 92,5% общего количества определяемых костей принадлежало лосю [Боесков, 2003].

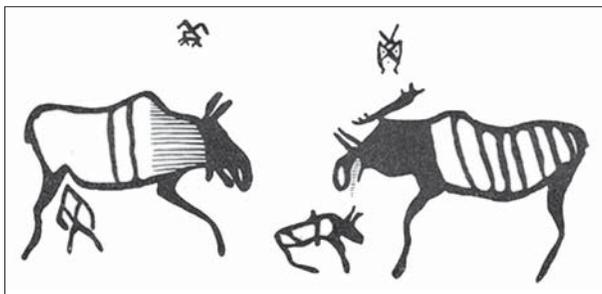

Рис. 1. Изображения трех лосей. Два знака сверху и антропоморфная фигура подрисованы охрой иного оттенка, возможно, позднее (?). Средняя Лена [Окладников, Запорожская, 1972]

В наскальном искусстве древней Якутии изображения лосей появились в позднем палеолите (дюктайская археологическая культура, 35–10,5 тыс. л.н.). В неолите (6,2–3,3 тыс. л.н.) лось стал главным сюжетом писаниц Северной Европы,

Урала, Средней, Южной Сибири и таежной зоны Северо-Восточной Азии. Рисунки выполнены в монументально-реалистичном стиле, исследователи первобытного искусства считают, что они отражают культ промыслового животного и приемы охотничьей магии (рис. 1).

В позднем неолите – бронзовом веке Якутии животное введено в сложные композиции космогонического характера. Под сложносоставными знаками Неба на писанице Суруктах-Хая (средняя Лена) помещены фигуры лосей, семантически связанные с мифопоэтическим образом Земли-матери – лосихи, Матери-зверя. На рис. 2, а, б знаковому обозначению божественного Неба в виде переkreщенной лучистой дуги соответствует зооморфный облик Земли-матери. На рис. 2, а знак Небесного отца-дарителя и рисунок беременной лосихи создают парный образ основной божественной пары. На рис. 2, б лось, обращенный головой вниз под линией горизонта(?), возможно, символизирует уже подземный мир мертвых. К этому времени произошли изменения в передаче образа зверя, графика его условно-схематическая и отражает, в первую очередь, смысловую наполненность рисунка. Введение основного промыслового животного в космогонические композиции объясняется особой значимостью лося в структурировании мифопоэтической Вселенной и ее элементов.

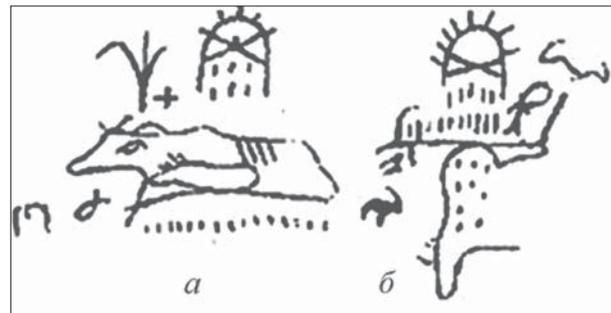

Рис. 2. Изображение солнечного божества на писаницах Якутии. Средняя Лена [Окладников, Запорожская, 1972]

Возможна более ранняя иконография божественного Неба-отца в зооморфной ипостаси. Животный образ Неба-отца обнаруживается среди неолитических рисунков на р. Алдан. Лось-самец изображен с петлей-каплей в подбородочной части (рис. 3). Подбородочный волос лося имел особую сакральную значимость в традиционных воззрениях народов Севера. Ему приписывались раз-

личные магические свойства, в том числе магия плодородия. Фигуры Небесного лося и беременной лосихи могут рассматриваться как ранние зооморфные символы двухчастной Вселенной в мифотворчестве древнего населения Якутии.

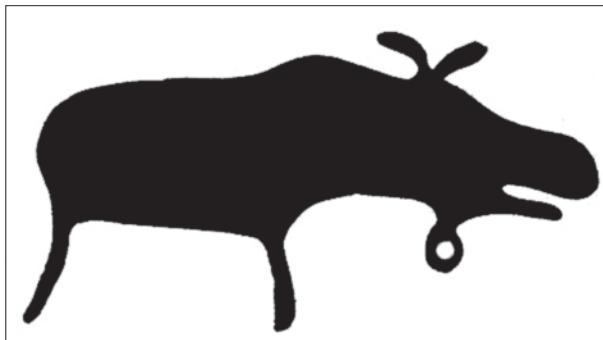

Рис. 3. Возможный образ небесного Лося-отца (р. Алдан, IV–III тыс. до н.э.) [Окладников, Мазин, 1979]

У некоторых народов Севера лось выступал зооморфным символом трехуровневой Вселенной, был маркером Верхней, Средней и Нижней Земли. «Этнография Сибири вместе с археологией свидетельствуют... о глубокой древности представленный космического и космогонического характера, в которых образу лося – «живой Вселенной» принадлежит основополагающая, центральная роль, по крайней мере, на протяжении 6 – 8 тысяч лет» [Окладников, Мазин, 1979, с. 82].

«Лосиная» тема постепенно затухает в наскальном искусстве бронзового – раннего железного века Якутии вместе с общим упадком наскальной живописи (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). Однако в экономической жизни охотничьих коллективов роль этого животного оставалась неизменной, так как ему не было равноценной замены. Впоследствии, с прибытием новых, южных по происхождению, волн пришлого населения, местные племена познакомились с элементами нового для них присваивающего хозяйства, основой которого является одомашнивание дикого оленя.

Исследователи полагают, что ныне на территории Якутии наследниками древних охотничьих традиций являются лесные юкагиры, в экономической жизни и мировоззрении которых лось имеет первостепенную значимость [Кочмар, 1994; Спиридонов, 1996; Туголуков, 1979; Юкагиры, 1975].

В.И. Иохельсон [2005б, с. 217; 2005а, № 27] писал, что древние юкагиры питались лосями,

пренебрегая дикими оленями, а обеспеченность мясом являлась традиционным символом изобилия: «Мяса на дворе с дом величиной лежало». Снижение промысла лося произошло после присоединения Сибири к Российскому государству. Мужчины-охотники должны были платить в государственную казну ясак – натуральный налог в виде пушнины, в результате чего основную экономическую значимость приобрела охота на пушного зверя. Отсутствие пушнины обрекало юкагирские родовые группы на дополнительные поборы со стороны взимающих ясак: отбирались сети, лодки, нарты, шубы – все, что представляло определенную ценность. Кроме того с развитием товарно-денежных отношений «инородцы» за пушнину могли приобрести у купцов порох, чай, табак, водку, муку, ткани и др. товары.

В конце XIX в. юкагиры Колымского округа из-за сокращения численности лосей стали промышлять дикими оленями. Прекращение охоты на этих животных и неудача в других видах промыслов означали бы для юкагирских групп голод, поэтому добыча и все, что связано с ней, сопровождалось многими обрядами, запретами и оберегами (изготовление лыж, разделка туши и ее транспортировка, захоронение останков, запрет на добычу животного сверх необходимого и пр.). Кочующей группе запрещалось переходить свежий след животного [Иохельсон, 2005а, б].

Одним из древних является специфический обряд изготовления плоскостного макета лося из подручных материалов (шкура, фанера) и стрельба в него с целью добывания а й б и и 'тень', позднее 'душа' зверя для обеспечения удачи в предстоящем промысле. Обряд производится современными охотниками (зап. от М.М. Лихачева); известен он эвенкам-орочонам Южной Якутии [Мазин, 1984]. Подготовка юкагирских мальчиков – будущих промысловиков включает стрельбу из луков по игрушечным мишеням в виде лося (рис. 4).

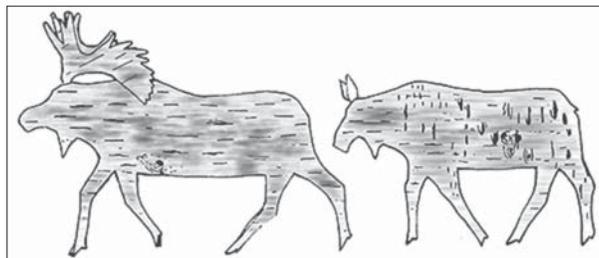

Рис. 4. Лось и лосиха из бересты. Игрушки. Кон. XIX – нач. XX в. [Иохельсон, 2005б]

К обрядам охотничьей магии относится особое отношение к голове, глазам добытого животного как местонахождению его жизненной энергии. Лосиные рога имеет антропоморфная фигура из дерева й у ө й а – охранитель промысла (рис. 5). Изделие ставили на охотничью тропу для обеспечения удачного промысла.

Рис. 5. Культовая антропоморфная скульптура. Мастер В.Г. Шалугин [Жукова, 2012]

Определенное место лось занимает в устном народном творчестве. В сказочном фольклоре имеются следы мифопоэтического образа лося-предка по женской линии, указывающие на возможное существование тотемических отношений (Старуха-лось в «Сказке» [Иохельсон, 2005а, № 23]). В то же время среди родовых названий лесных юкагиров не отмечены крупные копытные (известны Заячий род, Рыбный род).

В циклах сказок о животных, людоеде Ч у о л и д ь и П о л у т е тема крупных копытных не является главной. В них лось выступает доверчивым, глуповатым и становится легкой добычей. В сказках тема крупных копытных часто сопряжена с восхвалением охотничьих способностей персонажей.

В этиологических текстах об устройстве и вторичном преобразовании мира образ лося выражен слабо и присутствует как второстепенный, возможно, из-за табуированных охотничьих запретов и антропоцентричности текстов этого цикла. Согласно мифу, лось по просьбе рыб ударом копыта приплюснул голову красавца-налима. С тех пор налим стал непривлекательным и мстительным. Это единственный текст, где лосю приданы функции мироустроителя (ПМ П.Е. Прокопьевой [Жукова, Прокопьева, 1991]).

Один из этиологических текстов объясняет, почему у лося всегда огорченный вид и опущенный нос: его обманул заяц [Прокопьева, 2009]. В тексте заяц – старший брат, лось – младший, обычно обижаемый.

У юкагироязычных жителей Чукотки записан миф о том, как три брата и три сестры, преследуя лося, поднялись на Небо. Теперь все они составляют созвездие Большой Медведицы. Записавший миф сетовал на то, что объем собранных сведений космогонического и иного характера небольшой, так как мало кто владеет «чуванским, юкагирским и омотским языками» [Дьячков, 1992, с. 232].

«Лосиная» тема актуализируется в фольклорном цикле об одном из основных божеств пантеона – Хозяине Земли, в шаманских легендах, охотничьих рассказах, быличках. В них лось – этический индикатор, имеющий магические связи с божествами юкагирского пантеона [Жукова, 1996а; Хозяин Земли, 1994].

Лось, как и другие животные, согласно языческим воззрениям юкагиров, имеет своего мифического хозяина-покровителя. Охранитель лосей как вида п и э д ь э н м о о й э (досл. ‘маленькой горы держатель’) подчиняется главному божееству охоты и охотников Л э б и э н П о г и л ю ‘Хозяину Земли’. «Зачем обидели моего сына?» – спросил Хозяин Земли о лосенке, с которого два мальчика из озорства живьем сняли шкуру и отпустили. В тексте наказавший мальчиков Хозяин Земли (он же назван хозяином лося) описан как высокий черный человек [Юкагиры, 1975, с. 51]. Одной из функций Л э б и э н П о г и л я является распределение лосей по охотничьим угодьям.

По другой легенде хозяин лося – человек малого роста сидит верхом на шестиногом лосе (рис. 6) [Жукова, Николаева, Дёмина, 1989, ч. 2, № 34]. Имеется упоминание о восьминогом лосе [Юкагиры, 1975, с. 54]. Истоки возникновения образа многоногого животного у лесных юкагиров не ясны.

В народных представлениях облик лося имеет злой дух н и н й у о й э, который поселяется в складках одежды и вызывает ревматизм суставов. Эту болезнь приписывают непочтительному отношению человека к мертвому животному. Боялись ч о м о л б э н а й б и и ‘духа лося’, «волосогрызку», – черного древесного жука с «рогами». Говорили, напр.: «Дух лося возле тебя летает» (зап. от А.В. Слепцовой).

Рис. 6. Обложка книги
«Легенда о шестиногом лосе».
Юк. художница С. Курилова

В прошлом шкуры 2–3-летнего лося употребляли для изготовления одежды. В XX в. в связи с распространением тканей одежда из меха и шкур животных стала выходить из употребления. В нач. XXI в. юкагиры говорят, что запрещается изготавливать обувь, постель из шкуры лося, кроме подошвы обуви. «Камусы лося оденешь – у тебя будут болеть кости» (зап. от А.В. Слепцовой).

Из рогов лося изготавливали блюда для мяса, ложки, по лопатке гадали.

В нач. XXI в. в традиционной культуре лесных юкагиров-охотников, несмотря на присутствие многих элементов иноэтнического происхождения, христианизацию и советизацию в недавнем прошлом, лось продолжает занимать определенное место в религиозных воззрениях, мифологии, фольклоре.

Ч О Л Б О Р О ‘ЗАЯЦ’. Т. юк.: ө й э г э (п).

Табуированное название: ‘среди тальников бегающий’.

В Якутии на стоянках древнего человека периода позднего плейстоцена и раннего голоцена кости зайца немногочисленны; в неолитическое время в процентном отношении они значительно уступают костям лося [Боескоров, 2003]. Среди наскальных рисунков средней Лены из-

вестно изображение беременной зайчихи (?) рядом с круглоголовой антропоморфной фигурой (рис. 7).

Рис. 7. Антропоморфная фигура и зайчиха (?).
Средняя Лена [Окладников, Запорожская, 1972]

Юкагиры колымской тундры созвездие Малой Медведицы называют Ө й э г э д и э ‘Заячь’, ниже его расположено состоящее из трех звезд созвездие Ө й э г э лахил ‘Хвост зайца’ [Курилов, 2001].

В прошлом при неудачах в охоте на копытных животных (лось, олень) промысел зайца спасал юкагиров от голодной смерти. Это один из главных объектов зимней и весенней охоты в семьях, где отсутствовали мужчины-промысловики. В нач. XXI в., лишившись мужа, юкагирская женщина говорила, что вместе с сыном живут теперь как старые юкагиры: летом кормятся рыбой, зимой – зайцами.

Заяц – наиболее популярный персонаж фольклора лесных юкагиров имеет древние связи с культом предков и тотемными представлениями.

Предположительно, в кон. XIX – нач. XX в. одна из юкагирских групп р. Ясачной имела тотемным животным предком зайца. Эта юкагирская группа составляла Ч о л б о р о д о м о к ‘Заячий’ или ‘Ушканский род’. Некоторые старики, готовые перейти в мир иной, видели себя во сне зайцами, пробующими дорогу в Айбидии ‘Мир теней’ (зап. от Д.Г. Дьячкова).

С зайцем может быть соотнесен фольклорно-мифологический образ предка по мужской линии. Хозяин Айбидии по имени Й о о д э и с ь э н ь у л б э н ‘Голова как будто острая’ описывается как остроголовый человек, имеющий во рту четыре зуба, «на тесла похожие». Й о о д э и с ь э н ь у л б э н считается главой злых духов и специально охотится за людьми.

Преимущественно от представителей Ч о л б о р о д о м о к записаны этиологические тексты, сказки животного цикла, песни и поговорки о Зайце (рис 8) [Жукова, Николаева, Дёмина, 1989, ч. 1; Жукова, Прокопьева, 1991; Иохельсон, 2005а, б; Прокопьева, 2009; Юагиры, 1975]. Фольклор сообщает о попытках содержания зайцев в неволе: некоторые семьи «зайчика как ребенка воспитывали».

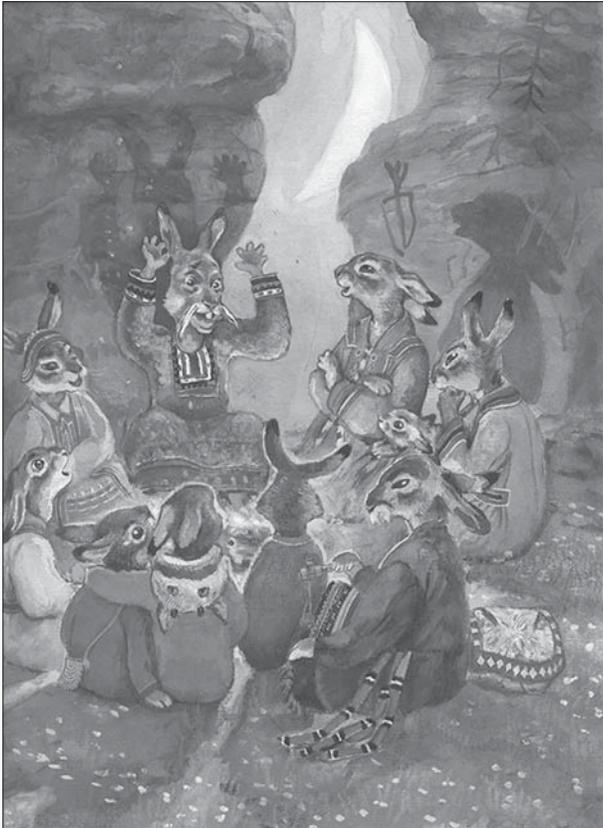

Рис. 8. Обложка книги «Сказки, мифы и легенды лесных юагиров». Худ. М. и И. Поповы

Заяц по частотности названия преобладает в этиологических текстах. Он – герой лунарного мифа «Почему Рысь Зайца съедает», варианты этого мифа известны в Китае и Японии. Согласно мифу, в расположении пятен на Луне видятся фигуры зайца, шамана и наковальни между ними.

Смеясь, Заяц обманывает братьев – Лошадь и Лося, что запечатлено в его облики: глаза выпучены от смеха, рот сжат. Заяц, Лошадь и Лось – дети Земли-матери.

Хвост Зайца стал коротким, а кончики ушей почернели из-за действий человека.

Наиболее распространена «Сказка о Зайчике» (рис. 9), записанная в нескольких вариантах. От-

дельные части сказки пропевались, как, например, обращение Зайца к бабушке:

«Бабушка, ты меня не догонишь
На той стороне реки,
На мучение старичка
Ухожу я» [Дёмина, 2005, с. 118].

Рис. 9. «Сказка о Зайчике». Юк. художница Л.А. Дьячкова-Дускулова

Образ коварного плута Зайца раскрывается в цикле сказок о старике людоеде Ч у о л и д ь и П о л у т е. Заяц дружит с людоедом или уничтожает его. Иногда для уничтожения своих врагов Заяц сооружает ритуальный шалаш из травы, тальника или веток молодых лиственниц. В традиционной культуре юагиров наземное захоронение в шалаше является известным этнографическим фактом и описано исследователями [Иохельсон, 2005а, б; Спиридонов, 1996; Жукова, 2012].

Образ коварного Зайца функционально приближен к образу другого мужского сказочного персонажа, плута Д е б е г е я / Т е б е г е я и может быть рассмотрен в качестве его зооморфного эквивалента. Д е б е г е й, как и Заяц, хитростью побеждает Чуолидьи Полута.

«В образе Зайца обнаруживаются характеристики не только тотемного предка, но и культурного героя-трикстера, что часто сопутствует образу первопредка в фольклоре» [Прокопьева,

2009, с. 67]. В некоторых сказках юкагиров Заяц – умный и хитрый «жесткий лидер», всеми возможными способами достигающий личного благополучия. Он уничтожает мать, друга-волчонка, судей-зверей (в т.ч. лося), людоеда, обманывает окружающих, однако сказки не порицают его поступков.

Народный юмор сквозит в сказке, сообщающей, что три парня на охоту «на нарте поехали, вместо собак десять зайцев запрягли». Молодые люди приехали к людоедам, женщина зайцам для еды дала не траву, а волосы людей. В финале сказки людоеды самоуничтожились [Иохельсон, 2005а, № 3]. Тексты о зайце принадлежат разным жанрам, структурно разнородны и в настоящее время не составляют единого «заячьего» цикла.

Мифологический хозяин-покровитель зайцев как вида ч о л б о р о н м о о й э (досл. ‘зайцев держатель’) находится в подчинении у одного из основных божеств юкагирского пантеона – Л э б и э н П о г и л я ‘Хозяина Земли’. Хозяин Земли, награждая молодого охотника промысловой удачей, обещает: «Зайцы теперь водиться будут. Они с ветром вместе ходят, я ветер вызову» [Хозяин Земли, 1994, с. 14].

Шкуры зайца в прошлом шли на шитье и отделку одежды (в особенности стариков и детей), одеял; шерсть добавляли в вар для заклеивания щелей в лодках. Использовали в народной медицине. Гадали по заячьей лопатке или челюсти.

Т О У К Θ ‘СОБАКА’.

Т о у к θ – производное от рус. ‘собака’, национальный вариант слова неизвестен. Т. юк.: л а м э.

Попытки одомашнивания юкагирами мелких млекопитающих (заяц, лиса) не привели к желаемым результатам, только приручение волка способствовало тому, что юкагиры стали собаководами. Сцены охоты с собаками запечатлены в наскальном искусстве Якутии в период позднего неолита – раннего железного века (рис. 10).

Собака приобрела исключительное значение в промыслово-хозяйственной и религиозно-обрядовой жизни юкагиров [Туголуков, 1979; Чикачев, 2002; Юкагиры, 1975]. Значимость этого домашнего животного в охотничьем хозяйстве отражена в топонимике юкагиров: Л а м э й а л б и л ‘Озеро собаки’ [Курилов, 2005],

Т о у к о н ь а л п и э й о б у л ‘Скала, где стояла фигура собачьей головы’. Прибывшие в XVII в. на р. Индигирку казаки назвали реку «Собачья», а построенный здесь в нач. XVIII в. Зашиверский острог первоначально назывался «Собачий».

Рис. 10. Сцена охоты с тремя собаками на трехпалого лося (средняя Лена) [Окладников, Запорожская, 1972]

В мужском пиктографическом письме лесных юкагиров собака изображена в различных ситуациях промысла. Погибшее животное рисовали перевернутым головой вниз (рис. 11).

Собака – до сих пор единственное домашнее животное пешего охотника. Она – главный помощник на промысле, выполняет сторожевые и защитные функции, в прошлом – тягловое животное в зимних и летних перекочевках. Фольклор юкагиров сообщает, что части ее тела шаманы использовали с целью защиты (упоминаются мочевого пузыря, внутренности с не родившимися еще щенками) [Жукова, Николаева, Демина, 1989, ч. 2].

Собака – в прошлом основное жертвенное животное наряду с человеческими и иными жертвами. По-видимому, традиция эта уходит в глубокую древность. Археологами обнаружено погребение собаки, которое сопровождает древний грунтовый могильник. В верховьях р. Виллой на горе Туой-Хая (средний неолит) в очажном пятне найдены следы трупосожжения собаки. Под очажным пятном в небольшом углублении лежал череп собаки без следов воздействия огня. В сечении погребение имело форму гриба. Рядом таким же способом захоронен человек (трупосожжение и отдельное захоронение черепа). Эти жертвенные (?) захоронения человека и животного сопровождали расположенный поблизости могильник с трупоположениями [Федосеева, 1968]. Аналогии жертвенного захоронения человека и собаки известны в Древнем Китае [Кучера, 1977].

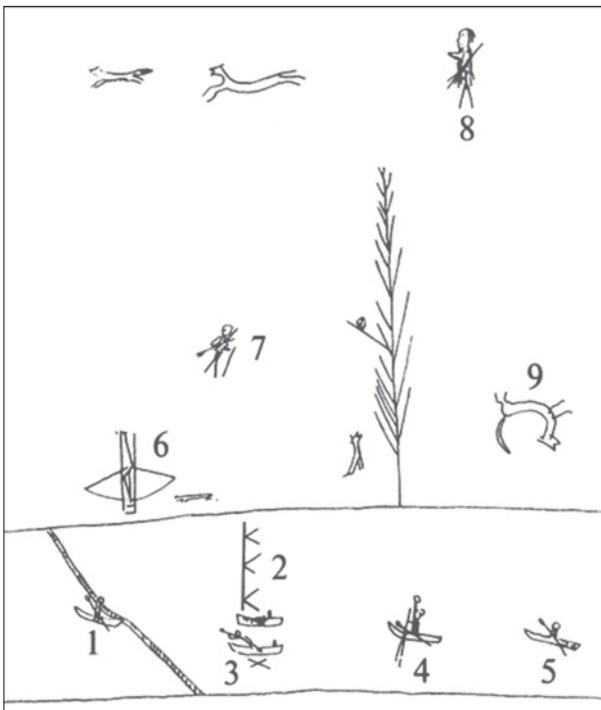

Рис. 11. Мужская пиктограмма. Береста [Иохельсон, 2005б]

Летние промыслы. Река поперек перегорожена, человек в челноке проверяет сети (1). Река до середины перегорожена тремя рядами сетей (2). Два челнока: один заполнен рыбой, на другом сидит человек и стреляет (3). Один человек везет речные сваи, к которым привязывают сети (4), другой возвращается домой с рыбой (5). На правом берегу горностаи бежит к самострелу (6). Охотник приближается к дереву, где беличье гнездо. Его собака лает на гнездо (7). Собака охотника преследует лису (8). Собака подошла (9)

Лесные юагиры в ритуальном шалаше вместе с захоронением частей тела шамана оставляли жертвенных собак. Впоследствии в качестве заместителя жертвы стали изготавливать чучело собаки из травы или вырезали его из дерева [Иохельсон, 2005а, б; Спиридонов, 1996].

Материалы В.И. Иохельсона показывают, что в кон. XIX – нач. XX в. юагиры жертвовали собакам языческому божеству охоты и охотников – Хозяину Земли, ориентируя их головой на юг. Собакам, приносимых в жертву Солнцу и другим благодательным божествам, вешали головой на восток, а предназначенных в жертву злым духам хоронили головой на запад. Собака была стражем небесных ворот в Верхний мир (т. юк.); вместе со старухой-предком она охраняла дорогу в Ай-биди и 'Мир теней'.

Особое место это домашнее животное занимает в фольклоре. В сказках собака – спаситель-

ница человека от людоеда Ч у о л д ь и П о л у т а. При приближении людоеда люди откочевывали, оставив собаку как откуп-жертвоприношение. Собака была наделена волшебными свойствами и губила людоеда. В некоторых сказках она превращалась в потенциального жениха/невесту главного персонажа [Иохельсон, 2005а]. В шаманских легендах собака выступает как дух-помощник шамана. Многозначность и многофункциональность собаки в фольклоре является отражением некоторых действительных реалий прошлого, тогда же, возможно, появился мотив оборотничества человека и собаки.

В этиологических текстах о сотворении мира, несущих влияние христианского мифа, собака косвенно помогает злому персонажу – Сатане [Жукова, 2012; Жукова, Николаева, Дёмина, 1989, ч. 1, 2; Жукова, Прокопьева, 1991]. Она теряет ключи от хранилища, и Сатана портит первых людей. Она единственная из животных берет шкуру у Сатаны, чем навлекает на себя проклятия Христа. В текстах о противостоянии Христа и Сатаны качества собаки низведены до отрицательных и комических. Теперь у собаки «жизнь такая: всегда привязана ремнем, ест то, что человек даст, а не будет человек кормить – подойдет» [Лунное лицо, 1992, с. 35].

Некоторые родовые группы охотников-собаководов Якутии обратились к хозяйственно-экономическому опыту пришлых народов – тунгусов, якутов. Они переняли разведение копытных животных (олень, лошадь, корова) и значимость собаки в хозяйстве снизилась. В фольклоре якутов собака – самое презренное из всех животных [Кулаковский, 1979, с. 202–204].

Список информантов

(с. Нелемное Верхнеколымского улуса РС(Я))
 Дьячков Дмитрий Григорьевич, 1912–1995
 Лихачев Михаил Михайлович, 1923–2008
 Слепцова Акулина Васильевна, 1930–2010
 Шалугин Василий Гаврилович, 1935–2002

Список сокращений

ПМ – полевые материалы
 зап. – запись
 рус. – русский

Литература

Боескоров Г.Г. Состав териофауны Якутии в позднем плейстоцене и голоцене (по археологическим ма-

- териалам) // Древние культуры Северо-Восточной Азии: Астроархеология. Палеоинформатика. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 27–43.
- Дёмина Л.Н. Песни сказочных персонажей // Фольклор палеоазиатских народов: (Материалы и сообщения Междун. науч. конф. 26–30 ноября 2003 г.). – Якутск: Изд-во ИПМНС СО РАН, 2005. – С. 118–120.
- Дьячков А.Е. Анадырский край // Жихарев Н.А. Повесть об Афанасии Дьячкове. – Магадан: Кн. изд-во, 1992. – Изд. 2. – С. 160–270.
- Жукова Л.Н. Религия юкагиров. Языческий пантеон. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1996а. – 90 с.
- Жукова Л.Н. Одежда юкагиров: Учеб. пособие. – Якутск: Якутский край, 1996б. – 143 с.
- Жукова Л.Н. Языческое миропонимание и XXI век. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2001. – 55 с.
- Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре. – Ч. 1. – Одежда юкагиров: генезис и семантика. – Новосибирск: Наука, 2009. – 152 с.
- Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре. – Ч. 2. – Мифологическая модель мира. – Новосибирск: Наука, 2012. – 360 с.
- Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре. – Ч. 3. – Якутск: Бичик, 2013. – 232 с.
- Жукова Л.Н., Николаева И.А., Демина Л.Н. Фольклор юкагиров верхней Колымы. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1989. – Ч. 1. – 161 с.; – Ч. 2. – 89 с.
- Жукова Л.Н., Прокопьева П.Е. Фольклорные тексты юкагиров верхней Колымы // Язык – миф – культура народов Сибири. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1991. – Вып. 2. – С. 146–167.
- Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. – Якутск: Бичик, 2005а – 270 с.
- Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы / Пер. с англ. В.Х. Иванова и З.И. Ивановой-Унаровой. – Новосибирск: Наука, 2005б – 675 с.
- Кочмар Н.Н. Писаницы Якутии. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1994. – 263 с.
- Кулаковский А.Е. Научные труды. – Якутск, 1979. – 484 с.
- Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2001. – 256 с.
- Курилов Ю.Г. Юкагирские топонимы: (Учебное пособие). – Якутск: Офсет, 2005. – 70 с.
- Кучера С. Китайская археология. 1965–1974 гг.: Палеолит – эпоха инь. Находки и проблемы. – М.: Наука, 1977. – 369 с.
- Лунное лицо: Сказки юкагиров / Сост. и обраб. Л.Н. Жуковой, О.С. Чернецова. – Якутск: Кн. изд-во, 1992. – 124 с.
- Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочононов (конец XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1984. – 200 с.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы средней Лены. – Л.: Наука, 1972. – 271 с.
- Окладников А.П., Мазин А.И. Петроглифы бассейна реки Алдан. – Новосибирск: Наука, 1979. – 152 с.
- Прокопьева П.Е. Отражение мифологического мышления в юкагирском фольклоре. – Новосибирск: Наука, 2009. – 143 с.
- Спиридонов Н.И. (Тэки Одулок). Одулы (юкагиры) Колымского округа. – Якутск: Северовед, 1996. – 80 с.
- Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? – М.: Наука, 1979. – 152 с.
- Федосеева С.А. Древние культуры верхнего Вилюя. – М.: Наука, 1968. – 170 с.
- Хозяин Земли: Легенды и рассказы лесных юкагиров / Сост. и обраб. Л.Н. Жуковой, О.С. Чернецова. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1994. – 100 с.
- Чикачев А.Г. Русские арктические старожилы Якутии. – М.: ИнтроГек, 2002. – 112 с.
- Юкагиры. Историко-этнографический очерк. – М.: Наука, 1975. – 244 с.

L.N. Zhukova

The traditional culture of forest Yukagirs. Experience of an ethnomythological marker

The article explains the importance of three main animals: elk, hare, dog – in hunting life, mythology and folklore of the indigenous population of the Upper Kolyma river. Prominent place of these animals in the traditional culture is conditional the persistence of a hunting lifestyle of the economy for many millennia.

Keywords: functional significance, hunting, totem, myth, a fairy tale.

Л.И. Винокурова, В.В. Филиппова, Я.М. Санникова

Сельский культурный ландшафт Якутии: междисциплинарный подход*

В статье представлены предварительные результаты исследования сельского культурного ландшафта якутских сел центральной и вилюйской зон Якутии. Выявлены сходства и различия в формировании и функционировании сельского культурного ландшафта, сложившегося в последней трети прошлого и существующего в первые десятилетия XXI века на примере отдельных сельских поселений Якутии.

Ключевые слова: сельский культурный ландшафт, Якутия, природа, человек, Север.

Авторами статьи была предпринята серия выездов в сельские населенные пункты Республики Саха (Якутия) в рамках проекта «Антропология сельского культурного ландшафта: эволюция взаимоотношений человека и природы Севера» в 2012–2014 гг. для сбора эмпирического материала, интервьюирования и опросов старожилов по согласованной программе исследования. Следует подчеркнуть, что в целом сельский культурный ландшафт (далее в тексте КЛ. – Л.В., В.Ф., Я.С.) Якутии пока не изучался как отдельное историко-культурное явление. Наличие на ее обширной площади самых различных природных и культурно-исторических зон создает трудности в самом определении сельского КЛ, требуя его локализации в определенных исторических параметрах. В конкретном случае речь может идти об арктических приморских или тундровых районах или, к примеру, о горных участках субарктической зоны. При этом сельский КЛ Якутии, разноликий в географическом плане и в этнокультурном ракурсе, требует тщательного широкого изучения на уровне локальных хозяйственно-культурных зон или этнохозяйственных систем [Винокурова, 2007, с. 182–188; 2014].

Традиционный сельский культурный ландшафт Якутии интерпретирован нами в принятых в отечественной науке параметрах. Под сельским КЛ подразумевается система, включающая в себя следующие показатели: постоянное и сезонное поселения, природный ландшафт, планировочную и топонимическую структуру, народную архитектуру, а также этнос, хозяйственную деятельность, язык и духовную культуру [Пермиловская, 2014].

На данном этапе из всей палитры сельского КЛ мы ограничились обзором и анализом материалов Заречной зоны Центральной Якутии и для сравнения, привлекли западный район Вилюйской зоны. В статье представлена часть предварительных результатов полевых работ по проекту. Ввиду обширности собранной разноплановой информации (географических, исторических и социально-экономических характеристик населенных пунктов, краеведческих и статистических данных и т.д.) здесь затронуты прежде всего аспекты формирования и функционирования сельского культурного ландшафта, сложившегося в последней трети прошлого и существующего в первые десятилетия XXI в.

Известно, что каждый культурный ландшафт можно рассматривать как реализацию системы природопользования (модели освоения территории), свойственной той или иной культуре, в конкретных природных условиях [Исаченко, 2003]. На территории Якутии на протяжении длительной истории взаимодействия этносов и кормящего ландшафта сложилась собственная система природопользования: население заселяло преимущественно местности, удобные для хозяйственного использования земель. Подобный традиционный подход сформировал существующую до настоящего времени схему сельского расселения. По иному принципу происходило в XX в. формирование промышленных очагов, находящихся за границами староосвоенных сельскохозяйственных районов. Сюжет проникновения транспортных и промышленных сетей в пределы традиционных аграрных и промысловых сообществ является предметом отдельного исследования.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 12-06-98505.

Якутия – регион с богатейшими водными ресурсами, само заселение и хозяйственное освоение территории происходило по долинам крупных и малых рек, по невысоким, плоским аласно-таежным частям междуречий. Эти земли оказались пригодными для самого северного в мире скотоводства. Специалисты считают, что вечная мерзлота и суровые климатические условия ограничивают общую численность поголовья скота. Состояние сенокосных и пастбищных угодий свидетельствует о том, что оптимальной численности, соответствующей емкости аласно-таежного ландшафта Якутии, крупный рогатый скот достиг уже в 1960-е гг. И этот показатель примерно составлял 350 тыс. голов [Максимов, 2003, с. 111].

В свое время якуты-скотоводы хозяйственно освоили центральную часть территории Якутии, в которую входит правобережная зона р. Лена (Мегино-Кангаласский, Усть-Алданский, Чурапчинский, Амгинский и Татинский улусы), а также бассейны других крупных рек. Общая численность населения данных пяти улусов по Переписи 2010 г. составляла 108 245 чел., характерной его чертой является преобладающий удельный вес коренного якутского населения и высокая сохранность традиционного скотоводства.

Интересным сельским населенным пунктом центральной Заречной зоны является обследованный в рамках проекта центр Кытанахского наслега* Чурапчинского улуса – с. Килянки. В отличие от многих аналогичных по размерам и хозяйственному профилю поселений, центр наслега не «привязан» к крупному водоему. Заселение территории наслега произошло еще в средние века, сформировав локальное родовое сообщество, известное как Кытаанах Хатылы. По фольклорным данным, название связано с именем одного из родовых предков Кытаанах Баллы [Кытаанах..., 2005, с. 8]. Уточним, что название наслега видоизменялось исторически, до 1923 г. наслег был известен как Хатылинский.

Наслег расположен в северной части Чурапчинского улуса с преобладающим озерно-аласным ландшафтом со множеством травяных суходольных речек с озерами по руслу. Несмотря на достаточно суровые природные условия биологические ресурсы местности позволяют поддерживать

традиционные хозяйственные занятия жителей улуса – разведение крупного рогатого скота и лошадей. Поэтому важное значение всегда имели естественные сенокосные угодья и пастбища. Хозяйственным подспорьем традиционно выступают сезонные охота и рыболовство, причем последнее практикуется в озерных водоемах.

В советский период, кроме скотоводства, развивалось полеводство: так, зерновые культуры и картофель в Чурапчинском улусе выращивали в колхозах с 1930-х гг. и в послевоенное время, в 1960-е гг. на крупных площадях культивировался посев кормовых культур, в 1970-е гг. в совхозах ощутимо увеличились посевы картофеля и овощей. Овощи на открытом и в закрытом грунте, приусадебное картофельное поле были и остаются обычной частью сельского культурного ландшафта как в данном, так и в соседних улусах рассматриваемой зоны.

Как выявилось из данных, собранных в Чурапчинском, Усть-Алданском, Мегино-Кангаласском и ранее в Татинском улусах, локальное место нацеленного заселения нередко выбиралось исходя не только из хозяйственных соображений, но и из социально-культурной составляющей. В обследованных улусах культурным фактором выступало наличие объектов просвещения, в том числе в исторической памяти жителей, помнящих существование в своей местности церковно-приходской или частной школы. Так, в свое время на территории наслега местность Килянки как центр для сельского сообщества была выбрана преимущественно из-за возможности открытия в данной местности школы. В ситуации выбора 1934 г., когда шла коллективизация сельского хозяйства в Чурапчинском районе, встал вопрос об образовательном учреждении. Жители Кытанахского наслега настояли на строительстве школы именно в местности Килянки, аргументируя наличием местной традиции привозить детей на учебу. Еще в 1914 г. здесь, на речке Нама, в частном доме существовала школа, первая на территории наслега, открытая по инициативе образованного уроженца Саввы Собакина. Открытие школы существенно повлияло на дальнейшее формирование культурного ландшафта территории наслега [Там же, с. 8].

* Наслег – якутский посёлок, часть якутского улуса (волости) в Российской империи или района в Якутской АССР (СССР). В настоящее время – низшая административная единица Якутии, соответствующая сельсовету или сельскому поселению, продолжающая историческую традицию якутских сельских сообществ – Л.В., В.Ф., Я.С.

Активное заселение центра населенного пункта наслега – села Киялки началось с 1952 г., что хронологически совпадает с активным формированием сел в соседних Таттинском, Мегино-Кангаласском, Усть-Алданском улусах*. Для данных почти однотипна и картина становления современного поселения: колхозники начинают селиться, строят или новые частные дома, или перевозят старые постройки. Место для сельских усадеб выбирается по параметрам удобства подъездов, близости к центру села, образуемому социальными учреждениями (школа, клуб, больница, сельская администрация). Так, в с. Киялки новоселы стали селиться в удобной нижней равнинной части местности, которая является центром села до настоящего времени**.

Локальные природные ресурсы в заречных наслехах успешно используются для исторически новой отрасли – растениеводства. Хорошей иллюстрацией подобной адаптации служит село Хаптагай, расположенное на правом берегу р. Лена, на юго-западе Мегино-Кангаласского улуса РС(Я), в 24 км к югу от улусного центра пос. Нижний Бестях [Википедия...]. Село вытянуто вдоль берега Хаптагайской протоки по его равнинной части у самого подножия сопки. В летнее время Хаптагайская протока полностью пересыхает. От р. Лена село отделено островами Согуруу-Ары и Хотугу-Ары, к северу на противоположном берегу в Лену вдаётся Табагинский мыс, сужающий пойму реки, где расположена Старая Табага. К селу вплотную подступают сосновые и лиственнично-сосновые леса с вкраплениями ельников и берёзовых рощ.

Хаптагайский наслег был образован еще в 1822 г. и входил в состав Кангаласского улуса. Близкое расположение Хаптагайского наслега к столичному торгово-административному центру не могло не повлиять на его развитие, становление социальной структуры и экономики. Исторически сложилось так, что через Хаптагай, как по самой узкой излучине реки напротив Табагинского мыса, пролегал зимняя дорога через Лену в Табагу и дальше в Якутск или по ямскому тракту в Покровск.

Оживленное движение способствовало тому, что в местностях Алаас, Огдорон, Дьона Бизэрэгэ были постоянные дворы для путников из разных наслегов и улусов. Географическое преимущество села продолжает играть свою роль в его современной жизнедеятельности. В частности, сейчас Хаптагай в летнее время служит местом сезонного проживания не только уроженцев, но и столичных жителей, выкупающих опустевшие усадьбы***.

Расположение в междуречье рр. Тамма и Мыла в западной части Ленско-Амгинского плоскогорья и ленских островов, затопляемых в весенне-летнее половодье, песчаные почвы создают благоприятные условия для картофелеводства и овощеводства открытого грунта. Еще в советское время село Хаптагай и соседний Павловск имели репутацию поставщиков добротного картофеля для всего района и столичного рынка.

КЛ наслега включает в себя традиционное животноводство, основные направления которого – мясомолочное скотоводство и мясное табунное коневодство. Пастбища и сенокосные угодья составляют значительную часть аласных земель, расположенных к западу от села. Инновационным компонентом для типичного в общем КЛ для сельских поселений является наличие в наслеге Хаптагайского комбикормового завода, введенного в эксплуатацию в 2001 г., с самым современным на тот момент оборудованием.

Сельский КЛ обогащен также наличием автомобильной дороги федерального значения. Недалеко от села проходит дорога А360 «Лена» (старая маркировка М56), ведущая из Невера в Якутск, стыкуется с другой стратегической трассой региона Р504 «Колыма». С конца 1980-х гг. на территории наслега велись изыскательские и дорожные работы, ориентированные на строительство железной дороги. Но проект по известным обстоятельствам был прерван и возобновился лишь в новом столетии. В 2011 г. рядом с селом Хаптагай была проложена железная дорога Томмот – Нижний Бестях, в будущем планируется строительство моста через р. Лена. Бесспорно, новая транспортная структура кардинально изме-

* Полевые материалы авторов (далее в тексте – ПМА). Записи Винокуровой Л.И., 2012 г., Таттинский и Мегино-Кангаласский улусы РС(Я); 2013 г., Усть-Алданский улус РС(Я).

** ПМА. Записи Санниковой Я.М., 2012 г., Чурапчинский улус РС(Я).

*** ПМА. Запись Винокуровой Л.И. в с. Хаптагай Мегино-Кангаласского улуса РС(Я). Июль 2014 г.

нит сельский КЛ и существующий локальный уклад жизни.

Сельскохозяйственные угодья села Хаптагай расположены в основном в долине Лены, это заливные острова и луга. На островах летом после весеннего паводка заготавливают сено, а зимой пасут табуны лошадей. На лугах, расположенных вблизи деревни, и поближе к реке на огороженных участках выращивают овощи: картофель, капусту и т.д. (рис. 1). До настоящего времени урожайность хорошая, частные хозяйства и дачники культивируют овощи и картофель.

Рис. 1. Картофельное поле с. Хаптагай

В советский период в селе Хаптагай к уборке картофеля и овощей открытого грунта приурочивали даже начало сезона зимовки скота. Так, наш информант вспоминала: «Мы говорили, что уже холодно и коровы по вечерам сами идут в сторону зимних коровников в селе. Приходилось обратно сгонять на летнюю ферму. Бригадир нас уговаривал подождать, пока не уберут с полей капусту. Не дай бог, потрава случится...»*.

Специально для поддержки полеводства в 1970–1980-е гг. в местности Харыйалаах была построена ирригационная система для орошения пашен с пшеницей и картофельных полей. За десятилетия после кризиса система перестала функционировать. В настоящее время ее территория превратилась в места выпаса скота, а в зимний период – в охотничьи угодья.

Следует подчеркнуть, что подобные изменения в окружающем ландшафте информанты отмечают в пределах не только Хаптагайского и других наслегов Мегино-Кангаласского, но и соседних с

ним улусов. В частности, после развала совхозов и связанного с этим прекращения масштабной производственной деятельности, по наблюдениям сельских жителей, началось постепенное восстановление сельской окружающей среды полеантропогенных и техногенных разрушений.

В обследованном нами селе Сырдах Бэрт-Усовского наслега информант, чья трудовая деятельность связана с длительным пребыванием на природе, подчеркнул позитивные с его точки зрения последствия сужения сельскохозяйственной активности. Со снижением использования машинно-тракторного парка, отсутствием мелиоративных и ирригационных работ, регулярных перевозок с тяжелой техникой пошел процесс регенерации в природных системах. Появилось больше мелкой дичи вблизи населенных пунктов, стали зарастать травой и деревьями многочисленные просеки, проезды, просто вырубки и расчищенные под различные производственные нужды земельные участки**.

Интересно сравнить культурный ландшафт сел, расположенных в разных зонах обширной территории Якутии. В рамках проекта были обследованы территории Вилюйской зоны республики, имеющие собственные природно-исторические и социально-экономические характеристики. Объединяет рассматриваемые локальные КЛ привязанность к речным долинам и сохраняющиеся традиционные занятия коренного населения. Поселения бассейна р. Вилюй, как и села Центральной Якутии, размещаются на аласах, плоских неглубоких понижениях, покрытых лугово-степной растительностью, нередко с остаточными озерами, представляющими собой ценные сельскохозяйственные угодья.

Более одной пятой части территории бассейна р. Вилюй занято долинами рек и равнинами междуречий. Из них за сельскохозяйственными предприятиями закреплено почти полмиллиона гектаров земли, что составляет 1,2% территории бассейна (478,0 тыс. кв. км). На этой территории проживает все сельское население вилюйской группы сельскохозяйственных районов [Степанов, 1981, с. 24].

В качестве модели КЛ Вилюйского улуса Якутии был выбран Тогусский наслег. Тогусский наслег является одним из самых далеко располо-

* ПМА. Запись Л.И. Винокуровой в с.Хаптагай Мегино-Кангаласского улуса РС(Я). Июль 2014 г.

** ПМА. Запись Л.И. Винокуровой в Бэрт-Усовском наслеге Усть-Алданского улуса РС(Я). Август 2013 г.

женных и старинных наслегов Вилюйского улуса Республики Саха (Якутия). Первые упоминания о Тогусских (Тагуйских, Тагунских) волостях встречаются в архивных документах второй половины XVIII в. К приходу русских в начале XVIII в. Тогуйский род существовал как отдельная волость на правом берегу р. Вилюй [НА РС(Я)...].

Территория наслега равнинная, покрыта тайгой. Аласные и мелкодолинные луга дают самые высококачественные кормовые травы. Под лесами широко распространены лишайниковый и багульниковый покров, в особой привилегии находятся кедровые стланики. Наиболее распространены термокастовые озера. Полувысохшие и высохшие озерные котловины (аласы), занятые сочными лугами, используются как основные сенокосные и пастбищные угодья. Иногда из-за обильных осадков уровень воды поднимается, затопливая сельскохозяйственные угодья.

Нехватка сенокосных угодий в Тогусском наслеге вынуждала к их расширению за счет осушительных работ. Так, например, еще в конце XIX в. жители наслега первыми в своем улусе начали рытье канавы для отвода воды, в результате чего одно большое озеро Балагачча распалось на четыре озера: Мастах Балагачча, Ойбон Балагачча, Орто Балагачча и Ходуһа Балагачча. По названию озера деревня называется Балагаччой. Администрация наслега остается Тогусской, а многие названия предприятий, обеспечивавших в прошлом весь улус, сохранили эпитет Мастахский. Самым большим озером наслега является озеро Мастах длиной в 15 км, на нем 12 островов. В 1960-е гг. в районе этих озер появились мелиоративные системы «Бахымат-Берденге» и «Мастах».

Наличие большого количества озер на территории наслега способствовало промышленному рыболовству в период с 1940-х гг. до первой половины 1950-х гг. Природные условия наслега были пригодны также для транспортного оленеводства, потерявшего свою функциональность в связи с распространением современной техники в конце 1970-х гг.

В настоящее время общая площадь территории наслега составляет 4488 га. Из них сельскохозяйственных – 1249 га, в том числе 624 га сенокосных угодий. От Тогусского наслега до г. Якутска 560 км. Связь зимой – только наземным путем. От г. Вилюйска (районный центр) наслег расположен в 110 км. С центром улуса связь поддерживается только наземным путем, 35 км – грунтовая дорога, которую на время распутицы осенью и весной размывает.

Существовавшие на территории наслега колхозы (позднее совхоз «Мастахский») специализировались на скотоводстве, коневодстве, звероводстве и земледелии. В 1993 г. совхоз «Мастахский» был реорганизован в Товарищество с ограниченной ответственностью «Мастаах». С 6 апреля 1999 г. ТОО «Мастаах» реорганизован в Производственный кооператив «Мастаах», который специализируется на мясомолочном скотоводстве и коневодстве. Сохранению традиционных отраслей хозяйства населения благоприятствует окружающий ландшафт Тогусского наслега.

Для выявления территориальных различий культурного ландшафта Якутии в данном проекте используется картографический метод. На примере отобранных по типическим признакам и региональному расположению сельских поселений Якутии будут выявлены общие контуры культурного ландшафта. Планируется составить карты, показывающие ареалы культурного ландшафта якутских сёл.

В связи с этим в рамках проекта собираются топографические карты исследуемых населенных пунктов. В настоящее время ведется анализ топонимов-индикаторов по топографической карте (таблица) для выявления природных и культурно обусловленных ареалов в границах наслега. Для сопоставления в данном случае нами привлечены материалы, собранные в Чурапчинском, Усть-Алданском и Вилюйском улусах.

Топонимика населенного пункта (наслега), отображающая ландшафт

Топоформанты	Кытанахский наслег Чурапчинского улуса	Бэрт-Усовский наслег Усть-Алданского улуса	Тогусский наслег Вилюйского улуса
1	2	3	4
Комплексные	Сир (земля), алаас (алас) – Үчүгэй алаас (хороший алас), Көстөкүүн алааһа (алас Константина), Өрүүнэ алааһа (алас Ирины)	Сир (земля), алаас (алас) – Эмээхсин алааһа (алас Старухи)	Сир (земля), өтөх (старая заброшенная усадьба) – Настаа өтөбө (усадьба Настя)

1	2	3	4
Селитебные	Нэһилиэк (<i>наслег</i>), дэриэбинэ (<i>деревня</i>), сайылык (<i>летник</i>) – Сайылык алаас (<i>летний алас</i>), Хаар балаҕан (<i>снежный балаган</i>), Дулҕа сайылык (<i>кочкарниковый летник</i>)	Бөһүөлэк (<i>поселок</i>) – Арҕаа бөһүөлэк (<i>западный поселок</i>)	Дэриэбинэ (<i>деревня</i>), нэһилиэк (<i>наслег</i>)
Сельскохозяйственные	Бааһына (<i>пашня</i>), ходуһа (<i>сенокосное поле</i>), кырдал (<i>бугор, тянущийся по краю низины; возвышенность среди поля</i>) – Сиэнкэ кырдала (<i>бугор Сиэнкэ</i>)	Бааһына (<i>пашня</i>), ходуһа (<i>сенокосное поле</i>)	Бааһына (<i>пашня</i>), ходуһа (<i>поле</i>) – МТФ Жданово, Ходуһалаах (<i>Сенокосное поле</i>), Ферма
Сакральные	Киһи унуоҕа (<i>могила</i>), Кэрэх мас (<i>жертвенное дерево</i>) – Бөкчөгөр оҕонньор унуоҕа (<i>могила старика Бөкчөгөр</i>), Кэрэхтээх (<i>местность с жертвенным деревом</i>), Дьахтар унуоҕа (<i>могила женщины</i>). Сэргэлээх (<i>коновязный</i>)	Киһи унуоҕа (<i>могила</i>)	Киһи унуоҕа (<i>могила</i>)
Лесные	Тыа (<i>лес</i>), куула (<i>южная тенистая, малоосвещаемая солнцем сторона местности</i>), чаран (<i>роща</i>), курун (<i>сухостойный лес</i>) – Дэбэһи чарана (<i>роща Дэбэһи</i>)	Тыа (<i>лес</i>), куула (<i>южная тенистая, малоосвещаемая солнцем сторона местности</i>), чаран (<i>роща</i>), курун (<i>сухостойный лес</i>) – Түгэх куула (<i>дальняя сторона местности</i>)	Тыа (<i>лес</i>), куула (<i>южная тенистая, малоосвещаемая солнцем сторона местности</i>), чаран (<i>роща</i>), курун – Мастах (<i>лесной</i>), Харыйалаах (<i>еловый</i>)
Речные	Үрэх (<i>речка</i>), үрүйэ (<i>ручеек</i>) – Танда үрэхэ (<i>речка Танда</i>), Таһырҕас үрүйэтэ (<i>ручеек Таһырҕас</i>), Хат үрэх (<i>Извилистая речка</i>), Үрэх Хорутума (<i>речка Хорутума</i>)	Үрэх (<i>речка</i>), үрүйэ (<i>ручеек</i>) – Кутурук үрэх (<i>речка Кутурук</i>), Үрүйэ Төрдө (<i>исток ручейка</i>)	Үрэх (<i>речка</i>), үрүйэ (<i>ручеек</i>) – Үчүгэй-Үрэх (<i>речка Ючюгей</i>)
Озерные и болотные	Эбэ (<i>озеро</i>), күөл (<i>озеро</i>), чүөмпэ, дүөдэ (<i>глубокое озеро посреди леса с обрывистыми краями и с клонившимися к воде засохшими деревьями</i>), көлүччэ и/или көлүйэ (<i>маленькое озеро</i>) – Күтэр күөлэ (<i>озеро Күтэр</i>), Сурт дүөдэ, (<i>заброшенное лесное озеро</i>) Диринг чүөмпэ (<i>глубокое лесное озеро</i>)	Эбэ (<i>озеро</i>), күөл (<i>озеро</i>), чүөмпэ (<i>небольшой водоем в низменности</i>), дүөдэ (<i>глубокое озеро посреди леса с обрывистыми краями и с клонившимися к воде засохшими деревьями</i>), көлүччэ и/или көлүйэ (<i>маленькое озеро</i>)	Эбэ (<i>озеро</i>), күөл (<i>озеро</i>), чүөмпэ, дүөдэ (<i>глубокое озеро посреди леса с обрывистыми краями и с клонившимися к воде засохшими деревьями</i>), көлүччэ и/или көлүйэ (<i>маленькое озеро</i>) – Мастаах Эбэ (<i>озеро Мастаах</i>), Мунду күөл (<i>озеро Мунду</i>), Бүөчүкэ көлүйэтэ (<i>озерцо Бүөчүкэ</i>)
Дорожные	Суол (<i>дорога</i>), ыллык (<i>тропа</i>), уулусса (<i>улица</i>), аартык (<i>большая проезжая дорога, тракт</i>)	Суол (<i>дорога, путь</i>), ыллык (<i>тропа</i>), уулусса (<i>улица</i>), аартык (<i>большая проезжая дорога, тракт</i>)	Суол (<i>дорога, путь</i>), ыллык (<i>тропа</i>), уулусса (<i>улица</i>), аартык (<i>большая проезжая дорога, тракт</i>), Хаһаарыма суола (<i>дорога в Хаһаарыма</i>)

Использование методики крупномасштабного ландшафтно-топонимического картографирования, опирающейся на теоретическое представление о топосе как единице пространственной организации культурного ландшафта [Калуцков, 2008], позволяет составлять карты топоформантов локальных участков. В рамках проекта для выявления ландшафтной топонимики были ис-

пользованы топографические карты исследуемых якутских наслегов как административно-территориальных единиц. Топосы, содержащиеся на этих картах, принимаются в качестве основной единицы картографирования. В качестве иллюстрации данного тезиса здесь мы представили топографическую карту Тогусского наслега (рис. 2).

Рис. 2. Топоформанты окрестностей с. Балагаччы*: ■ – комплексные, ⬠ – селитебные, ◆ – сельскохозяйственные, ▲ – лесные, ● – озерные и болотные, ✨ – сакральные

На рассматриваемой территории преобладают сельскохозяйственные топосы, в основном привязанные к производственным молочно-товарным фермам. Отметим, что, несмотря на обилие озер на территории наслега, в их названиях не всегда присутствует распространенный в Якутии топос «кюэль – озеро», при этом все достаточно крупные озера в наслеге имеют собственное название. При

работе над топографическими картами Тогусского наслега выявлена необходимость в консультации этнолингвиста, так как многие названия в наслеге имеют выраженное эвенкийское происхождение.

Таким образом, систематизация и анализ собранного материала позволяет визуализировать категории культурных ландшафтов с выявлением исторических и этнолокальных особен-

* Карта составлена Филипповой В.В. на основе ее полевых материалов 2012–2013 гг.

ностей исследуемого района. Анализ полевых материалов, собранных авторами в сезоны 2012–2014 гг., позволяет считать, что в изученных локальных случаях сельский КЛ представляет собой достаточно сбалансированный природно-хозяйственный комплекс.

Текущие и перспективные планы социально-экономического развития наслегов связаны, в первую очередь, с сохранением и дальнейшим развитием традиционных занятий и рациональным использованием ресурсов кормящего ландшафта. В современном виде сельскохозяйственное производство в них представлено в виде мясомолочного скотоводства и мясного табунного коневодства. Постоянная хозяйственная адаптация к специфике конкретных экологических систем конкретных местностей происходила неизбежно, процесс адаптации протекал с самого начала организации стационарных поселений и продолжается в сохранившихся до наших дней населенных пунктах. Исторически сложившийся сельский культурный ландшафт обследованных наслегов пока позволяет сохранять основные традиционные направления хозяйствования.

Литература

Винокурова Л.И. Культурный ландшафт приарктического Севера Якутии (к постановке проблемы) // Се-

вер Азии в этнокультурных исследованиях: Матер. Межд. науч.-практ. конф. «Йохельсоновские чтения». Якутск, 15–16 августа 2005 г. – Новосибирск: Наука, 2007. – С. 182–188.

Винокурова Л.И. Якутские села в 1950–1970-е гг.: к реконструкции культурного ландшафта // Экология культуры: опыт сохранения и актуализации культурного и природного наследия региона: Матер. Всеросс. конф. в Архангельске 21–22 ноября 2013 г. – Архангельск: Изд-во САФУ, 2014 (в печати).

Пермиловская А.Б. Проблема сохранения ландшафтов сельских исторических поселений Русского Севера // Регионоведение. – 2011. – № 2. – электронный ресурс. URL:<http://regionsar.ru/node/746> (дата обращения 27 августа 2014 г.)

Максимов Г.Н. Родная Якутия: природа, люди, природопользование – Якутск: Бичик, 2003. – С. 111.

Кытаанах нэһилиэгэ Чурапчы улууһа. Бастакы кинигэ. – Дьокуускай, 2005. – С. 8.

Википедия. – Электронный ресурс: URL:https://ru.wikipedia.org/wiki/Хаптагай_село (дата обращения 4 августа 2014 г.)

Степанов И.Р. Сельское расселение в бассейне реки Вилюя // Региональные особенности сельского расселения в Якутии – Якутск: ЯГУ, 1981. – С. 24.

НА РС(Я) Ф. 1. Оп. 1. Д. 48. Л. 3.

Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии – М.: Новый хронограф, 2008.

L.I. Vinokurova, V.V. Filippova, Y.M. Sannikova

Rural cultural landscape in Yakutia: the experience an interdisciplinary field project

The paper presents the preliminary results of a study of the rural cultural landscape of villages in Central and Viluy regions of Yakutia. Similarities and differences had identified in the formation and functioning of the rural cultural landscape on example of some rural settlements of Yakutia.

Keywords: rural cultural landscape, Yakutia, nature, people, North.

УДК 394(=1.48-81)

Теро Мустонен, Ари Лехтинен

Арктическая традиционная картина мира: циклическая передача знаний в общинах коренных народов Евразийского Севера

Данная статья освещает механизмы и способы сохранения системы знаний коренных народов циркулярного Севера через внимательное отношению к тому, чем обеспокоены старейшины общин, которые на собственном опыте наблюдали переплетение традиционного уклада жизни и быта с модернизацией. В статье также

© *Теро Мустонен, Ари Лехтинен, 2014*

представлена концепция традиционной картины мира и определены этические и духовные источники умений и навыков повседневной жизни в общине, необходимых для жизни на Севере. В заключении освещаются человеческие и природные циклы передачи знаний от поколения к поколению, устные и в основном практические по своей природе, в связи с чем появление новых старейшин основано на личных умениях и умениях общины передавать глубинные знания по восприятию изменений в природе. Придавая особое значение роли устной коммуникации, мы подчёркиваем, что эти знания (о картине мира) будут сохраняться до тех пор, пока их распространяют в условиях повседневной жизни. Мы посвящаем эту статью памяти профессора Василия Роббека.

Ключевые слова: старейшины общин, возрождение общин, сосуществование человека и природы, Север как территория коренных народов, кочевое образование, устное общение, повседневная жизнь на земле.

Ощущение необходимости сохранения общинного уклада жизни в современном мире является общей болью коренных народов циркумполярного Севера; оно вызвано чувством глубокого уважения к определённым умениям общины, ее ценностям и системам знаний, которые находятся под угрозой исчезновения [например, Heikkilä, 2006; Koivurova, 2004; Mustonen, 2009; Schanche, 2004; Vitebsky, 2005]. Коренные народы, умеющие уважать традиционные знания каждой общины в условиях изменения окружающей и социальной среды, являются неотъемлемой частью и источником понимания взаимоотношений между человеком и природой на Арктическом Севере. Особое чувство взаимозависимости человека и природы, как и особенная практика передачи знаний через поколения, являются главными составляющими и способом мировосприятия среди многих народов тундры и тайги.

Мы исследуем возрождение традиций и знаний общины, слушая голоса трёх современных носителей традиционных знаний. Цитаты и материалы взяты из архивов устных сказаний кооператива «Сноучейндж». Мы излагаем концепцию традиционной картины мира, используя эмпирический материал, одобренный для исследования старейшинами и общинами. Этот вид научно-исследовательского сотрудничества основывается на уважении общинного подхода к выработке знаний и желанию учиться у него, что является обычным явлением для коренных северян.

Традиционная картина мира определяется как основной элемент, способ и момент понимания пространственно-временных характеристик бытия коренных народов Севера во многом благодаря размышлениям покойного эвенского учёного Василия Роббека, с которым Теро Мустонен, один из авторов этой статьи, имел возможность работать с 2004 г. по 2010 г. в Республике Саха (Якутия) [Mustonen, 2011]. В. Роббек был признанным на международном уровне защитником прав коренных малочисленных народов в Рос-

сийской Федерации. Он прекрасно разбирался в различных областях знаний, таких как эвенский язык и филология и функциональная грамматика тунгусоманьчжурских языков, а также хорошо знал образовательные и социально-экономические потребности коренных сообществ.

В течение всей своей жизни, которая была насыщена опытом, полученным в детстве в эвенской кочевой семье, В. Роббек уделял много времени идее возрождения коренных сообществ Арктики. Возрождение, согласно его идеям, возможно там, где есть люди, которые будут соблюдать и развивать традиции, там, где есть связи с прошлым. Таким связям необходима непрерывность культурных практик, присущих коренным народам в отношении этического и духовного сосуществования человека и природных систем [Pretty 2011; Vitebsky, 2005, с. 393–395]. В. Роббек намеревался развивать конкретные методы и стимулы для коренных общин, которые могли бы «вернуть их к земле». Подобным же образом Александр Пика (Pika, 1999), другой великий знаток коренных малочисленных народов России, говорил о «неотрадиционном развитии» и обрисовывал пути возрождения культур, тесно связанные с землёй. Кроме того, В. Роббек считал, что арктические сообщества коренных народов смогут сделать вклад в более широкое понимание гуманности и устойчивого развития, благодаря огромным объёмам знаний об окружающей среде, полученным из опыта жизни на хрупком Крайнем Севере.

В детстве, в 1940-х годах, будучи частью кочевой культуры, В. Роббек научился понимать циклические интерпретации земли и жизни, которые были тесно связаны с сезонным образом жизни. Его народ жил внутри устной системы знаний; рассказы и люди были частью открытых пространств кочевого Севера. Он посвятил себя дальнейшему развитию того, что он узнал, сначала путем социальных инноваций в научно-образовательной системе Советского Союза, а затем создав Институт проблем малочисленных наро-

дов Севера СО РАН в Якутске (Республика Саха (Якутия), Россия).

Предполагалось, что сотрудники Института будут представлять соответствующие народы, и изначально планировалось сохранить взаимный контакт академической и традиционной систем знаний. Другими словами, В. Роббек создал основу для изучения циркумполярного мировоззрения коренных народов как части научно-исследовательского повестки Российской академии наук.

От географии до традиционной картины мира

Изучая практику взаимообучения внутри коренных общин, нельзя обойти вниманием тот факт, что выработка этических и духовных знаний в этом случае коренным образом отличается. Эпистемологические знания, расходящиеся с теми, которые ценятся в академических кругах, легко игнорируются или воспринимаются как абсурдные. В западной научной школе не редки примеры высокомерного и безразличного отношения науки [например, Lehtinen, 2011; Watson and Huntington, 2008].

Вышеуказанное несоответствие, или нерезонансность, может расцениваться как основная мотивация для этноэкологических исследований; тем не менее, систематическое научное внимание данному вопросу уделялось очень редко [Abramson and Theodossopoulos, 2000; Andersen, 2004; Heikkila, 2008; Howitt, 2001; Howitt and Suchet-Pearson, 2006; Kjosavik and Shanmugaratnam, 2007; Pretty, 2011]. Соответственно, акцент на этой нерезонансности, а также на обилии дивергентной географической лексики и терминологии (включая различающиеся между собой объяснения географических названий и картирования) может быть рассмотрен как центральный источник вдохновения и взаимообучения, связанного с решением проблем окружающей среды.

Чтобы опредметить это вдохновение и взаимообучение, мы сконцентрируемся на *традиционной картине мира*, которую мы определяем, как связанные этические и духовные элементы, которые появляются, хотя бы и частично, или зачастую коннотативно, в обычных описаниях изменений каждодневной окружающей действительности. Эти описания иногда называли «культурной географией» [Dalby, 1993; Nakli, 1998]. Другими словами, традиционная картина мира – это более широкое видение, на котором основаны

повседневные проявления культурной географии общины. Это видение проявляется в географических повторах и обновлениях, но иногда оно способствует более глобальной космологической организации общин.

Последняя функция проявляется в определённом этическом и духовном определении традиционной картины мира как составной части мифического рождения, сосуществования (например, космогонического отождествления), с одной стороны, и нынешним нахождением общины между частным и универсальным (например, коллективное отождествление), с другой стороны [Kymalainen and Lehtinen, 2010]. Таким образом, для нас традиционная картина мира это, во-первых, морально-духовное видение или знания и система ценностей, из которых формируются и подпитываются наши привычные принципы и навыки жизни. Во-вторых, традиционная картина мира также выступает в качестве определений и характеристик общины в непрерывном космологическом расположении [Casey, 1997, с. 16; Heikkila, 2008, с. 7–11; Lehtinen, 2011]. Таким образом, эпистемологические знания общин в нашем аналитическом контексте имеют трехстороннюю структуру а) особая традиционная картина мира общины, которая формируется из б) ежедневного применения культурной географии, и которая одновременно служит инструментом для в) космологической самоорганизации.

Следовательно, традиционная картина мира неразрывно связана с постепенным, зачастую передающимся от поколения к поколению, определением совместного опыта, интерпретации и памяти о прошлом общины, проявляющихся в повседневной жизни.

Таким образом, традиционная картина мира больше всего проявляется как моральный и духовный путеводитель, присутствующий в традиционных рассказах и навыках, используемых и ценимых в определённой общине. В описываемых нами случаях – это смешанные сообщества людей и природы [Naess, 1979; M. Smith, 2001, 2005].

Традиционная картина мира – это специфическая интерпретация космологического сосуществования, а это означает, что она полностью постижима только в определённом социальном и природном окружении. Восприимчивость к особому сосуществованию как обязательное усло-

вие межкультурного взаимообучения основывается на идее уважительного отношения к отличному. Этот тип восприимчивости к эпистемологическим вариациям можно увидеть, например, изучая конкретные различающиеся черты этноэкологического сосуществования и общения в человеческих и природных сообществах.

Задача представления концепции традиционной картины мира и освещения ее практической составляющей отчасти вызвана нашей неудовлетворенностью широко распространённой в настоящее время научной тенденцией отдавать одностороннее предпочтение материальной и практической стороне совместного существования человеческой и природной среды. Неоматериализм в этноэкологических исследованиях [Andersen, 2003; Castree, 2004; Ingold and Kurttila, 2000; Stammler, 2005; Vitebsky, 2005], на наш взгляд, значительно обогатил научное понимание взаимодействия человека и среды, однако при этом он породил тенденцию недооценивать черты этического и духовного взаимодействия в развитии общины. Традиционная картина мира по определению основывается на ежедневной практике (совместного обучения), включая культурную географию, созданную через неё, но она становится понятной только в том случае, если внимание уделяется выражениям этнодуховного сосуществования, характерным (и стандартным) для каждой общины.

Внимание к общей традиционной картине мира, основанной на уважении к различиям в человеческом и природном сосуществовании, помогает нам заметить особенные богатства в каждой отдельной общине. Уроки взаимного обогащения, возникающие из областей коренного различия, могут рассматриваться как фундаментальные события для этического и духовного обучения, соотносящиеся с социальными и природными изменениями. Возрождение общины сейчас ассоциируется с определением необходимых земных условий и зависимостей. Таким образом, общины воспринимаются как конкретные области человеческой/природной обоюдности, получающие информацию из череды воспоминаний и традиций, которые уважают определенное общее прошлое. В данной статье подобное отношение выражается во внимании к трём выбранным голосам общин (охотники, старейшины и оленеводы) коренных народов Севера.

Вместе с Колымой

Система взаимодействия в тундре

Колыма – одна из великих сибирских рек, является линией жизни для чукчей, эвенов, юкагиров и других коренных народов. У местных общин есть глубокое и личностное взаимодействие с великой рекой. Считается, что пока существуют эти особые системы взаимодействия, существует и народ [Sheridan and Longboat, 2006]. Нижнеколымский район – один из немногих регионов циркумполярного Севера, где местные чукчи, юкагиры и эвены продолжают вести полностью кочевой образ жизни. В ходе кочевых циклов местные жители рыбачат на Колыме и используют её в качестве транспортной артерии.

В марте 2005 г. мне довелось встретиться и работать с оленеводом Дмитрием Николаевичем Бегуновым, наполовину чукчей и юкагиром, из г. Черский на нижней Колыме. Мы давали оценку воздействию изменения климата и погоды на кочевые общины Колымы. Бегунов рассказал о связях со своей родиной, тундрой:

Я родился в тундре без помощи врачей. С самого детства я всегда жил в тундре. Тундра – мой дом. Когда мы живём в тундре, конечно, мы взаимодействуем с природой. Для людей вот эта кочка – просто кочка. Но эта кочка может рассказать мне о многом. Я могу прочитать по ней, что здесь была определённая птица, потому что она оставила на ней определённую отметку. Я могу сразу же сказать, какая птица была здесь [Mustonen, 2009, с. 210].

Река Колыма сформировала культуру народов этого региона. Бегунов продолжил свой рассказ о связях с рекой:

Сын моего родственника утонул три года назад. Мы искали его тело месяц, но не могли найти. Когда на следующее утро я проснулся и встал, то ясно увидел Колыму из своего дома. Я накормил огонь (это наш древний обряд) и сказал: «Нам нужно похоронить тебя, Коля, но мы не знаем, где ты находишься». Час спустя мы увидели что-то чёрное, плывущее вниз по Колыме. Мы пошли проверить, что это, и обнаружили его, Колю [Там же, с. 211].

Эти рассказы свидетельствуют о том, что без соответствующего опыта взаимодействия, который накапливается годами жизни в тундре, мы пропускаем и не замечаем значительные детали в понимании того, как жизнь в тундре и тайге сле-

дует за циклами сезонов и каков тип взаимоотношений между людьми и окружающей их землёй.

Дмитрию Николаевичу Бегунову посчастливилось жить в краю, наполненном историями и украшенном пейзажами жизни. Он рос и воспитывался на бескрайней земле тундры; поэтому он смог вплести свой непосредственный опыт и наблюдения за Колымой в более широкое этическое и духовное видение, рассказывающее о взаимосвязи отдельных событий.

Кочевые циклы тайги

Владимир Колесов и границы пространства

Владимир Колесов – эвенкийский оленевод, принадлежащий к клану Бута [Mustonen, 2009, с. 77]. Он член родовой общины Гонам. В 2005 г. мне удалось провести несколько дней с Колесовым на таёжном стойбище бригады № 4 оленеводческого совхоза в Иенгре, Республика Саха (Якутия). Село находится в южной части республики, там проживают 800–900 эвенков. С 2006 по 2012 г. несколько промышленных проектов, связанных с добычей угля и золота, проектирование гидроэлектростанций и железных дорог и нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан сильно видоизменили ландшафт и жизнь людей в этом регионе. Первая железная дорога, Байкало-Амурская магистраль, была построена через тайгу в 1970-е гг. До того времени эвенки сохраняли свой традиционный уклад жизни на Севере, но промышленная атака вызвала большое горе и социальные потрясения среди коренного народа [Там же].

Однако, несмотря на промышленные проекты, село Иенгра и находящиеся в тайге стойбища считаются уникальной ценностью на исконной исторической территории эвенков, так как эвенки сохранили обычаи и традиции, шаманскую систему верований, а также в некоторой степени продолжают существовать местные эвенкийские языки. Они благополучно сохранили ценности своего народа и повседневный уклад жизни под давлением советской гомогенизации и укрепили своё умение жить согласно своим этическим и духовным взглядам. Эвенки из села Иенгра также известны в России благодаря своей борьбе и умению сохранять свою собственную идентичность.

Когда мы сидели возле огня в палатке, Колесов медленно размышлял о культуре эвенкийской повседневной жизни:

Мы говорим, что существует Мать-Природа. (Существуют строгие правила) поведения в тайге. Если ты пересекаешь большую реку, то нужно привязать кусочек ткани в качестве подношения дереву, стоящему на берегу. Такое же подношение нужно сделать, перед тем как перейти горы. Не следует разбрасывать дрова – они должны быть сложены в аккуратные кучки. Не следует рубить большие дрова, чем тебе понадобится. Нужно ловить столько рыбы, сколько тебе необходимо – но не больше. Не бери ничего без необходимости [Там же с. 91].

Мы продолжали обсуждать, каким Колесов видит будущее. Как же люди свыкнутся с изменениями, вызванными громадными промышленными проектами. Он сказал, что в 1970-х гг., когда была построена Байкало-Амурская железная дорога, несколько молодых оленеводов закончили жизнь самоубийством. Они не смогли привыкнуть к навязанным резким изменениям, произошедшим на их землях и в их жизни. Они не могли найти применение своим традиционным умениям и ценностям, так как целый мир вокруг них был перевернут с ног на голову. Он продолжал:

Я боюсь, что исчезнет язык. Всё, что мы можем, мы объясняем нашим детям, но я всё-таки боюсь. Я даже боюсь говорить о том, что грядёт. Мы попытаемся сохранить всё, что можем. Мы сделаем всё, чтобы добиться этого. Но несколько народностей были стёрты с лица земли. Мы, эвенки, малочисленный народ. Боюсь, что шаманизм тоже исчезнет подобным образом. Нужно пройти специальное обучение (в тайге), чтобы стать шаманом. Просто решить и стать шаманом невозможно. В старину были сказители эпосов, которые владели мастерством исполнения (мифических сказаний). Сейчас их нет. Например, брат моей бабушки, Трофимов Николай Гермогенович, был сказителем. Возможно, через некоторое время не останется никого, кто смог бы обсуждать это так, как делаю я сейчас. Если мы только пьём, то мы не следуем традиционным правилам. Возможно, мы ещё сможем побороться. Возможно, мы ещё сможем продлить наше существование. Если бы мы жили далеко от дороги и (железной дороги), то язык и культура сохранились бы лучше... Мы всё ещё кочевой народ, мы всё ещё живём в тайге. Мы ещё продолжаем жить [Там же, с. 131–132, 134].

Я виделся с Колесовым в последний раз в тайге в марте 2010 г. Во время последней встречи он пожелал мне всего хорошего. В начале июля 2010 г. я узнал, что он наложил на себя руки. Слова и судьба Владимира Колесова напоминают нам о том, насколько хрупки общины коренных народов на циркумполярном Севере. Как он сказал, народ Крайнего Севера имеет свои собственные законы жизни в окружающей природе.

Эти законы нужно уважать и выполнять их, чтобы целая система, включая физическую и духовную составляющие, могла функционировать. Изменения, навязанные модернизацией, индустриализацией и вытекающими из них последствиями, такими как быстрый рост потребления алкоголя, предвещают им ужасные последствия.

Аслак Ола Айкио
и конец традиционной охоты саамов

Народ саами, единственный коренной народ в современной Европе, тоже страдает от индустриализации. В Финляндии, одной из северных европейских стран, чьи границы пересекают исконные земли народа саами, долгая история социальной интеграции и добыча полезных ископаемых в виде гидроэнергетических проектов, а также расширение угольной и лесоперерабатывающей промышленности привели к жестким колониальными условиями. Сейчас всем трём языкам: саами, скольт, инари и северосаамскому – грозит опасность исчезновения.

Языки саами не могут быть отделены от их земли и образа жизни [Helander, 1999]. Соответственно, потеря одного из языков становится причиной потери умений и навыков, связанных с проживанием на Севере. Другими словами, сужение практического применения языков на Евразийском Севере отразилось в нашей неспособности смириться с продолжающимися и вновь возникающими этноэкологическими изменениями [Lehtinen, 2011, Saarikivi, 2002].

Нынешние трения между Финляндией и саами в основном связаны с правами на воду и землю. Например, в 2011 г. Комиссия по правам человека Организации Объединённых Наций подписала мораторий на забой северного оленя в общине Неллим на фоне ее спора с государством. Мораторий, будучи первым случаем успешного применения международного законодательства для защиты прав народа саами в Финляндии, был

подписан в контексте усиленных попыток захвата пастбищных территорий саамских оленеводческих общин. В общине Неллим проживают саами инари, которые продолжают традиционный стиль хозяйствования в лесах на самом севере Финляндии. Этот вид международного вмешательства указывает на наличие проблем с правами коренных народов и их жизненным укладом в Финляндии сегодня.

Летом 2003 г., проживая в посёлке Охсейоха, или Утсйоки, самом северном саамском поселении в Финляндии, я встретил пожилого охотника, Аслака Ола Айкио. Он считается одним из последних саамских охотников, который завоевал свою репутацию и сформировал навыки охотника удачной охотой на белых куропаток, лосей, волков, выдр, лис и росомах. Если сказать точнее, то его традиционный охотничий комплекс основывался на немеханизированных транспортных средствах (пеший поход, лыжи и оленьи упряжки).

Однажды в молодости он целый день бегом преследовал стаю волков, угрожавшую семейному стаду. В начале 1960-х гг. он два дня преследовал на лыжах росомаху. Он вырастил двух детенышей росомахи, Куцу и Налле, у себя дома. Его также считают старейшиной в том смысле, что он поддерживал соблюдение циклов земли и жизни по традициям народа саами [Mustonen, 2012]. Таким образом, он владел навыками практического мировоззрения в традициях саами.

Родившись в 1932 г., Аслак Ола вырос в общине Охсейоха, или Утсйоки, на самом севере Финляндии в те времена, когда там не было настоящих дорог. Река Тено являлась транспортной артерией и главным источником питания (атлантический лосось). Будучи совсем юным, он научился пасти оленей, ловить лосося и охотиться. Летом и осенью 2003 г. Аслак Ола часто делился со мной своими мыслями о природе и её законах. Вот о чём он узнал и услышал в форме устных преданий в те времена, когда он охотился и рыбачил. Однажды у себя дома в Аймайоки Аслак Ола сказал:

В Финляндии было так много рек, где водился лосось, но мы не смогли сохранить их. А океан, мы думаем, что в океане всегда будет хороший улов. Но это не так. Здесь океан считали бесконечным источником пищи, и люди были уверены, что треска никогда не закончится. Мой отец попросил меня озвучить его мнение на со-

браниш. Я думаю, что люди не поняли его иронии, когда он спросил, как они делят улов океана. Поскольку улов считался в цифрах, мой отец спросил, как можно выразить в цифрах нескончаемый источник. В то время можно было рыбачить без приманки, с помощью голого крючка. Не нужно было приманивать рыбу наживкой, нужно было просто ждать, пока какая-нибудь рыбина подплывет к крючку. Но сейчас рыбы нет, треска намного дороже сёмги. Вот так обстоят сейчас дела. И, тем не менее, лососевые фермы сейчас являются банкротами. Говорю вам, это является уроком, ведь природу нельзя эксплуатировать. Если её эксплуатировать, то именно люди сами страдают от этого, в конце концов [Mustonen, 2012, с. 42–44].

Бегунов, Колесов и Айкио говорят своим языком о системе взаимного сотрудничества в природе. Они знают, что люди могут находиться в хороших взаимоотношениях с окружающими экосистемами. Они знают, что, чтобы человечеству выжить как роду, необходимо ценить и использовать эти знания и умения для совместного существования. Возврат к таким хорошим отношениям требует от нас заново научиться уважать и следовать законам тундры и тайги, которые варьируются в зависимости от общины. Другими словами, нам нужно ценить умение прислушиваться к Земле.

Заключение

Достижения современной промышленности лишили большинство из нас способности слушать природу. Более того, постоянное давление колониализма сделало отмежевание от природы глобальным явлением [Rogers, 1994; Sluyter, 2002].

Это значит, что многие из нас не обладают умением выживать в природе. Когда мы слушаем голоса и рассказы таких старейшин и практиков, как Бегунов, Колесов и Айкио, мы вспоминаем о знаниях, которые радикально отличаются от тех, к которым мы привыкли, которым нас учили и с которыми мы вошли в доминирующее эпистемологическое пространство развитого мира.

Эпистемологические знания развитого мира основываются на вере в то, что измерив определенные характеристики мест, экосистем и регионов, мы можем оценивать и использовать их. Измеренные регионы – это регионы, которыми мы, как предполагается, владеем [Gordon, 1980; Naila

and Seppala, 1992; Seppala, 1996]. Измеренные запасы этих территорий затем становятся инструментом подсчёта издержек и выгод использования или сохранения их природных ресурсов. Ключевые допущения, лежащие в основе мотивов использования или сохранения природы, а именно производства пространства или производства природы [Lefebvre, 1991; N. Smith, 1984], разворачиваются вокруг антропоцентрического подхода к использованию ресурсов Земли. Одно из последних направлений антропоцентрического подхода к экологическому режиму привело нас к мысли воспринимать природу как сферу услуг экосистемы [Muller et al., 2010].

Понятие об услугах, которые экосистема может предложить человечеству, само по себе шокирующее для коренных народов циркумполярного Севера, так как они не привыкли ставить природу в услужение людям. Как видно из рассказов старейшин, доиндустриальные экосистемы Севера были безграничными открытыми системами [Mustonen 2009, с. 41–45]. Измеряя возможности этих земель и место людей на этих землях, мы игнорируем разнообразие богатств, хранящихся в них. Осознание опасности быть оторванными от ключевых аспектов северного сосуществования должно заставить нас не принимать решения только с позиции выгоды от разработки этих земель. Наша концепция традиционной картины мира предлагает альтернативу практике количественного измерения выгоды и контроля природы с учётом изменяющихся условий Земли.

Цель предлагаемой альтернативы – объединить знания коренных народов с научными знаниями [Alexander et al., 2011]. Строя такой мост, нужно признать трудности в передаче тысячелетних взаимоотношений, которые коренные народы Севера установили с природой и пространством.

Поскольку мы наблюдаем планетарные изменения климата и океанических режимов, коллапс экосистем, включая исчезновение сотен видов животных каждый год, давно пора критически взглянуть на эпистемологическое давление доминирующего мышления в развитом мире. Мы можем увидеть это давление, сравнив маргинальный способ знания коренных народов и глобально доминирующие способы знания. Бегунов, Колесов и Айкио вместе со своими народами могут предложить большую помощь в этом сравнении.

Они могут также помочь объединить устойчивые элементы обеих эпистемологических позиций, включая огромное количество их вариаций, оказывая таким образом помощь в решении вопросов социального кризиса и окружающей среды. Стандартные возможности практического мировоззрения, варьирующиеся от общины к общине, могут стать решающими для такого объединения. Задача начинает решаться сразу же, как только мы начинаем слушать голоса представителей этих общин, которые делятся практическими навыками и умениями взаимодействия с чрезвычайно хрупкими условиями циркумполярных регионов.

Традиционная картина мира как неотъемлемый элемент традиционного знания коренных народов Евразийского Севера следует своим собственным циклам отступления и возвращения [Mustonen, 2009, с. 254–267]. Старейшина, который является носителем и распространителем знаний, в определённый момент передаёт их, но механизмы передачи, являющиеся в большинстве своём практическими и устными, должны гарантировать доступность коллективных знаний. Вскоре появятся новые старейшины, которые возьмут на себя роль тех, кто ушел в мир иной, так как тесные связи с землёй и лесом остаются, и направляют их к таким типам этических и духовных связей в коллективе. Устная форма общения – это гарантия, что знания живы. Традиционная картина мира продолжает распространяться.

Это возрождение будет длиться до тех пор, пока устная система знаний и земля не подвергнутся колониальной добыче полезных ископаемых. Строительство дорог, шахт и гидроэлектростанций, вырубка лесов, насаждение школ-интернатов, утрата земли и языка или изменение климата могут стать решающими факторами физического и духовного топоцида [Porteous, 1988]. Естественные циклы ухода и возвращения знаний нарушены. Традиционная картина мира постепенно исчезнет, сохраняясь какое-то время в виде воспоминаний, затем в виде образов воспоминаний или в снах, но, в конце концов, она исчезнет навсегда.

Можно ли что-нибудь сделать? Как мы можем гарантировать продолжение и возвращение навыков традиционной картины мира? Как сами коренные народы Севера пытаются выйти из этого кризиса?

Последние годы жизни Василия Роббека были посвящены продвижению идеи кочевого образования. Под этим он подразумевал обучение молодёжи коренных народов Севера традиционному укладу жизни с одновременной интеграцией в российские и западные учебные программы таким образом, чтобы они были совместимы с кочевой культурой самого народа. В его представлении кочевые школы должны были содействовать возрождению жизни на земле. Ущерб, нанесённый колониальной добычей полезных ископаемых и другими навязанными изменениями, мог бы быть возмещен в том случае, если бы люди смогли вновь вернуться к земле, и, таким образом, вернулись бы снова к тесному сосуществованию со своей родиной и землей – как отдельные личности, семьи, кланы, общества и страны.

В 2006 г. В. Роббек сказал, что в северной природе есть все модели устойчивого сосуществования. Знание существует до тех пор, пока живут люди, способные его воспринимать. Он понимал необходимость сохранения северных традиций при режимах давления и разрушения, тогда, когда лишь немногие понимали это. Он подчёркивал, что идея особого северного сосуществования является моделью, которая содержит потенциал возвращения, или возрождения, коренных народов Арктики. Он также подчёркивал важность уроков, получаемых от земли, которые связаны с ней. Другими словами, он посвятил себя тому, чтобы мудрость северного мировоззрения жила и использовалась.

Данная статья является небольшим звеном в череде воспоминаний об этом выдающемся человеке, который ушел от нас в июне 2010 г., а также вкладом в то возможное возрождение, которое он олицетворял, как среди коренных народов Севера, так и везде, где есть необходимость устойчивых моделей сосуществования на Земле. В этом нет ни политической подоплёки, ни радикальных мыслей. Наоборот, это напоминание о том, кем мы являемся и что мы можем: как можно лучше сохранить всё богатство наших культур и традиций.

Примечания

1. Задokumentированные материалы доведены до сведения общин и людей, предоставивших их. Партнёры из числа местных жителей владеют представленной здесь информацией. Это означает, что они корректировали, одобряли и прове-

ряли те сведения, которыми мы руководствовались при выдвижении доводов в этой статье. Целью использования устных материалов, одобренных общиной, является вовлечение коренных народов Севера – основных носителей знаний и проживающих сегодня на циркумполярном Севере, в процесс современного постколониального переосмысления времени и пространства человеческой географии. Материалы, собранные для данной статьи, были представлены их носителям, а в случае их смерти, семьям и общинам для просмотра и одобрения, во время поездки в Республику Саха (Якутия) в августе 2012 г. Перевод на английский язык выполнен авторами.

2. Любая ссылка на первое лицо в данной статье относится к Теро Мустонену.

3. Поскольку существует много определенных понятия община, мы придерживаемся краткого определения, используя Федеральный закон № 82-ФЗ (1999): общины и другие формы общественного самоуправления являются формами самоорганизации людей, принадлежащих к малочисленным народам, объединённых кровными родственными связями (семья, родственник) и/или территориально-соседскими принципами, созданными с целью защиты исконно принадлежащих им территорий, для защиты и развития традиционного уклада жизни, хозяйства и культуры (взято из [Vladimirova, 2006, с. 320]). Общины имеют свои права, что гарантируется федеральным законодательством. Поскольку целью данной статьи не является обзор юридических аспектов существования коренных народов России, мы исключили из этой статьи специальные законы (например, Федеральный закон № 104-ФЗ, 2000 «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»). Важно отметить, что региональный закон об общинах был принят в начале 1990-х гг. в Республике Саха (Якутия), раньше федеральных законов по данному вопросу.

Литература

Abramson A. and Theodossopoulos D., eds *Land, Law and Environment: Mythical Land, Legal Boundaries*. London: Pluto Press. 2000.

Alexander, C., Vynum N., Johnson E., King U., Mustonen T., Neofotis P., Oettle N., Rosenzweig C., Sakakibara S., Shadrin V., Vicarelli M., Water-house J., and Weeks B. “Linking Indigenous and Scientific

Knowledge of Climate Change.” *BioScience* 61 (6), 2011, с. 477–484.

Andersen, S. “Saami Place Names and Place-Making in a Minority-Majority Context.” *Dielut* 3: 2004, с. 122–134.

Anderson D. “The Ecology of Markets in Central Siberia.” Pp. 155–170 in *Ethnographies of Conservation*, ed. D. Anderson and E. Berglund. Oxford: Berghahn Books, 2003.

Casey E. *The Fate of Place: A Philosophical History*. Berkeley: University of California Press. 1997.

Castree N. “Differential Geographies: Place, Indigenous Rights and ‘Local’ Resources.” *Political Geography* 23 (2); 2004, с. 133–167.

Dalby S. “The ‘Kiwi Disease’: Geopolitical Discourse in Aotearoa/New Zealand and the South Pacific.” *Political Geography* 12 (5); 1993, с. 280–288.

Gordon C., ed. Power and Knowledge. Selected Interviews and Other Writings by Michel Foucault, 1971–1977. New York: Pantheon. 1980.

Haila Y., and M. Seppala, eds. *Ikijaa, permafrost, merzlota*. Pori: Porin taidemuseo. 1992.

Hakli J. “Manufacturing Provinces: Theorizing the Encounters between Governmental and Popular ‘Geographs’ in Finland.” Pp. 131–151 in *Rethinking Geopolitics*, ed. G. Tuathail and S. Dalby. London: Routledge. 1998.

Heikkila K. *Teaching through Toponymy: Using Indigenous Place-Names in Outdoor Science Camps*. Saarbrücken: VDM Verlag. 2008.

Heikkila L. *Reindeer Talk: Sami Reindeer Herding and Nature Management*. Vol. 110. Rovaniemi: Acta Universitatis Lapponiensis. 2006.

Helander E. “Sami Subsistence Activities: Spatial Aspects and Structuration.” *Acta Borealia* 16(2); 1999, с. 7–25.

Howitt R. *Rethinking Resource Management: Justice, Sustainability and Indigenous Peoples*. London: Routledge. 2001.

Howitt R., and S. Suchet-Pearson. “Rethinking the Building Block: Ontological Pluralism and the Idea of ‘Management.’” *Geografiska Annaler B* 88 (3); 2006, с. 323–335.

Ingold T., and T. Kurttila. “Perceiving the Environment in Finnish Lapland.” *Body & Society* 6 (3–4); 2000, с. 83–196.

Kjosavik D., and N. Shanmugaratnam. “Property Rights Dynamics and Indigenous Communities in Highland Kerala, South India.” *Modern Asian Studies* 41 (6); 2007, с. 1183–1260.

Koivurova T., T. Joona, and R. Shnorro, eds. *Arctic Governance*. *Juridica Lapponica*, vol. 29. Rovaniemi: Arctic Centre. 2004.

Kymalainen P., and A. Lehtinen. “Chora in Current Geographical Thought: Places of Co-design and Remembering.” *Geografiska Annaler B* 92 (3); 2010, с. 251–261.

Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Blackwell. 1991.

Lehtinen A. "From Relations to Dissociations in Spatial Thinking: Sami 'Geographs' and the Promise of Concentric Geographies." *Fennia* 189 (2); 2011, c. 14–30.

Muller F., R. De Groot, and W. Willemen. "Ecosystem Services at the Landscape Scale: The Need for Integrative Approaches." *Landscape Online* 23; 2010, c. 1–11.

Mustonen T. Karhun vaen ajast-aikojen avartuva avara: tutkimus kolmen euraasialaisen luontaistalousyhteison paikallisesta tiedosta pohjoisen ilmastomuutoksen kehityksessä [The never-ending and unfolding life-world of the peoples of the bear: An inquiry into the local knowledge of three Eurasian subsistence communities in the context of Northern climate change]. *Publications in Social Sciences*, vol. 92. Joensuu: University of Joensuu. 2009.

Mustonen T. "Field Notes from the Interviews with Vasili Robbek at the Institute of the Indigenous Peoples of the North, 2004–2011". Unpublished. 2011.

Mustonen T. Metsaveri—Aslak Ola Aikion elamaa ja tarinoita [Forest blood—Life and stories of Aslak Ola Aikio]. Kontiolahti: Snowchange Cooperative. 2012.

Naess A. "Self-Realization in Mixed Communities of Humans, Bears, Sheep, and Wolves." *Inquiry* 22(1–4); 1979, c. 234–241.

Pika A. Neotraditionalism in the Russian North: Indigenous Peoples and the Legacy of Perestroika, ed. B. Grant. Edmonton: Canadian Circumpolar Institute. 1999.

Porteous D. "Topocide: The Annihilation of Place." Pp. 75–93 in *Qualitative Methods in Human Geography*, ed. J. Eyles and D. M. Smith. London: Routledge. 1988.

Pretty J. "Interdisciplinary Progress in Approaches to Address Social-Ecological and Ecocultural Systems." *Environmental Conservation* 38 (2); 2011, c. 127–139.

Rogers R. Nature and the Crisis of Modernity: A Critique of Contemporary Discourse on Managing the Earth. Montreal: Black Rose Books. 1994.

Saarikivi J. "Kieli suojelee luontoa" [Language preserves nature]. *Vihrea Lanka. Planeetan paikallislehti* 7; 2002, c. 10.

Schanche A. "Horizontal and Vertical Perceptions of Saami Landscapes." *Die!ut* 3; 2004, c. 1–10.

Seppala M., ed. *Strangers in the Arctic: 'Ultima Thule' and Modernity*. Helsinki: Frame. 1996.

Sheridan J., and R. D. Longboat. "The Haudenosaunee Imagination and the Ecology of the Sacred." *Space and Culture* 9 (4); 2006, c. 365–381.

Sluyter A. Colonialism and Landscape: Postcolonial Theory and Applications. Lanham, MD: Rowman & Littlefield. 2002.

Smith M. An Ethics of Place. Albany: State University of New York Press. 2001.

Smith M. "Citizens, Denizens and the Res Publica: Environmental Ethics, Structures of Feeling and Political Expression." *Environmental Values* 14 (2); 2005, c. 145–162.

Smith N. Uneven Development. Oxford: Blackwell. 1984.

Stammler F. Reindeer Nomads Meet the Market: Culture, Property and Globalisation at the "End of the Land." Berlin: LIT Verlag. 2005.

Vitebsky P. Reindeer People: Living with Animals and Spirits in Siberia. London: HarperCollins. 2005.

Vladimirova V. Just Labor: Labor Ethic in a Post-Soviet Reindeer Herding Community. Uppsala: Uppsala Universitet. 2006.

Watson A., and H. H. Huntington. "They're Here—I Can Feel Them: The Epistemic Spaces of Indigenous and Western Knowledges." *Social & Cultural Geography* 9 (3); 2008, c. 257–281.

Tero Mustonen, Ari Lehtinen

Arctic traditional picture of the world: cyclic transfer of knowledge in communities of indigenous peoples of the Eurasian North

The article deals with the mechanisms and methods of preserving indigenous knowledge systems across the circumpolar North attentive relation to what concerned community elders that their own experience was watching the interweaving of traditional ways of life and household with modernization.

The article introduces the concept of the traditional picture of the world and identify the ethical and spiritual resources and daily living skills in the community, necessary for life in the North. In conclusion highlights the human and natural cycles of the transfer of knowledge from generation to generation, oral and mostly practical in nature, and therefore the emergence of new elders based on personal abilities and skills of the community to pass the deep knowledge of the changes in the perception of nature. Emphasizing the role of oral communication, we emphasize that this knowledge (about the picture of the world) will be maintained as long as they distribute in daily life. We dedicate this article to the memory of Professor Vasili Robbek.

Keywords: community elders, community regeneration, the coexistence of man and nature, the North as a territory of indigenous peoples, nomadic education, oral communication, daily life on the Earth.

М.И. Старостина

Жизненный путь иеромонаха Алексия (Оконешникова)

В статье на основании послужного списка раскрываются ранее неизвестные страницы жизни иеромонаха Алексия (Оконешникова), якута, выходца из колымской глубинки, участника Русско-японской войны, служившего на крейсере I ранга «Рюрик».

Ключевые слова: якут, иеромонах, священник, протопресвитер, крейсер «Рюрик», императрица, королева, золотой наперсный крест, черногорский орден, Балтийский флот.

Иеромонах Алексей (в миру Оконешников Василий Тимофеев) вошел в историю России как отважный священник российского крейсера I ранга «Рюрик», героически сражавшегося и потопленного в августе 1904 г. в бою с японскими кораблями. Он стал прототипом героя романа «Крейсера» писателя В. Пикуля и персонажем ряда статей якутских исследователей.

По-новому раскрывает нам жизненный путь иеромонаха Алексия его «Полный послужной список», составленный в октябре 1912 г. и дописанный до 23 июля 1913 г. Документ обнаружен автором этих строк в фондах Российского исторического архива [РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 32].

Согласно записям в метрической книге Среднеколымской Покровской церкви, он родился 5 ноября 1873 г. в III Мятюжском наслеге Колымского улуса в семье якута (саха) [НА РС(Я). Ф. 226-и. Оп. 8. Т. 9. Д. 15. Л. 234 об.–236]. В послужном списке стоит другая дата – 30 декабря 1875 г. [РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 32. Л. 1, 5], что не соответствует действительности.

Василий Оконешников окончил курс наук в Казанской учительской семинарии в 1898 г. и сразу поступил на миссионерские курсы при Казанской духовной академии. Пострижен в монашество 15 марта 1899 г., рукоположен в иеродиакона 19 марта, а в иеромонаха – 9 мая 1900 г. [Там же. Л. 1, 1 об., 5, 5 об.].

Студент Оконешников был знаком с некоторыми известными людьми. Обучаясь в Казани, он принимал активное участие в переводе учебников на якутский язык. Этот факт отложился в деле, хранящемся в РГИА, – «Об учебниках на якутском языке, о переводах из Св. Писания, сде-

ланных студентами Казанского университета Кочневым Д.А. и Оконешниковым В.Т.»*. В деле имеется письмо епископа Рязанского Мелетия от 16 мая 1898 г. В нем он сообщает К.П. Победоносцеву, обер-прокурору Синода, члену Государственного совета, что «студенты Казанского университета Демьян Афан. Кочнев и якут Василий Тимоф. Оконешников со своими переводческими изданиями решились посетить Петербург и лично представить пред Особою Вашего Превосходительства. Слово одобрения к их трудам на пользу своей родины ободрит их к исполнению предпринятого ими дела – снабжения своих родичей книгами Священного Писания и учебниками на якутском языке, по методу Н.И. Ильминского» [Там же. Л. 5].

Одним из близких знакомых студента Оконешникова был профессор Императорского Казанского университета Н.Ф. Катанов (1862–1922), выдающийся тюрколог, этнограф, фольклорист, общественный деятель, первый хакасский ученый, создавший труды, сохранившие свое значение до наших дней [<http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 02.03.2014 г.)]. В письме к этнографу Э.К. Пекарскому от 22 мая 1900 г. он пишет: «...посылаю Вам со своим близким знакомым иеромонахом Алексием (в миру Оконешниковым), природным якутом, часть своих трудов, печатанных в Казани и Сибири» [Свидетельства. Мемуары, 2009]. Данное письмо подтверждает, что известный тюрколог много общался со студентом, который мог дать ему ценную информацию о якутском языке. Также отсюда видно, что иеромонах Алексей был знаком с Э.К. Пекарским, будущим создателем фундаментального словаря якутского языка.

* Демьян (Дамиан) Кочнев являлся студентом юридического факультета Казанского университета, выходец из Вилойского округа, принимал самое деятельное участие в переводе Евангелия на якутский язык [Андросов, 2003, с. 255]. А Василий Оконешников завершал обучение в Казанской учительской семинарии.

После учебы в Казани иеромонах Алексей 16 июля 1900 г., согласно Указу Святейшего синода, якутским епархиальным начальством назначается миссионером в «Чукотский Нос» Колымского края [Там же. Л. 1об., 5об.]. В августе того же года он также был назначен помощником руководителя второклассной (миссионерской) школы г. Якутска и впоследствии стал одним из самых лучших учителей церковно-приходских школ Якутского округа. Он преподавал русскую историю во втором и учительском классах, дидактику с практическими уроками в учительском классе и обучал церковному пению. Кроме того епархиальный училищный совет поручил ему вести разъяснительные беседы с учащимися на якутском языке о непонятных словах. Уездный наблюдатель, священник В. Охлопков, в своем отчете отметил следующее: «...Как в образовании школьного хора, так в особенности в преподавании дидактики педагогики в учительском классе своими трудами и образцовым отношением к школе отличался о. иеромонах Алексей, который своим примером и настойчивостью побуждал и других учителей к трудолюбию, аккуратности и любви к школьному делу» [Старостина, 2006.].

1 октября 1900 г. иеромонах был избран членом Якутского отделения Епархиального училищного совета, а в январе 1901 г. награжден набедренником. 1 сентября 1901 г. епископ Якутский и Вилуйский Никанор назначил иеромонаха Алексея заведующим второклассной церковно-приходской школой г. Якутска, здесь он работал по 20 ноября 1902 г. Также по назначению епископа иеромонах временно исполнял должность уездного наблюдателя церковных школ с 22 августа по 13 декабря 1901 г., а с 8 августа 1902 г. Святейший синод назначил его членом комиссии по внезапной ревизии учреждений Якутской епархии [Там же. Л. 1, 1об., 5, 5об.].

В 1901/02 учебном году, наряду с успешным руководством школой, о. Алексей преподавал разные предметы, в том числе церковно-славянский язык. Он, как уездный наблюдатель церковных школ, проверил состояние 13 церковно-приходских школ Иркутского тракта. Таким образом, за два учебных года о. иеромонах Алексей проявил исключительное усердие, показал хорошее знание школьного дела [Старостина, 2006, с. 96].

10 октября 1902 г. училищный совет объявил иеромонаху Алексею благодарность за исправление должности епархиального наблюдателя, а че-

рез месяц за «ревностное отношение к школьному делу» он был награжден 100 руб. 15 августа 1902 г. его назначили казначеем монастыря и экономом архиерейского дома. Далее «согласно прошению о. протопресвитером военного и морского духовенства назначен для исполнения пастырских обязанностей на крейсер I ранга «Рюрик» 1903 г. мар[та] 13» [Там же. Л. 1об., 5об.]. Иеромонах «первое время находился в Порт-Артуре. Незадолго до начала военных действий «Рюрик» был переведен во Владивосток, и отец Алексей стал слушателем Восточного института, начал изучать японский язык» [Пестерев, 2001, с. 159].

В послужном списке иеромонаха написано: «Был во время войны с Японией 1904–1905 гг. Находился в сражении русских крейсеров с отрядами судов японской эскадры и участвовал в бою в составе команды крейсера «Рюрик» до момента его гибели [в] 1904 г. Авг. 1»; «После гибели крейсера «Рюрик» во время сражения с отрядом японских крейсеров был взят японцами в плен [в] 1904 г. Авг. 1» [Там же. Л. 2, 4об., 6, 8об.].

В ноябре 1904 г. в газете «Якутские епархиальные ведомости» вышла статья «С театра войны на море (из рассказов иеромонаха Алексея Оконешникова)». Из нее видно, что 1 августа 1904 г. о. Алексей стал участником битвы владивостокской эскадры с японской эскадрой. Когда решено было затопить крейсер «Рюрик», священник Алексей «среди массы трупов, среди оторванных частей человеческого тела, среди крови и стонов» начал общую исповедь. А когда уже крейсер начал погружаться в воду, он, чтобы поднять дух русских моряков, закричал «ура!». Это подхватили и другие. Японцы взяли в плен 120 человек, среди которых был и священник Алексей, владевший английским языком. Вскоре он оказался в Нагасаки. Священник был освобожден из плена и через Шанхай, Одессу прибыл в октябре в Петербург [Е.Н., 1904].

Захваченные японцами в плен офицеры и моряки с «Рюрика» «написали все свои замечания по крейсерам, по артиллерии, по тактике и т.д. и отдали отцу Алексею с наказом доставить в Россию, в Адмиралтейство. ...По прибытию в Санкт-Петербург добился приема в Артиллерийском ученом комитете, где подробно рассказал о последнем бое «Рюрика» и о том, что снаряды уступали японским и рвались, не причиняя вреда врагу, передал записки» [Пестерев, 2001, с. 160–161]. А участник Русско-японской войны Г.И. Шавель-

ский написал в своей книге, вышедшей в Нью-Йорке (в 1954 г.), а затем и в Москве (1996 г.), что иеромонах Алексей «вывез из плена знамя» [Шавельский, 1996, с. 29].

Иеромонах сделал сообщение о последнем бое крейсера «Рюрик» в Русском собрании в Петербурге, которое было опубликовано в журнале «Природа и люди» № 5 за 1905 г. Кроме того, он дал обширное интервью столичным газетам о недостатках русских крейсеров и их артиллерии [Пестерев, 2001, с. 160, 161].

Указом Святейшего синода от 26 октября 1904 г. за № 10586 иеромонах Алексей был награжден синодальным крестом, а 1 ноября 1904 г. «за отличие в делах против японцев Всемилостивейше пожалован золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте» [РГИА. Л. 1, 1об., 2об., 5, 5об., 6об.]. 27 октября 1904 г. «Государь Император повелеть соизволил назначить иеромонаха Алексея, в изъятие из правил, священником в один из полков Европейской России». Исполняя «повеления» императора, о. протопресвитер военного и морского духовенства назначил его с 17 ноября 1904 г. на вакансию священника к церкви 37-го драгунского Военного Ордена полка*. Иеромонах здесь долго не служил. 27 ноября 1904 г. «с соизволения Его Императорского Величества и по желанию Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны откомандирован от церкви... для исполнения пастырских обязанностей в военно-санитарный поезд Государыни Императрицы Александры Феодоровны», где он прослужил около полутора лет, до 7 мая 1906 г. [Там же. Л. 1 об., 2 об., 5 об., 6 об.]

В январе 1906 г. приказом главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами, действовавшими против Японии, иеромонах Алексей награждается орденом Святой Анны 3-й степени [Там же. Л. 1, 2 об., 5, 6 об.].

Вскоре, в мае 1906 г., в связи с расформированием военно-санитарного поезда «Государыни Императрицы Александры Феодоровны» иеромонах был назначен священником войсковой церкви в г. Зайсан, куда прибыл 19 июня 1906 г. Зайсан являлся центром управления Зайсанским приставством Семипалатинской области, которая

граничила с Китаем. Приставство было учреждено для управления принятыми в подданство киргизами [Энциклопедический словарь..., 1991, с. 145]. В то время киргизами называли нынешних казахов [<http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 03.03.2014)]. Должно быть, здесь в службе о. Алексея пригодилось владение его якутским языком, родственным киргизскому (казахскому).

С 1 мая по 1 сентября 1907 г. «за отличие в делах против японцев Всемилостивейше побыл в 4-месячном отпуску». А 5 сентября 1907 г., «как предназначенный, согласно воле Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны на крейсер I ранга «Рюрик» уволен» и 12 сентября был «прикомандирован [к] Санкт-Петербургскому Адмиралтейскому собору, без содержания от казны» [РГИА. Л. 1об.–2, 2об., 5об.–6, 6об.]. Хотя и недолго, но иеромонах Алексей служил в этом известном соборе, который «был особым храмом русской морской славы. Все корабли русского флота при закладке и спуске на воду освящались близ Адмиралтейского храма его настоятелем. Здесь начинали свое дальнейшее плавание. Ежегодно в соборе 17 ноября служились панихиды по морякам, павшим в Синопском и Цусимском сражениях» [http://leushino.ru/arch/112_3.html; <http://drevo-info.ru/articles/19946.html> (дата обращения: 11.01.2013)].

Вскоре, 26 октября 1907 г., согласно воле императрицы Александры Феодоровны, иеромонах Алексей был назначен на крейсер I ранга «Рюрик». Здесь он служил до 28 мая 1911 г. [РГИА. Л. 2об., 6об.]. На лучшем крейсере России прошла самая интересная часть жизни иеромонаха.

Назначение о. Алексея на крейсер «Рюрик», вероятно, было связано с его знанием английского языка. Дело в том, что новый крейсер I ранга «Рюрик» – броненосный крейсер Российского императорского флота был построен в Англии на верфях компании Vickers в г. Барроу-ин-Фернесс. Заложен в 1905 г. спущен на воду 4 ноября 1906 г., полностью был готов к июлю 1909 г. «Рюрик» был последним и самым большим из кораблей такого класса в России. Он считался флагманом Балтийского флота [<http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 11.01.2013)]. Корабль пользовался «особым расположением царя Николая II, регу-

* Этот известный полк был сформирован в 1709 г. под Полтавой и носил разные названия. В 1882 г. переименован в 37-й драгунский Военного Ордена полк, а в 1891 г. – генерал-фельдмаршала графа Миниха [<http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 03.03.2014)].

лярно посещавшего крейсер» [Виноградов, Федечкин, 2003, с. 4]. Крейсер «Рюрик» был переведен на верфь фирмы «Бирдмор» в Далмиуре (Шотландия), где осенью–зимой 1907/08 гг. на нем смонтировали всю артиллерию. Затем «Рюрик» вернулся в Англию и лишь в конце августа 1908 г. отплыл в Россию. Вскоре прибыл в Кронштадт. В сентябре прошел императорский смотр на рейде Бьорке-Зунда. После этого «Рюрик» вышел в море, где обнаружилось серьезные технические неисправности. По требованию русской стороны английская фирма Виккерс в Кронштадте устранила их с ноября 1908 г. по июнь 1909 г. [Там же, с. 23, 24, 26]. Таким образом, иеромонах Алексей, находясь в команде на строящемся крейсере, побывал в Шотландии и в Англии.

12 июля 1909 г. отряд кораблей, в составе которого были императорские яхты «Штандарт» и «Полярная звезда», начал поход в Англию для участия в международном военно-морском параде. Яхты сопровождали броненосные крейсера, в том числе «Рюрик» (головной в строю), и эскадренные миноносцы. 14 июля корабли бросили якоря в германском порту Эккернферде, а вскоре доплыли до французского порта Шербур, где на борту крейсера «Галиде» Николай II вместе с президентом Франции обошел строй французской эскадры. 20 июля русский отряд отправился к берегам Британии. На подходе к Спитхедскому рейду их встретила королевская яхта «Виктория энд Альберт», на борту которой был британский монарх Эдуард VII. Огромный рейд вмещал практически весь Королевский флот в составе 400 разных кораблей. Здесь королевская яхта с русским отрядом прошла три линии кораблей, экипажи которых приветствовали монархов. В 1910 г. крейсер «Рюрик», экипаж которого насчитывал 819 человек, был включен в состав Балтийского отряда [Там же, с. 66–71].

Корабли Балтийского флота броненосец «Цесаревич», крейсера «Рюрик», «Богатырь» и «Адмирал Макаров» [<http://www.navy.su/daybyday/september/01/index.htm>] под флагом контр-адмирала Н.С. Маньковского 18 июля 1910 г. вышли в заграничное плавание. Они держали путь в Адриатическое море для участия в праздновании 50-летия правления короля Черногории Николая I. К тому же этот визит должен был продемонстрировать европейским государствам возросшую мощь русского флота.

По пути русские корабли посетили Спитхедский рейд и г. Портсмут в Англии, где гардемаринны осмотрели главную базу Королевского флота и строящиеся корабли. Далее корабли по Атлантическому океану направились в Гибралтар, зашли в Средиземное море, посетили Алжир, а затем приплыли в Адриатическое море, и наконец, встали на якорь в порту Австро-Венгрии Фиуме (ныне г. Риека (Хорватия). – М.С.), где на борт «Цесаревича» поднялись великие князья Николай и Петр Николаевичи, родные дяди российского императора Николая II, зятя правителя Черногории. 19 августа корабли вошли в черногорский порт Антивари. На следующий день с каждого корабля на берег высадились делегации для участия в официальных торжествах в столице Черногории г. Цетинья, на которых от имени короля Черногории члены экипажей русских кораблей были награждены орденами и медалями [Виноградов, Федечкин, 2003, с. 72–73].

В частности, русский контр-адмирал Н.С. Маньковский был награжден черногорским орденом князя Даниила I первой степени, командир корабля «Рюрик» А.П. Угрюмов – черногорским орденом князя Даниила I второй степени [<http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 12. 01. 2013)], а иеромонах Алексей – «черногорским орденом князя Даниила I четвертой степени и черногорскими медалями: серебряною с надписью “За храбрость” и светло-бронзовою юбилейною, на принятие и ношение коих последовало Высочайшее соизволение 1910 г. сен[тября] 14» [РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 32. Л. 2 об., 6 об.]. Орден князя Даниила I – первый княжеский и впоследствии королевский орден Черногории, девиз которого «За независимость Черногории». Его четвертая степень была рыцарской [<http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 12. 01. 2013)]. Указанные награды иеромонаха Алексея подтверждают его присутствие на королевском празднике в Черногории наряду с высокопоставленными лицами Балтийского отряда России.

На обратном пути отряд прибыл снова в Фиуме 1 сентября, на берег сошел великий князь Николай Николаевич. Здесь произошел инцидент, связанный с защитой чести Андреевского флага – символа морской мощи России. Русская сторона заявила австрийцам о том, что в течение суток русский флаг был оскорблен дважды, сначала – крепостью, затем – эскадрой. Поэтому 2 сентября потребовала, чтоб с подъемом флага

крепость и эскадра произвели положенный салют. Австрийцы заявили, что крепость произведет салют, а эскадра – нет, так как рано утром выходит в море. Командующий русской эскадрой Маньковский сообщил, что не выпустит австрийскую эскадру с фиумского рейда, не получив салюта. Он отдал приказ кораблям изменить позицию. Крейсер «Рюрик» встал прямо посередине выхода из бухты в боевой готовности, чтоб не пропустить в море австрийскую эскадру. На кораблях была сыграна боевая тревога. В 8 часов утра, как только флаги и гюйсы русских кораблей пошли вверх, загрохотали салютные пушки крепости и австрийских кораблей. Так, с большим риском был исчерпан инцидент. Русский контр-адмирал прекрасно знал, что в случае боя превосходство австрийцев десятикратное, но «честь страны и Андреевского флага были превыше всего» [Яркая страница..., 2010].

4 сентября русские корабли покинули Фиумский рейд. На обратном пути вокруг Европы, они, в частности, посетили портовые города Суды (Греция), Тулон и Шербур (Франция), Виго (Испания) и др. Крейсер «Рюрик» вынужден был зайти в греческий порт Пирей. Экипажи кораблей были сильно измотаны, тем более что Северное море встретило их 9-балльным штормом. 2 ноября крейсера благополучно достигли Кронштадта [Виноградов, Федечкин, 2003, с. 75–76].

Таким образом, косвенно подтверждается, что иеромонах Алексей в составе экипажа крейсера «Рюрик» в 1909 г. был в Англии, Германии и Франции, а в 1910 г. – в Австро-Венгрии, Алжире, Англии, Германии, Греции, Испании и Франции.

28 мая 1911 г. о. протопресвитер военного и морского духовенства назначил о. Алексея «на вакансию священника к храму-памятнику морякам, погибшим в войну с Японией» [РГИА. Л. 2об., 6об.]. Храм-памятник Спас-на-Водах возвели в Санкт-Петербурге на берегу Невы, на углу Английской набережной, на народные пожертвования. Его строительство было приурочено к шестой годовщине Цусимского сражения и в мае–июле 1911 г. было завершено. В августе храм был освящен. Комитет по строительству храма возглавили королева Греции, русская великая княжна Ольга Константиновна, и великий князь Константин Константинович. Их ближайшим помощником назначили сенатора Петра Огарева, потерявшего сына в Русско-японской

войне. В 1932 г. храм Спас-на Водах был взорван. В наше время (2003 г.) возведена часовня Св. Николая Чудотворца и музейный корпус [<http://www.spas-na-vodah.spb.ru/sob/kom100/kom100.htm> (дата обращения: 12. 03. 2013)].

На момент назначения иеромонаха Алексея в храм-памятник о. протопресвитером военного и морского духовенства Российской империи служил назначенный 22 апреля 1911 г. Г.И. Шавельский (1871–1951). В Русско-японской войне о. Георгий прошел путь от полкового священника до главного священника Маньчжурской армии. В начале 1911 г. он работал священником в Суворовской церкви при Императорской военной академии и профессором богословия историко-филологического института. В 1920 г. о. протопресвитер эмигрировал в Болгарию, где жил до конца жизни [Шавельский, 1996, с. 6–8, 15, 19].

О. протопресвитер Г.И. Шавельский был человеком очень резким. «Даже родная дочь считала его излишне строгим...» [Русская церковь..., 2005, с. 6.]. Заносчивым, самоуверенным, невоспитанным и случайным сановником считал о. протопресвитера Шавельского в своих «Воспоминаниях» бывший товарищ обер-прокурора Святейшего синода Н.Д. Жевахов [1992, с. 290].

По окончании строительства храма Спас-на-Водах Г.И. Шавельскому через сенатора П.Н. Огарева поступило неожиданное для него предложение от имени королевы Греции Ольги Константиновны и ее брата, великого князя Константина Константиновича. Они хотели назначения иеромонаха Алексея на должность священника в этот храм. Однако о. протопресвитер считал, что иеромонах не соответствует упомянутой должности. Об этом он пишет в своей книге так: «Не видом, ни удельным весом иеромонах Алексей не годился для этой церкви. С лицом калмыка, безусый, косоглазый – его нельзя было отличить от японца. До принятия монашества он был сельским учителем. Затрудняюсь сказать, закончил ли он курс учительской семинарии, но среднего образования он не имел. Я заявил Огареву, что считаю иеромонаха Алексея совершенно неподходящим кандидатом для столичной церкви, ибо он не получил высшего образования и совсем не обладает качествами, нужными для столичного священника. Кроме того, я считаю неудобным в церковь, посвященную памяти убитых моряков, назначить священника, которого не отличишь от японца» [Шавельский, 1996, с. 29–30]. Прото-

пресвитер в своей книге принизил образование и служебные данные иеромонаха.

На следующий день сенатор Огарев пришел и сказал, что королева и великий князь настаивают на утверждении своей кандидатуры. Протопресвитеру пришлось согласиться и назначить иеромонаха Алексия священником упомянутого храма, но он сказал Огареву: «Что делать, приходится назначить... Но вспомните мои слова: через два-три месяца будете просить меня о замене иеромонаха Алексия другим». Сразу после этого разговора Шавельский выехал в командировку [Там же, с. 30]. Вероятно, слова протопресвитера стали основанием для начала большой интриги против иеромонаха Алексия.

По возвращении Г.И. Шавельского сенатор П.Н. Огарев рассказал «недобрую историю» о том, что на священника Алексия был составлен протокол инженером-строителем храма С.Н. Смирновым и представлен королеве. После визита Огарева о. протопресвитер возвратил иеромонаха на прежнее место, но недовольный иеромонах Алексей подал прошение о снятии сана, что было удовлетворено Синодом. При объявлении о снятии сана «бывший иеромонах Алексей отказался расписаться в чтении указа и возбудил дело об аннулировании решения Синода. Обер-прокурор В.К. Саблер “поправил” дело: Синод вновь решил: “Так как иеромонах Алексей не расписался в чтении указа, то прежнее решение Синода считать недействительным”» [Там же, с. 30–31]. Последнее решение подтверждает версию о затеянной интриге вокруг иеромонаха, что стало известно Синоду.

По воспоминаниям Шавельского, иеромонах Алексей священником храма Спас-на-Водах служил чуть более десяти дней [Там же, с. 30]. А по послужному списку он был назначен 28 мая 1911 г. и «согласно прошению уволен от должности... 19 июля 1911 г.», т.е. проработал месяц и 21 день [РГИА. Л. 2об., 6об.]. Несомненно, деятельный иеромонах Алексей внес большую лепту в завершение строительства храма-памятника Спас-на-Водах.

Шавельский пишет, что он вернул иеромонаха на прежнее место работы. Однако по послужному списку это не подтверждается. Там написано, что иеромонах «в отставке с 1911 г. июля 19 по 1912 г. авг. 18» [Там же. Л. 2, 6]. А 18 августа 1912 г. по распоряжению о. протопресвитера он был назначен штатным судовым священни-

ком крейсера «Громобой». Вскоре, 10 декабря того же года, распоряжением того же протопресвитера «для пользы службы перемещен на транспорт “Грозный”». Далее в послужном списке пишут: «Определением Св. Пр. Синода, сообщенным в Указе онаго на имя Протопресвитера в. и м. д., от 22 июня 1913 г. за № 9740 постановили: снять с иеромонаха Алексия, согласно его прошению, священный сан и монашество, с последствиями, указанными в 414 и 415 ст. ст. т. IX Св. Зак. Изд. 1899 г.». А через месяц, 23 июля 1913 г., он «ввиду сего распоряжения Протопресвитера в. и м. д. уволен от службы...» [Там же. Л. 3 об., 7 об.].

Отсюда видно, что служебная карьера иеромонаха Алексия, человека известного и уважаемого в окружении царя, с 19 июля 1911 г. пошла на спад. Крейсер «Громобой» не шел ни в какое сравнение с «Рюриком», а транспорт «Грозный» и тем более. При всем этом все решения об иеромонахе выносились одним человеком – о. протопресвитером Г.И. Шавельским.

Таким образом, «Полный послужной список» иеромонаха Алексия свидетельствует, что из ранних сообщений некоторых исследователей о его жизни после Русско-японской войны оказалась достоверной только его служба священником в войсковой церкви в г. Зайсан. Исследователи писали также, что после Русско-японской войны иеромонах работал в Якутске, а в 1910 г. преподавал в Томской духовной семинарии и участвовал в миссионерском съезде, проведенном в Иркутске. Все эти факты не подтверждаются послужным списком.

В одной из передач НВК Саха прошло сообщение о его вероятной службе в поселке Оконешниково Омской области и о том, что поселок назван его именем. Это тоже не подтверждается послужным списком: там сведений о его службе в Омской области нет.

А гражданская жизнь героя Русско-японской войны, бывшего иеромонаха Алексия (Оконешникова), с 24 июля 1913 г. остается нам еще неизвестной.

Литература и источники

Андросов Е.Д. Олоххо тардыһыы күүһэ. – Дьокуускай: Бичик, 2003. – С. 255.

Виноградов С.Е., Федечкин А.Д. «Рюрик» – флагман Балтийского флота. – М.: ИПО Профиздат, 2003. – С. 4, 23, 24, 26, 72–73, 75–76.

Е.Н. С театра войны на море (из рассказов иеромонаха Алексия Оконешникова) // Якутские епархиальные ведомости. – 1904. – № 22. (16 нояб.). – С. 362–364.

Жевахов Н.Д. Воспоминания. – Т. 1: сентябрь 1915 – март 1917 г. – М., 1992. – С. 290. (Электронная страница).

НА РС(Я). Ф. 226-и. Оп. 8. Т. 9. Д. 15. Л. 234 об.–236.

Пестерев В.И. История Якутии в лицах. – Якутск: Бичик, 2001. – С. 159–161.

РГИА. Ф. 806. Оп. 16. Д. 32. Л. 1–2 об., 3 об., 4 об., 5–6 об., 7 об., 8 об.

Там же. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 112. Л. 5.

Русская церковь пред революцией. – М.: Артос-Медиа, 2005. – С. 6.

Свидетельства. Мемуары // Гаслылар авазы. – 2009. – № 1.

Старостина М.И. Педагогическая деятельность и родословная иеромонаха Алексия Оконешникова //

Наука и образование – 2006. – № 3 (43). – С. 95, 96.

Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. – 2-е изд. – Т. 1. – М.: Крутицкое подворье, 1996. – С. 6, 7, 8, 15, 19, 29–31.

Энциклопедический словарь. – Репринтное воспроизведение издания Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон, 1890 г. – Т. 23. – М.: Изд-во «Терра», 1991. – С. 145.

Яркая страница истории Российского флота (к 100-летию «инцидента в Фиуме» / подготовил А. Боярский // За кадры верфям. – 2010. – №14–15 (авг.).

URL: http://leushino.ru/arch/112_3.html; <http://drevo-info.ru/articles/19946.html> (дата обращения: 11. 01. 2013).

URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 12. 01. 2013; 02. 03. 2014; 23. 03. 2014).

URL: <http://www.navy.su/daybyday/september/01/index.htm> (дата обращения: 12. 01. 2013).

URL: <http://www.spas-na-vodah.spb.ru/sob/kom100/kom100.htm> (дата обращения: 12. 03. 2013).

М.И. Starostina

The life of Yakut archpriest Alexy (Okoneshnikov)

The previously unknown pages of archpriest Alexy's (Okoneshnikov) life becomes aware in the article. He was Yakut (Sakha) native of the deep backwoods of Kolyma, who had served on the first rank cruiser «Rurik» during the Russian-Japanese War (1904–1905).

Keywords: Yakut, an archpriest, a priest, the protopresbyter, the cruiser «Rurik», an empress, a queen, a gold pectoral cross, the Montenegrin order, the Baltic fleet.

УДК 351.741(1917)(571.56)

Т.В. Захарова

Создание милиции в Якутской области в 1917 году

В статье показано, как шло формирование органов правопорядка в селениях Центральной Якутии после падения самодержавия. Рассмотрены вопросы количественного и качественного состава гражданской милиции, а также система оплаты труда. Установлено, что в первой половине 1917 г. органы правопорядка в селениях Якутии избирались на народных собраниях и имели характер народной милиции и общественной самообороны.

Ключевые слова: Якутская область, охрана правопорядка, органы правопорядка после падения самодержавия, гражданская милиция, народная милиция.

Как известно, после падения самодержавия в феврале 1917 г. имперская структура управления страной была разрушена. В частности, Временное правительство ликвидировало учреждения по охране правопорядка и безопасности: охранные отделения и отдельный корпус жандармов (4 марта 1917 г.) [Архив..., 2001, с. 24], Департамент полиции и вместо него учредило Временное управление по делам общественной

полиции (10 марта 1917 г.) [Там же, с. 66–67]. В апреле 1917 г. была провозглашена замена полиции народной милицией и обнародованы два документа: постановление «Об утверждении милиции» (15 апреля 1917 г.) [Там же, с. 302–303] и Временное положение о милиции (15 апреля 1917 г.) [Там же, с. 303–308].

Специалисты, изучающие историю становления органов правопорядка между двумя револю-

циями (Февральской и Октябрьской 1917 г.), отмечают следующее. Создаваемая Временным правительством гражданская милиция организовывалась по образцу муниципальной полиции западноевропейских стран; в России в названный период она вверялась в ведение земских и городских учреждений [Миланова, 2004; Хамхоев, 2010].

В Якутской области (как и во всей Сибири) на момент падения самодержавия не существовало земства. Более того, в области не было института полицейских. По образному определению якутского губернатора И.И. Крафта (состоял в должности с 1907 по 1913 гг.), «... порядок и общественная безопасность [в Якутской обл. – 3.Т.] зиждутся исключительно на патриархальности...» [Всепопданейший..., 2007], т.е. охрана порядка на местах была в ведении местных сельских органов самоуправления. В крупных населённых пунктах, где находилась окружная администрация (Верхоянск, Вилюйск, Среднеколымск, Олёкминск), функции милиции выполняли находящиеся там казачьи команды. И только в областном городе Якутске была городская полиция [НА РС(Я). Ф. 12-и. Оп. 4. Д. 4309. Л. 54об., 57]. По проводившейся в 1916 г. реформе полиции предполагалось ввести полицейскую стражу в сельской местности. В Якутии полицейская стража начала создаваться лишь в ноябре 1916 г. и только в одном из пяти округов – Якутском. Однако с падением самодержавия начавшийся было набор в стражу был прекращён*.

Таким образом, в регионе не было базы для создания структур поддержания порядка. В связи с этим процесс создания правоохранительных органов вызывает особый интерес.

Следует заметить, что история учреждений по охране правопорядка и безопасности в Якутии малоизучена. Обнаружены публикации, в которых рассматриваются, во-первых, история создания ВЧК [Жжёных, 1980; Тепляков, 2007], во-вторых, история создания советской милиции [Ярковой, 1998; 2012]. Таким образом, до сих пор изучался только советский период создания и деятельности милиции.

Уместно здесь отметить состояние источниковой базы. Как и повсеместно в России, в Якутии в моменты острой борьбы в период Гражданской войны (например, захват Якутска красным отрядом в июне 1918 г. или большевистский переворот в декабре 1919 г.) текущая документация противников взаимно уничтожалась. Например, в делопроизводственной переписке между учреждениями антибольшевистской Якутии обнаружены сведения, что одно из дел «... взято б[ывшим] Совдепом и не возвращено» [НА РС(Я). Ф. 24. Оп. 6. Д. 20. Л. 5] или что дела и офицерские документы из канцелярии Якутской местной команды были уничтожены красноармейцами [РГВА. Ф. 39861. Оп. 1. Д. 129. Л. 41]. Таким образом, сведения об организации и деятельности гражданской милиции не только рассеяны во множестве архивных дел, но и частью утрачены.

Массив документов выявлен в Национальном архиве Республики Саха (Якутия). Документы представлены в основном донесениями и отношениями сельских органов власти, а также протоколами общих сходов селений, копиями постановлений сельских собраний. В названных материалах содержатся сведения об организации Комитетов общественной безопасности (далее КОБ), Продовольственных комитетов и отрядов милиции. Как правило, в документах указано количество сотрудников, избранных в названные органы, их фамилии; не часто – комментарии о прежних их должностях или опыте работы, размере вознаграждения за труд.

Географически указанные материалы отражают в основном процесс формирования новых властных структур в крестьянских (русских) сельских обществах (наличествуют документы 7 сельских обществ из 9 имеющихся на то время). Так называемые инородческие (заселённые по преимуществу якутами) волости и наслеги Якутского округа** представлены весьма незначительно (из 15 имеющихся волостей – данные 3 волостных и 4 наслежных*** КОБов).

В дополнение к характеристике источниковой базы следует сказать, что из волостей сведения приходили либо с опозданием, либо вообще не

* Подробнее об организации полицейской стражи в Якутии см.: *Захарова Т.В.* Из истории формирования полицейской стражи в дореволюционной Якутии (1916 г.) // История государства и права. – М., 2013. – № 9. – С. 6–8.

** В Якутском округе на момент описываемых событий в основном проживали якуты.

*** Наслег – самая мелкая административная единица дореволюционной Якутии.

поступали. Так, из Батурусской волости Якутского округа пришло донесение, что списки членов наследных КОБов, Продовольственных комитетов и народной милиции будут представлены в скором времени по сверке сведений [НА РС(Я). Ф. 24. Оп. 1. Д. 7. Л. 9-9об.], однако названные документы в комплексе архивных дел пока не выявлены.

Обнаружено, что результаты выборов со списками членов КОБов, отрядов милиции и Продовольственных комитетов отправлялись в адрес вышестоящих учреждений и должностей, среди которых фигурируют: Исполнительный КОБ г. Якутска [Там же. Л. 2], Комиссар Якутского округа [Там же. Л. 6-7], некое земское учреждение, которое в документах именуется чаще всего «Якутская временная окружная земская управа» [Там же. Д. 6. Л. 1-1об.; Д. 7. Л. 4-5об.; Л. 9-9об.; Л. 11-11об.] (другие варианты наименования: «Якутская окружная земская управа» [Там же. Д. 6. Л. 7-7 об.], «Якутская народная управа» [Там же. Л. 5-5об.; Л. 6]).

Примечательно, что одно из донесений адресовано «комиссару Земской народной управы Николаю Ефимовичу Олейникову» [Там же. Д. 8. Л. 7], который, как выявлено из исследовательской литературы, был на тот момент в составе Областной продовольственной управы [Фёдоров, 2010, с. 72].

Как уже говорилось выше, ко времени организации в стране милиции в Якутии ещё не были созданы органы земского самоуправления. Процесс их формирования начался летом 1917 г.; как органы власти земские учреждения фактически начали действовать в регионе лишь в начале 1918 г. [Фёдоров, 2010, с. 146–165]. В исследовательской литературе не найдены сведения о деятельности в 1917 г. временных земских структур. Таким образом, обращение к должностному лицу как комиссару Земской управы (приведено выше) можно считать формальным, не отражающим фактического состояния дел. Возможно также, что действовал какой-то временный, не выявленный ещё исследователями, орган.

Функции народной милиции в краткой форме обозначены в одном из обнаруженных донесений: охрана общественной безопасности и имущества граждан [НА РС(Я). Ф. 24. Оп. 1. Д. 7. Л. 11об.].

Штатный состав милиции создавался следующим образом. Из архивных документов следует,

что начальники и милиционеры, как правило, избирались на общем собрании населения. Исключение составило большое пригородное (ближнее к городу) скопческое селение Марха, где в марте 1917 г. сначала избрали одного милиционера и предложили ему набрать себе помощников, а потом отстранили его от работы из-за несоответствия должности [Там же. Л. 1]. Затем с апреля 1917 г. «... функции милиции приняла на себя Мархинская социал-демократическая рабочая ... организация за вознаграждение от граждан села Мархи в размере ... 60 рублей в месяц...» [Там же. Д. 8. Л. 5], т.е. был нанят вооружённый отряд.

Пока не найден документ, в котором бы регламентировался количественный состав милиции. Как следует из документов, в разных селениях он был разным. Небольшие по количеству жителей селения выбирала начальника и его помощника. Другие – начальника и двух-четырёх милиционеров. Крупные поселения или объединения поселений создавали отряды по 10 человек во главе с начальником.

Количественный состав органов охраны правопорядка в селениях Якутского округа

Селение	Количество
Павловское	2 (начальник, помощник)
Кильдемское	2 (начальник, помощник)
Никольское	2 (начальник, помощник)
Хатын-Аринский КОБ	2 (начальник, помощник)
Владимирское	3 (начальник, два милиционера)
Жерский наслег Западно-Кангаласского улуса	3 (начальник, два милиционера)
Ново-Никольский КОБ	6
Амгинский волостной КОБ	10 (в т.ч. начальник)
Саняхтахское сельское общество (3 селения)	10 (в т.ч. начальник)

Таким образом, как представляется, необходимое количество милиционеров определяли сами жители на общих собраниях, руководствуясь существующими потребностями.

Заслуживает внимания вопрос о том, каких лиц избирали в милицию. Из документов следует, что если в селении были люди, имеющие военный опыт или опыт полицейской работы, избирали их. Так, в Хатын-Аринской милиции помощником начальника был выбран Габдулла На-

сырев, «из солдат» [Там же. Д. 6. Л. 6]. Начальником милиции в с. Павловском, как сказано в документе, был избран «... солдат действующей армии, эвакуированный с фронта в чистую отставку вследствие отравления ядовитыми газами», а его помощником – «... также солдат, из ссылки за восстание» [Там же. Д. 8. Л. 7].

Обращает на себя внимание, что большинство начальников милиции и их помощников были избраны также в другие сельские исполнительные органы. Так, в состав Продовольственной комиссии Саньяхтахского КОБа входил начальник милиции [Там же. Д. 6. Л. 4-4об.; Л. 3], в Хатын-Аринском – и начальник, и его помощник, причём начальник исполнял должность председателя названной комиссии [Там же. Л. 8]. В Никольском КОБе и начальники милиции, и его помощник состояли как в КОБе, так и в Продовольственной комиссии [Там же. Д. 8. Л. 6].

Комплектование рядового состава милиции также имело разные формы. Как уже было сказано выше, существовала выборная форма членов отряда. Наряду с этим выявлено, что Кильдемский КОБ «... после долгих прений [постановил] о введении подворной милиции как наиболее отвечающей сельским условиям» [Там же. Д. 7. Л. 2; Д. 6. Л. 7-7об.]. Это означало, что все жители по очереди относили должности рядовых милиционеров.

Обращает на себя внимание, что в некоторых селениях существенных изменений в составе органов охраны правопорядка не произошло. Так, в Женходинском наслеге Мегинского улуса не проводились выборы новой милиции. Жители наслега на общем собрании постановили «... переименовать прежних сельских десятников (городовых) другим термином: „милиция“ и оставить их в прежнем составе ... » (5 человек) [Там же. Д. 7. Л. 3об.]. Из Амгинского волостного КОБа также докладывали, что милиционеры избраны «... из должностных лиц прежнего состава самоуправления» [Там же. Л. 11].

Вопрос оплаты службы сельской милиции везде решался одинаково: сельские КОБы на первоначальном этапе соглашались платить зарплату начальнику, его помощнику и выбранным милиционерам. Например, в с. Павловском первоначально названные должностные лица содержались на средства жителей («из мирских сумм») [Там же. Д. 8. Л. 5-5об.]. В с. Марха деньги собирали в равных частях со всех жите-

лей [Там же. Л. 5-5об.]. Исполнявшие должность милиционеров по очереди, в виде натуральной повинности, оплаты за работу не получали.

Однако большинство КОБов при этом просили областные органы разделить наполовину расходы на содержание сельских органов охраны правопорядка (Хатын-Аринский [Там же. Д. 6. Л. 8], Кильдемский [Там же. Д. 8. Л. 1], Никольский [Там же. Л. 6]) или содержать полностью (КОБ с. Павловское) [Там же. Л. 7об.].

В архивных документах обнаружены отчёты сельских и улусных КОБов о результатах работы милиции. Так, Амгинский КОБ докладывал, что милиционеры выявили выгонку самогона, и суд наказал виновного [Там же. Д. 7. Л. 11]. Такого же рода доклад поступил из Ново-Николаевского (ныне с. Маган) КОБа [Там же. Д. 8. Л. 4об.]. Кильдемский КОБ докладывал, что до конца апреля милиция никакой деятельностью не занималась [Там же. Д. 6. Л. 7] потому, что в селе было спокойно.

Таким образом, изучение документов позволяет отнести процесс создания гражданской милиции к марту–июню 1917 г., когда на местах шло образование новых местных органов власти. Сельские, наслежные, улусные и волостные органы охраны безопасности создавались на общих собраниях населения путём всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. В сельской Якутии сразу после падения самодержавия создавались догосударственные формы органов правопорядка, когда население выбирало милиционеров, содержало и контролировало их деятельность.

Понятно, что догосударственные формы в условиях политического кризиса были малоэффективны. С образованием земских учреждений деятельность милиции стала контролироваться и финансово обеспечиваться земством [Там же. Л. 4-4 об., 7-7об., 8; Д. 7. Л. 1-4об., 6-7, 10-11об.; Д. 8. Л. 1-3об., 5-8].

Литература и источники

Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VII. Журналы заседаний Временного правительства: Март–октябрь 1917 года. В 4-х т. Т. 1. Март–апрель 1917 года. – М., 2001.

Всеподданнейший отчёт Якутского губернатора И.И. Крафта за 1911 год // История Якутии в отчётах якутских губернаторов. – Якутск, 2007. – С. 87.

Жжённых Л.А. В годы грозные: (Из истории Якутской губчека (1918–1921 гг.)). – Якутск, 1980. – 95 с.

Миланова Л.В. Гражданская милиция в России в 1917 году (историко-правовой аспект): Автореферат дис. ... канд. ист. наук; Теория и история права и государства: 12.00.01 / Моск. Ун-т МВД России. – М., 2004.

НА РС(Я). Ф. 12-и. Оп. 4. Д. 4309. Л. 54 об., 57.

Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

РГИА. Ф. 39861. Оп. 1. Д. 129. Л. 41.

Революция и Гражданская война в России: 1917–1923 гг.: Энциклопедия. В 4-х т. Т. 3. – М., 2008. – С. 27.

Тепляков А.Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. – М., 2007. – 288 с.

Фёдоров В.И. Якутия в эпоху войн и революций (1917–1919). Кн. 2. – Новосибирск, 2010.

Хамхоев Б.Т. Из истории становления милиции общественной безопасности в России [Электронный ресурс] // Право и защита. – М., – 2010. – № 8 (август):

Сайт. Архив номеров: 2010. № 8 (август): Теория и право. URL: <http://www.pravo-mag.ru/journal/article336/> (дата обращения 20.01.2013).

Чрезвычайное областное земское собрание // Голос труда. – 1918. – 9 октября (№ 15). – С. 3–4.

Якутская городская народная управа // Якутское земство. – Якутск, 1918. – 18 августа (№ 12). – С. 4.

Ярковой А.И. «Боевая милицейская единица»... [Электронный ресурс]: Из истории якутской милиции // Илин: Исторический и культурологический журнал. – Якутск, 1998. – № 1(13). URL: <http://ilin-yakutsk.narod.ru/1998-1/30.htm> (дата обращения: 12.12.2012).

Ярковой А.И. История образования МВД Якутии [Электронный ресурс] // Сайт МВД России: Новости МВД РФ: ДФО: Республика Саха (Якутия): 10 июля 2012 г. URL: <http://mvdru.ru/news/2878-istoriya-obrazovaniya-mvd-yakutii.html> (дата обращения: 09.01.2013).

T.V. Zakharova

The creation of the militia in Yakutsk region in 1917

The article shows how there was a formation of legal order in the villages of Central Yakutia after the fall of the autocracy. The problems of the quantitative and qualitative composition of the civil militia were considered, as well as the wage system. Found that in the first half of 1917 legal order agencies in the villages of Yakutia elected at public meetings and had the character of a people's militia and social self-protection.

Keywords: Yakut region, legal order, law enforcement agencies after the fall of the autocracy, the civil militia, the people's militia.

УДК 930.253(477.75)

Р.Д. Куртсеитов

Рассекреченные наградные листы как исторические источники: на материалах ЦАМО РФ по Крымской АССР

Анализируются наградные листы военнослужащих, призванных из Крымской АССР в годы Великой Отечественной войны, отмечается героизм, проявленный солдатами и офицерами различных национальностей. Рассматривается национальная политика в отношении отдельных этнических сообществ. На основе архивных материалов (ЦАМО РФ) рассматриваются ранее неизвестные многочисленные факты представления крымских татар к званию Героя Советского Союза, причины замены в большинстве случаев высшей награды СССР другими наградами.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Крымская АССР, наградные листы, статистика награждений, подвиг солдат и офицеров, национальная политика.

Военные, экономические, демографические последствия Второй мировой войны за *послевоенные десятилетия* были в целом преодолены. В тоже время социальные последствия, связанные с исторической памятью одной из самых кровопролитных войн человечества, до сих пор вносят определенное напряжение, а порой вызывают

жесткое противостояние между различными группами населения в постсоветских государствах, в том числе в Украине. Неоднозначные исторические трактовки и *оценки* причин войны, хода войны, ее потерь и последствий современными политическими *партиями*, общественными организациями и движениями широко ис-

© Р.Д. Куртсеитов, 2014

пользуются в идеологической работе, а также в ходе многочисленных избирательных компаний. Достаточно часто это пытаются использовать в качестве своеобразной формы психологического воздействия, с грубыми фальсификациями исторических событий, с героизацией одних и системным очернительством других. Все эти действия формируют негативные стереотипы и установки, вносят напряжение и разрушают структуру общепринятых норм человеческой коммуникации, прежде всего, когда это касается этнических сообществ и межэтнических отношений. В крайне враждебных формах они проявляются в отношениях между представителями радикальных политических сил восточных и западных областей Украины, наглядно это демонстрируется при проведении различных праздничных и памятных мероприятий.

В несколько иной форме это используется в Автономной Республике Крым. Здесь нет политических партий, общественных организаций и движений, которые в годы войны противостояли советской власти и сталинскому режиму, и, естественно, нет различий в оценке нацистской идеологии, военных преступлений германских вооруженных сил и т.д. Вместе с тем, есть различия в оценке преступлений советского тоталитарного режима в ходе войны – тотального выселения и массовых репрессий по национальному признаку: крымских татар и других этнических групп (немцы, армяне, болгары, греки). Выселения, проведенные в крайне жестоких формах, повлекли за собой массовую гибель в местах спецпоселений детей, женщин и лиц пожилого возраста, составлявших абсолютное большинство в структуре спецпереселенцев [Про выселения з Крыму..., 2004, с. 286–288].

Тотальные выселения сопровождалось ограблением репрессированных народов и этнических групп, незаконным захватом всего их движимого и недвижимого имущества, ликвидацией национальных автономий, институтов образования, культуры, уничтожением кладбищ, полным сожжением книг, газет, журналов, переименованием населенных пунктов (в Крыму было переименовано более 1200 сел и городов). Создавалась жесткая система ограничений прав по этническому признаку. Государство, совершив преступление по отношению к одним группам населения, одновременно связало круговой порукой и другие группы населения, раз-

дав им незаконно отнятое у первых, а также, используя всю мощь советской идеологической машины, на протяжении полувека системно внушало им мысль о правильности такого шага. В итоге количество прямых и косвенных жертв преступления увеличилось во много раз. С восстановлением института частной собственности, приватизацией земли ситуация только усложнилась. Если в европейских странах проблемы такого характера (реабилитация, реституция) последовательно решаются на основе соответствующих законов, то в Украине еще не принято ни одного законодательного акта, направленного на урегулирование этой проблемы. Принятые Верховным Советом СССР 14 ноября 1989 г. декларация «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению и обеспечению их прав», а затем и другие нормативно-правовые акты СССР не были реализованы ввиду распада СССР.

Нерешенность данной проблемы является источником напряжения и порождает противостояние в обществе. Репрессированные и их потомки требуют восстановления своих прав, другая часть общества оправдывает преступление тоталитарного режима, не гнушаясь распространением различных мифов через печатные и электронные средства информации, интернетсайты о массовом коллаборационизме прежде всего крымских татар в годы войны. В этот процесс вовлекаются отдельные исследователи, которые используют ресурсы различных заинтересованных фондов, целенаправленно пытаются формировать негативный «образ врага» и при этом привлекая «союзников» со стороны. Иногда это приводит к открытым дипломатическим скандалам.

За последние годы была собрана обширная информация о военнослужащих, погибших на фронтах и в концлагерях, изданы «Книги памяти», «Книги скорби» всех областей Украины, восстановлены фамилии сотен тысяч человек, значившихся как пропавшие без вести, работа эта продолжается. В тоже время не восстановлено доброе имя тысяч и тысяч оклеветанных и оскорбленных героев войны. Независимо от того, были ли они героями награжденными или были просто рядовыми солдатами, их «вина» заключалась в том, что они являлись представителями репрессированных народов.

Сегодня появились новые возможности в освещении ранее не исследованных проблем *Второй мировой войны*. Круг и количество первичных источников резко увеличились в связи с созданием по Указу президента Российской Федерации общества «Мемориал». На основе всех имеющихся документов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации [Обобщенный банк данных «Мемориал» ЦАМО РФ: [Электронный ресурс]:– Режим доступа: <http://www.obd-memorial.ru>. www.podvignaroda.ru] и других военных архивов стала доступна информация о местах захоронения советских военнослужащих, картотеках немецких концлагерей на военнопленных красноармейцев и командиров Красной армии (солдат и офицеров Советской армии с 1943 г.), о погибших и пропавших без вести (к настоящему времени все еще значатся более 5 миллионов человек). Уникальный электронный банк содержит информацию о 13,5 миллионах награждений орденами и медалями СССР.

Рассекреченные, сканированные электронные копии оригиналов наградных листов хранят ценнейшую информацию о подвигах солдат, сержантов, офицеров – представителей всех народов СССР. Наградной лист представляет собой своеобразную социологическую анкету с четко установленной структурой, где каждая графа-вопрос заполняется в обязательном порядке. Форма наградного листа-анкеты не менялась на протяжении всей войны, состоит она из «паспортички» – личных данных и 6 пунктов. «Паспортичка» состоит из 16 вопросов, которые касаются личных данных представленного к награждению: Ф.И.О., звание, должность и представляемая награда, год рождения, национальность, партийность, участие в Гражданской войне и других войнах, наличие ранений, с какого времени служит в Красной армии, с какого времени воюет и на каких фронтах, был ли в плену, каким райвоенкоматом призван, чем ранее награжден, постоянный домашний адрес. Затем следуют 6 пунктов наградного листа. Первый пункт (открытый вопрос) – краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг. Занимает, как правило, по объему вторую половину листа, в наградных листах, представляемых к высоким или высшим наградам (Герой Советского Союза), доходит по объему до 3–4 страниц, а в исключительных случаях – до 5–6 страниц.

Представление подавал командир части (командир полка, отдельного батальона, батареи, начальник госпиталя, районный военный комиссар и т.д.) Второй пункт – заключения вышестоящих начальников подписывал командир дивизии, командир бригады, командир корпуса и военный комиссар соответствующего уровня. Третий пункт – заключение Военного Совета армии, его подписывал командующий армией и член Военного Совета армии. Четвертый пункт – заключение Военного Совета фронта (округа) подписывали командующий фронтом и член Военного Совета фронта, Пятый пункт – заключение наградной комиссии Народного комиссариата обороны (НКО). Шестой пункт – отметка о награждении той или иной наградой, дата награждения. По ходу войны система награждения усовершенствовалась. Если в начале войны всеми орденами и медалями военнослужащие награждались только по указам Президиума Верховного Совета СССР, то по мере увеличения количества награждений командирам частей и соединений было предоставлено право от имени Президиума Верховного Совета СССР приказами по полкам, дивизиям, армиям награждать медалями и орденами. После этого наградные документы передавались в наградной отдел НКО, и только после этого выходил соответствующий указ Президиума Верховного Совета СССР. К примеру, командир полка своим приказом мог наградить медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги», командир дивизии – орденом Красной Звезды, а командующий армией – орденом Красного Знамени.

Военному подвигу уроженцев *Крыма* посвящено множество исторических работ, написано огромное количество литературно-художественных произведений, но они не дают полной объективной картины, причин здесь много и одна из главных – этнический фактор, связанный с выселениями по национальному признаку. Исследования историко-социологического характера, посвященные данной проблеме, ранее не проводились.

Основная цель нашего исследования – составить объективную картину военного подвига рядового, сержантского и офицерского состава Красной армии (Советской армии) и флота – представителей различных этнических сообществ, и в том числе репрессированных, проживавших на территории Крымской АССР, исходя

из количественных и качественных показателей зафиксированных в наградных листах.

Основной задачей нашего исследования стал анализ всех наградных листов военнослужащих различных национальностей, всех званий и родов войск, призванных военкоматами Крымской АССР, включая г. Севастополь, который входил в то время в состав автономии за весь период войны с Германией, включая и войну с Японией.

Изложение основного материала исследования. Выше нами было сказано, что электронный банк «Мемориал» и его сайт «Подвиг народа» содержат информацию о приблизительно 13,5 миллионах награждений орденами и медалями СССР. В число награждений не входят медали за оборону городов: Одессы, Севастополя, Сталинграда, Москвы, Ленинграда, а также Северного Кавказа и других территорий СССР. Не входят медали за освобождение городов – столиц европейских государств, за взятие городов Германии – Кенигсберга и Берлина, а также медаль «За победу над Германией». Вышеперечисленными медалями награждали всех без исключения военнослужащих, которые воевали в составе частей, принимавших участие в боях за эти города. Эти медали лишь фиксировались в наградных листах в пункте «чем ранее награжден».

Сайт «Подвиг народа» рассчитан на индивидуальный поиск заинтересованными лицами своих родных и близких. Нашей же задачей был поиск больших массивов информации. Поиск по фамилиям, именам и отчествам, годам рождения не позволял достичь поставленной цели. Поиск по месту призыва – Крымская АССР давал информацию только о 5 тысячах награждений. Путем проб и ошибок мы пришли к оптимальному варианту – поиску по месту призыва – Крымская АССР в сочетании с воинским званием. Был составлен весь перечень званий РККА (Рабоче-крестьянской Красной армии) и РККФ (Рабоче-крестьянского Красного флота), а после переименования летом 1943 г. в Советскую армию весь перечень новых званий в различных сочетаниях обычных и гвардейских, различных родов войск и специальностей от рядового до генерал-лейтенанта. В общей сложности по 112 званиям рядового, сержантского и офицерского состава.

В итоге за полтора года нами был выполнен значительный объем работы, было обработано 35 299 награждений (наградных листов), или все

награждения призванных из Крымской АССР. Из них 8099 офицерского состава, 12 855 сержантского состава и 14 300 рядового состава.

Содержание наградных листов дало возможность разделить военнослужащих на четыре категории по времени призыва в армию. Первая – призванные в армию на срочную службу до начала войны, в предвоенные годы, вторая – кадровые военнослужащие, третья – мобилизованные с началом войны в июне 1941 г. и за время до полной оккупации немецкими войсками Крымской АССР в июле 1942 г. (более 90 тысяч человек). Четвертую категорию – призванных в армию по мере освобождения полуострова от оккупантов и до полного освобождения 9 мая 1944 г. (более 40 тысяч человек). В соответствии с целями нашего исследования нас интересовал вопрос военных заслуг представителей этнических сообществ, проживавших в Крымской АССР. Анализ содержания 35 299 наградных листов выявил наличие минимального количества или единичных награждений представителей болгар и греков (15 награждений кадровых военнослужащих и срочной службы) и полное отсутствие награждений немцев, проживавших в Крыму.

Все это позволило выдвинуть гипотезу о существовании ограничений по этническому признаку при мобилизации на фронт жителей полуострова. Как оказалось, с началом войны не подлежали мобилизации в Красную армию представители ряда этнических меньшинств – диаспор, чьи материнские государства находились в союзнических отношениях с Германией или по другим причинам. Крымский историк В. Брошеван в этой связи пишет: «Применительно к Крыму следует отметить, что в соответствии со специальным указом, в РККА не призывались военнообязанные: болгары, греки, иранцы, итальянцы, китайцы, корейцы, латыши, немцы, поляки, румыны, турки, финны, чехи, японцы. Из них массово проживали в довоенном Крыму: болгары – 7320 чел., греки – 9805 чел., немцы – 23284 чел, поляки – 2292 чел., чехи – 801 человек, что составляло 45 тысяч, или 8,22% всех мужчин» [Брошеван, 2005, с. 18].

В тоже время армяне, также выселенные из Крыма летом 1944 г. по национальному признаку, призывались в армию в 1941 г., воевали и, соответственно, за проявленные подвиги награждались.

Таким образом, с самого начала войны советское государство поделило жителей Крыма на «надежных» и «ненадежных» в зависимости от их национальной принадлежности. Немецкое население (более 60 тысяч человек) летом 1941 г., до оккупации полуострова германскими войсками, было выселено в Казахстан и Сибирь. С началом оккупации Крыма германская администрация, проводя свою «национальную политику» по тому же принципу «разделяй и властвуй», поделило население на три «сорта». Местных немцев, болгар, греков, итальянцев уравнила в правах с «истинными арийцами» – населением Германии. Крымских татар, русских, украинцев, армян объявила лицами «второго сорта», при этом всячески противопоставляя их друг другу. А «третий сорт» согласно нацистской идеологии подлежал тотальному уничтожению – евреи, крымчаки, цыгане. После победы Германии в войне планировалось полное очищение Крыма от местного коренного населения. Планировалось создание Готенланда и заселение его немцами из Южного Тироля, который после *Первой мировой* войны был присоединен к Италии, где немецкое население (70% общего количества населения Южного Тироля) испытывало серьезные ограничения и репрессии в связи с проведением здесь политики «итальянизации».

В довоенном Крыму этнические сообщества значительно различались по численности, следовательно, обладали также неодинаковым мобилизационным ресурсом. По данным переписи населения 1939 г., этнический состав населения Крымской АССР выглядел следующим образом: русские составляли 558 481 человек (49,6%), крымские татары 218 879 (19,4%), украинцы 154 129 (13,7%), евреи 65 452 (5,8%), немцы 51 299 (4,6%), греки 20 646 (1,7%), болгары 15 344 (1,4%), армяне 12 923 человек (1,1%), другие этнические сообщества вместе составляли 29 276 человек (2,6%).

Общая численность населения автономии составляла 1 126 429 человек, из этого числа следует вычесть те этнические сообщества, которые не подлежали мобилизации (немцы, болгары, греки), общая численность которых составляла 87 289 (7,7%). Получаем цифру 1 039 140 человек. Исходя из численности мобилизованных на фронт летом 1941 г. и находящихся на срочной службе к началу войны 90 тысяч и мобилизованных после освобождения Крымской АССР в

апреле–мае 1944 г. еще 40 тысяч человек (без крымских татар и армян), общая численность мобилизованных в действующую армию составила 130 тысяч человек. По официальным данным, из мобилизованных летом 1941 г. 90 тысяч 20 тысяч составляли крымские татары. Из 130 тысяч мобилизованных на фронт крымские татары составляли 15,38 %. После освобождения Крыма еще 8 тысяч крымских татар (годных и негодных к строевой службе) мобилизовали в трудовую армию, за несколько дней до начала депортации (май 1944 г.). Из них 5 тысяч направили для работы в шахтах Тулы и Подмоскovie и 3 тысячи на строительство Гурьевского нефтеперерабатывающего завода в Казахской ССР [Кыдыралина, 2012, с. 75–77].

Соотношение численности мобилизованных пропорционально численности *награжденных* по всем этническим группам. Независимо от национальной принадлежности рядовые и командиры проявляли воинский героизм и награждались правительственными наградами. Наградная система имела свои особенности, связанные с периодами войны. В начале войны (1941–1942 гг.), в период тяжелых поражений, больших потерь убитыми, ранеными и попавшими в плен, награждали в 3–4 раза меньше, чем на заключительном этапе войны, при проведении масштабных наступательных операций, следовательно – побед. Расхожее мнение, что на заключительном этапе войны награды на фронт возили вагонами, не соответствует действительности. Личный состав подразделений и частей, особенно контактных частей (пехотинцы, танкисты и другие, которые первыми шли в бой), не успевали награждать из-за больших потерь.

Награда – это моральный стимул для бойцов, как показал наш анализ, прежде всего живых. Посмертные награждения составляют не больше 10%. Данные наградных листов свидетельствуют, что к концу войны уцелевшие солдаты, призванные в июне 1941 г., имели 1–2 боевые награды, не считая медалей за оборону и взятие городов. По приказу НКО (Народного комиссариата обороны) командирам частей предписывалось награждать *военнослужащих*, принимавших активное участие в боевых действиях и имевших при этом три ранения. Таких случаев по Крымской АССР достаточно много. Один из них: командир отделения сержант Хан-Оглы Мамед Асанович, призванный на фронт в июне

1941 г. из Бахчисарайского района, в 1945 г. был награжден первой наградой – орденом Отечественной войны 2-й степени «за активное участие в боевых действиях» на пяти фронтах, «как имеющий 8 ранений, из них 4 тяжелых и 2 тяжелые контузии». Из 130 000 военнослужащих, призванных из Крымской АССР, были награждены 35 299. В среднем, на 3,7 человека было произведено одно награждение, без учета награждений медалями за оборону и взятие городов, которыми военнослужащие награждались полностью по списочному составу, частей принимавших участие в боях.

Особенностью мобилизации на фронт из Крымской АССР летом 1941 г., как и с других территорий, над которыми нависла угроза оккупации, была ее тотальность, т.е. мобилизация всех призывных возрастов. Крымские историки провели детальный анализ структуры мобилизованных по возрастному и национальному признаку [Поляков, 2011, с. 390–417]. В ходе нашего исследования были проанализированы содержания 3 500 наградных листов на военнослужащих крымских татар. В пунктах «когда был призван в армию», «с какого времени находится на фронте» более, чем в 95% случаев указано июнь–июль 1941 г. Воинские части, сформированные в начале войны и принимавшие участие в боях, из-за больших потерь по несколько раз переформировывались и пополнялись. Из этого следует вывод, что возможность выжить из-за более длительного нахождения на фронте во много раз снижалась. Продолжительность жизни военнослужащих на фронте зависела от многих факторов, в том числе и от рода войск и должности. А это в определенной мере зависело от уровня образования: чем оно выше, тем выше квалификация и выполняемая работа, тем «ценнее был человек». В Крыму уже в 1934 г. был осуществлен переход к полному семилетнему образованию, была сформирована сеть школ с десятилетним образованием, техникумов и ВУЗов. Все это позволило направить часть мобилизованных в технические рода войск: авиацию, артиллерию, танковые войска, медицинские части, флот; сформировать значительный по своей численности офицерский корпус. Анализ наградных листов выявил наличие более 2 300 офицеров из числа крымских татар от младшего лейтенанта до генерал-майора И. Булатова и генерал-лейтенанта А. Гафарова. Более 200 чело-

век полковников и подполковников, среди них командиры стрелковых полков (в разное время) 38-го, 1337-го, 1242-го, 1144-го, 130-го гвардейского, 444-го и других, 4 начальника штаба дивизии, 4 начальника политотдела дивизии, член Военного Совета 5-й Ударной армии и т.д.

Военная судьба многих солдат и офицеров складывалась в зависимости от того, какую они имели гражданскую специальность или подготовку. Если среди летчиков истребительной, штурмовой и бомбардировочной авиации большую часть составляют русские и крымские татары, то среди награжденных военных врачей (606 награжденных) почти половину составляют представители еврейского народа, 35% – русские и украинцы, 11% – крымские татары, остальные караимы, армяне и представители других национальностей. В послевоенные годы многие из военных врачей станут известными учеными, среди них член-корреспондент АМН СССР, главный детский хирург г. Ленинграда, Лауреат государственной премии СССР Гирей Алиевич Баиров, ведущий рабиолог СССР директор НИИ, д.м.н. профессор Мидат Селимов (Москва) и многие другие.

Несмотря на большой объем работы и временные затраты, сплошной анализ наградных листов позволил восстановить картину награжденных высшей наградой – званием Героя Советского Союза по Крымской АССР и выявить некоторые закономерности награждения. Общепринято было считать, что из уроженцев Крыма были награждены высшей наградой 61 человек [Звезды немеркнувшей славы, 1984].

Благодаря нашим исследованиям, теперь можно внести определенные коррективы: не все указанные «уроженцами» Крыма являются таковыми (у некоторых сознательно не указаны места рождения), есть награжденные до начала войны, среди них есть полярник (И. Папанин) и, наоборот, не учтены родившиеся здесь. Согласно правилам, установленным в СССР, принадлежность героя определялась только по одному критерию – месту рождения, и бюсты дважды героям устанавливались только на родине.

Среди Героев Советского Союза были 6 крымских татар, один из них награжден дважды (Амет-Хан Султан). Анализ наградных листов показал, что с 1941 по 1945 гг. 20 военнослужащих из числа крымских татар были представлены к званию Героя Советского Союза и более

того – 4 человека из них представлялись дважды. Среди небольших по численности народов это уникальный случай. Среди жителей Крыма других национальностей (русских, украинцев и др.) случаев представления дважды к званию Героя Советского Союза не имеется.

Общий список крымских татар, представленных к званию Героя Советского Союза:

1. Амет-хан Султан, командир эскадрильи, майор к концу войны, подполковник ко времени гибели (1971 г.);

2. Абдуль Тейфук, командир батальона, майор;

3. Абдураманов Узеир, командир отделения, гв. ст. сержант;

4. Абилов Анатолий (Фетислям) Абилович, командир полка, подполковник к концу войны, полковник (1990 г.);

5. Азизов Фазыл Асанович, командир танкового взвода, гв. лейтенант;

6. Дерменджи Джевдет, командир батальона, капитан;

7. Джафер Осман Топчи, командир батальона, майор (второй раз – посмертно);

8. Джелилов Нури, командир танковой роты, гв. капитан;

9. Закирья Усеин Захарович, заместитель командира стрелкового батальона по политической части, ст. лейтенант (посмертно);

10. Керимов Абляз Хаирович, командир эскадрона, гв. ст. лейтенант;

11. Люманов Эмир Люманович, командир батальона, ст. лейтенант (посмертно);

12. Месутов Веис Асанович, командир батареи, ст. лейтенант (посмертно);

13. Османов Рефат, командир отделения, гв. старшина;

14. Решидов Абдраим, командир эскадрильи, подполковник к концу войны;

15. Сейтвелиев Сеитнафе, командир отделения, ст. сержант;

16. Умеров Тимофей, командир взвода, лейтенант;

17. Хаиров Сулейман Абдулович, командир взвода, ст. лейтенант;

18. Хайбулаев Идрис, командир полка, полковник к концу войны;

19. Халиев Асан Салиджанович (Салижанович), снайпер, старшина 2-й статьи;

20. Чайлак Исмаил Умерович, разведчик, сержант [Обобщенный банк данных «Мемориал» ЦАМО РФ].

Участник парада Победы Р. Османов был командирован в Москву для получения награды. После его возмущения по поводу высылки его семьи из Крыма был в грубой форме выдворен из столицы, награждение отменили. В семье Османова хранится удостоверение на командировку с указанием цели – получения звания Героя Советского Союза, с предоставлением в таких случаях отпуска продолжительностью 45 суток. Удостоверение заверено соответствующими подписями и печатями. Многократные обращения членов семьи к руководству СССР не дали положительного результата.

Были представлены дважды к званию Героя Советского Союза:

1. Амет-хан Султан (1943 г., 1945 г.), награжден оба раза, дважды Герой Советского Союза;

2. Абилов Анатолий (Фетислям) Абилович (1944 г., 1945 г.), единственный из не награжденных, кто добился звания Героя Советского Союза в 1990 г.;

3. Решидов Абдраим (ноябрь 1941 г., июнь 1945 г.), награжден один раз в июне 1945 г. Герой Советского Союза;

4. Джафер Осман Топчи (Топчи Джафер Осман) (24 мая 1944 г., 10 октября 1944 г. (представлен посмертно)), оба раза не награжден [Там же].

Удостоились звания Героя Советского Союза: Амет-хан Султан (дважды), Абдуль Тейфук, Абдураманов Узеир, Абилов Анатолий (Фетислям) Абилович (1990 г.), Решидов Абдраим, Сейтвелиев Сеитнафе [Там же].

Из 24 представлений военнослужащих крымских татар во время войны были награждены 6, или только 25%, т.е. только по каждому четвертому представлению. Тогда как в целом по другим этническим сообществам, проживавшим в Крымской АССР, 75% представлений закончились награждением званием героя.

Из представленных к званию героя крымских татар, но не удостоенных его: Люманов Эмир за бои под Ельней, Дерменджи Джевдет за форсирование р. Днепр, были награждены орденом Ленина. Четыре офицера из числа крымских татар были представлены к званию Героя Советского Союза за форсирование Днепра: командиры батальонов Абдуль Тейфук и Джевдет Дерменджи, командир батареи Веис Месутов и командир стрелковой роты Хаиров Сулейман, но награжден был только Абдуль Тейфук.

Всем представленным, но не награжденным званием Героя Советского Союза высшую награду заменили на орден Красного Знамени, за исключением Джафера Османа Топчи, если по первому представлению его наградили орденом Красного Знамени, то по второму (посмертно) только орденом Отечественной войны I ст.

Первым, представленным к званию героя из призванных в армию из Крымской АССР, стал летчик штурмовой авиации Абдраим Решидов (ноябрь 1941 г.). Первым награжденным из всех военнослужащих, призванных из Крыма, стал командир орудия 141-го гаубичного артиллерийского полка, младший сержант Саид Халиль Усейнов. Он один, управляя орудием, подбил три вражеских танка, а после этого, подпрыгнув на лафет, стал танцевать народный танец, за отражение танковой атаки на третий день войны 24 июня 1941 года был представлен к ордену Красного Знамени, которым был награжден в начале июля 1941 г. [Там же].

Основная причина высокого процента не награжденных, но представленных к званию Героя Советского Союза крымских татар – изменение статуса народа. После тотального выселения в мае 1944 г. он был, как и еще одиннадцать репрессированных народов СССР, переведен в разряд «народов-предателей», основная часть отказов приходится на 1944–1945 гг. Часть солдат и офицеров из числа репрессированных народов демобилизовали из армии до окончания войны и отправили в трудовую армию и в места спецпоселений на самые тяжелые работы, их положение мало чем отличалось от положения немецких военнопленных. Заместитель начальника отдела спецпоселений НКВД СССР полковник госбезопасности Мальцев 10 октября 1944 г. докладывал заместителю народного комиссара внутренних дел Союза ССР Чернышеву: «Демобилизованные из армии спецпереселенцы прибыли к месту расселения в летнем армейском, вполне исправном обмундировании. Работая в лесу без спецодежды, свою одежду и обувь изорвали... На некоторых стахановцах одежда настолько истлела, что не поддается никакому ремонту. [...] Необходимо отметить также отсутствие у спецпереселенцев постельных принадлежностей: одеял, подушек, простыней. Отсутствие одеял приводит к тому, что спецпереселенцы используют для этой цели свои уже достаточно поношенные шинели, что приводит

к антисанитарии и способствует вшивости. [...] ...в июле был период, когда кормили исключительно похлебкой из крапивы с небольшой примесью овсяной муки. Стоимость такой похлебки составляла 6 копеек. [...] Одеждой и обувью спецпереселенцы не обеспечены, производят впечатление оборванцев, а между тем многие из них на груди носят ордена и медали» (ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 157. Л. 51–55)» [Бекирова, 2005, с. 132–134].

Высшей наградой для рядового и сержантского состава (в авиации младших лейтенантов) является награждение орденом Славы трех степеней. Из уроженцев Крыма только пять человек являются полными кавалерами этого ордена: ст. сержант, разведчик Абдура(х)манов Сеит Неби (Бахчисарайский район), ст. сержант, разведчик Велиляев Насибулла (Леонид) (Джанкойский район) – крымские татары [Обобщенный банк данных «Мемориал» ЦАМО РФ]. Всего полными кавалерами ордена Славы за время войны в СССР стали 2 500 человек, а Героями Советского Союза – более 11 тысяч человек. Орденом «Славы» первой степени награждали в пять раз реже, чем званием Героя Советского Союза. При награждении первой степенью учитывались военные заслуги за весь период войны, а также ранения. Кавалерами ордена Славы 2-й и 3-й ст. из Крыма стали 92 человека: среди них 73 русских, 12 крымских татар, 4 украинца, 2 армянина, 1 еврей. Среди награжденных орденом Славы 2-й и 3-й ст. почти половину составляют призванные в армию в апреле 1944 г., уже после освобождения Крымского полуострова. Они воевали на фронтах всего один год.

В наградных листах всех награжденных в строке «был ли в плену», записано «в плену не был». Наградные отделы побывавших в плену военнослужащих, скорее всего, в большинстве случаев отсеивали. В тоже время есть случай, когда на представленного к званию Героя Советского Союза был издан соответствующий указ, но награду он не успел получить, попал в плен. Разведчица Мария Байда была награждена званием Героя Советского Союза 20 июня 1942 г. за оборону Севастополя, а на следующий месяц вместе с 80 тысячами героических защитников города, брошенных на произвол судьбы (все командование обороны города спешно переправилось, *сбежав* на Северный Кавказ), попала в плен. Только после освобождения из плена совет-

скими войсками в конце войны М.Байда получила свою награду.

Репрессии, сопровождавшиеся выселениями народов и этнических групп, привели к массовой гибели детей, стариков и женщин. В то время, когда мужская часть населения воевала на фронтах, их семьи были тотально выселены из родных домов, рассеяны по многим республикам и областям. Только за первые два года нахождения в местах спецпоселений от голода и болезней умерло 46,2% выселенных крымских татар.

При выселении народов советский тоталитарный режим пытался это обосновать «предательством» народов. Выдвигались чудовищные по своей сути обвинения, с грубейшими фактами фальсификации. Так, в докладной записке наркома внутренних дел СССР Л. Берии на имя И. Сталина от 10 мая 1944 г., на основе которой было подготовлено Постановление ГКО от 11 мая 1944 г. «О крымских татарах» и в соответствии с которым был тотально выселен крымско-татарский народ, говорится «Из частей Красной армии в 1944 г. дезертировали свыше 20 тыс. татар, которые изменили Родине, перешли на службу к немцам и с оружием в руках боролись против Красной армии...». Ведомство Берии более чем 20 тысяч крымских татар, призванных в Красную армию летом 1941 г. и уже к тому времени (1944 г.) три года воевавших на фронтах, всех живых и погибших, превратило в «изменников Родины». После победы над Германией началась демобилизация военнослужащих из Советской армии, в том числе и крымских татар. Так, согласно сведениям о численности возвратившихся с фронта спецпереселенцев *1945–1946 гг.*, в местах спецпоселений на спецучете находилось 524 офицера, 1392 сержанта и 7079 рядовых крымских татар, всего 8 995 человек (ГАРФ. Ф.Р.-9479 Оп. 1. Д. 436 – 33. Л. 98-99) [Про выселения з Криму громадян татарської..., с. 193]. В это число не входят те, кто продолжал к этому времени служить в армии, и те, кто находился в госпиталях, домах инвалидов, кто по инвалидности был демобилизован из армии до выселения крымских татар из Крыма и успел трудоустроиться и обосноваться в различных городах и поселках многих республик СССР. Более 3 000 демобилизованных крымских татар не поехало жить в места спецпоселений, т.е. не

пожелало становиться на спецучет, тем самым автоматически лишаться почти всех прав. Это в основном холостые или военнослужащие, семьи которых вымерли ко времени их демобилизации. А также те, кто создал семьи с представителями других национальностей, в это число входит абсолютное большинство офицеров, которые продолжали службу в армии. Женщины-военнослужащие, которые во время войны и сразу по окончании войны вышли замуж за представителей других национальностей. Далеко не все могли вынести жесточайшие морально-психологические потрясения, многие бывшие военнослужащие, проживая вдали от своих соотечественников, подверглись языковой и культурной ассимиляции, их дети не стали представителями крымско-татарского народа. Из более чем 20 000 крымских татар, призванных в армию летом 1941 г., воевавших все четыре года войны, к концу войны в живых осталось более 12 000 человек. 8 000 человек погибло на фронтах войны, пропало без вести (к настоящему времени еще более 5 000 000 солдат и офицеров Советской армии числятся пропавшими без вести), попало в плен и умерло в немецких лагерях.

После окончания войны военнослужащим, представителям репрессированных народов, было запрещено возвращаться туда, откуда они были мобилизованы на фронт – в свои села и города. Запрет на возвращение на родину в различной форме действовал вплоть до распада СССР. К настоящему времени на историческую родину, в Крым, самостоятельно вернулось 300 000 крымских татар, еще около 100 000 проживает в местах высылки. Среди них есть оставшиеся в живых последние участники боевых действий, которые почти через 69 лет после окончания войны все еще не могут вернуться с войны домой.

Выводы данного исследования

1. Проблема, связанная с участием в войне и награждением военнослужащих представителей различных национальностей, призванных из Крымской АССР, не может быть полностью раскрыта в рамках одной статьи. Тем не менее, это первый случай, когда был обработан весь массив наградных листов (35 299) военнослужащих, призванных из Крымской АССР.

2. Количественный и качественный анализ наградных листов показал, что военнослужа-

щие, представляющие этнические сообщества, *которые* подлежали мобилизации из Крымской АССР, с первых дней войны показали высочайшие образцы мужества и героизма на фронтах войны. За ратный подвиг *они* были награждены всеми имеющимися в СССР наградами, за исключением ордена «Победы», внесли свой достойный вклад в победу над нацизмом. Летчик-истребитель Амет-Хан Султан стал дважды Героем Советского Союза. В то же время, начиная с первых дней войны, представители отдельных этнических сообществ не подлежали мобилизации (болгары, греки, немцы, финны, корейцы и др.), за год до окончания войны в разряд неблагонадежных отнесли крымских татар и армян, представители которых принимали активное участие в боевых действиях. Немцы, крымские татары, армяне, болгары, греки были тотально выселены из Крыма в Среднюю Азию, Казахстан, на Урал, в Сибирь.

3. Массовые репрессии и выселения народов и этнических групп по национальному признаку в ходе войны и после нее, ликвидация всех национальных автономий, оказавшихся на оккупированной территории, были попытками найти «виновных» и оправдать тяжелые поражения начального периода войны.

4. В настоящее время благодаря рассекреченному огромному массиву архивного материала, его доступности, мы постарались вернуть из небытия и воздать должное нашим воинам, которые на протяжении всей нашей истории показывали образцы мужества, героизма и стойкости. Каждый наградной лист – это судьба конкретного человека, кровью написанная наша история.

Литература и источники

Бекирова Г.Т. Крым и крымские татары в XIX–XX веках: Сборник статей. – М., 2005. – С. 132–134.

Брошеван В.М. Военная мобилизация в Крыму. – Симферополь, 2005. – 126 с.

Звезды немеркнувшей славы: Очерки о крымчанах – Героях Советского Союза. – Симферополь, 1984. – 334 с.

Кыдыралина Ж.У. Из истории депортации крымско-татарского народа в Казахстан // Культура народов Причерноморья, – 2012. – № 228 – С. 75–77.

Обобщенный банк данных «Мемориал» ЦАМО РФ: [Электронный ресурс]: – Режим доступа: URL <http://www.obd-memorial.ru>. www.podvignaroda.ru

Поляков В.Е. Страшная правда о Великой Отечественной. Партизаны без грифа «Секретно». – М., 2011. – С. 390–417.

Про виселення з Криму громадян татарської та інших національностей // Депортовані кримські татари, болгары, вірмени, греки, німці. Документи. Факти. Свідчення (1917–1991). – Київ, 2004. – С. 286–288.

R.D. Kurtseitov

Declassified award papers designed from the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic as carriers of military ethno-sociological information

The article analyzes the award papers of the military personnel called up from the Crimean Soviet Socialist Republic during the Second World War, heroism manifested by soldiers and officers of various nationalities. For the first time all awards statistics is given as well as the national policy in terms of certain ethnic communities. On the basis of archival materials (CAMO RF) the following is considered: newly found numerous facts of nomination of the Crimean Tatars to the title of Hero of the Soviet Union, the reasons of replacement the highest award of the USSR by other awards in most cases.

Keywords: the Second World War, the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, award papers, awards statistics, feat of soldiers and officers, the national policy.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.34/35

О.В. Осипова

Аккультурационные стратегии молодежи Арктики

Статья посвящена проблеме выбора молодежью Арктики аккультурационных стратегий. Анализируются результаты анкетного опроса, проведенного в 2013–2014 гг. на территории арктических районов Якутии. Показано, что выбор аккультурационной стратегии имеет зависимость от декларируемой этнической идентичности человека. Очерчена связь этнической идентичности и национальной политики России.

Ключевые слова: этническая идентичность, гражданская идентичность, аккультурационные стратегии, молодежь, Арктика, Республика Саха (Якутия).

Одной из важных проблем современности является утеря и размывание национальных культур малых этнических общностей. Данное явление, как нам кажется, отражает влияние глобализации на культуру. Всякая локальная культурная практика, сталкиваясь с миросистемой, приостанавливается в развитии, а в какой-то мере и утрачивается в силу распространения новых практик массовой культуры. Можно ли в этом случае говорить об аккультурации, как о процессе усвоения одной этнической группой норм, традиций, культурных ценностей другой этнической группы?

В справочной литературе порой указывается, что, как правило, аккультурация свойственна этническим меньшинствам, проживающим в тесном контакте или в одном государстве с крупным этносом. Мы же считаем, что в данное время идут процессы не только аккультурации в привычном ее понимании, но и распространения более унифицированных форм массовой культуры, характерных для современного общества государств-наций. Однако при этом этнический коллектив сохраняет собственную этническую идентичность, этическое самосознание.

На основе указанной идеи была сформулирована гипотеза, что современная молодежь арктических районов будет выбирать различные аккультурационные стратегии (направленные как

на этническую, так и массовую культуру) в зависимости от декларируемой этнической идентичности.

Для проверки гипотезы методом анкетирования сотрудниками сектора этносоциологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН в 2013–2014 гг. было проведено социологическое исследование в четырех административно-муниципальных образованиях, расположенных по Арктическому побережью Республики Саха (Якутия): Усть-Янском, Анабарском, Аллаиховском, Нижнеколымском улусах.

В качестве объекта исследования взята молодежь в возрастной категории от 14 до 30 лет. В рамках анкетирования по квотной выборке было опрошено 408 респондентов, из них 46,6% мужчин и 53,4% женщин.

Относительно этнической ситуации в данном регионе следует отметить, что в четырех улусах, вошедших в географические рамки исследования, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., проживает 19268 человек, из них 6298 – саха (якуты), 5171 – русские, 2770 – эвены, 1515 – эвенки, 1491 – долганы, 523 – чукчи, 1500 – прочие. Сторонники эссенциалистского (реалистского) подхода воспримут данную ситуацию как отражение переписью существовавшей этнической реальности, однако при учете

идентичностей в рамках нашего исследования было принято решение произвести также выделение категории «смешанная национальность». Это обусловлено тем, что для указанной территории были характерны довольно интенсивные процессы миксации населения, обусловленные длительным совместным проживанием эвенков, эвенов, юкагиров, чукчей, якутов и русского старожильческого населения. Категория смешанной этнической идентификации позволила зафиксировать «горизонтальную» двойную или множественную этническую лояльность. Кроме того нашей задачей был замер количества людей, проявляющих неоднозначную этническую идентичность в условиях, когда сама практика учета идентичностей исключает возможность двойной самоидентификации. В результате, формы этнической идентичности опрошенных распределились следующим образом: 16,8% –

русские, 36,9% – саха (якуты), 32,9% – представители коренных малочисленных народов Севера, 3% – прочие национальности и 11,1% – люди, указавшие принадлежность к двум (или более) этносам.

Переходя непосредственно к результатам исследования, следует отметить, что, прежде всего, нас интересовало отношение респондентов к собственной этнической идентичности, т.е. является ли это отношение позитивным или негативным. Для этого участникам опроса было предложено оценить по шкале от 1 до 5 утверждение «я горжусь своей национальностью». Полное согласие кодировалось 5 баллами, полное несогласие 1 баллом. Ранее эта методика применялась центром социологических исследований МГУ им. М.В. Ломоносова в 2005 г. при опросе населения Якутии [Прохода, Рязанцев, 2007].

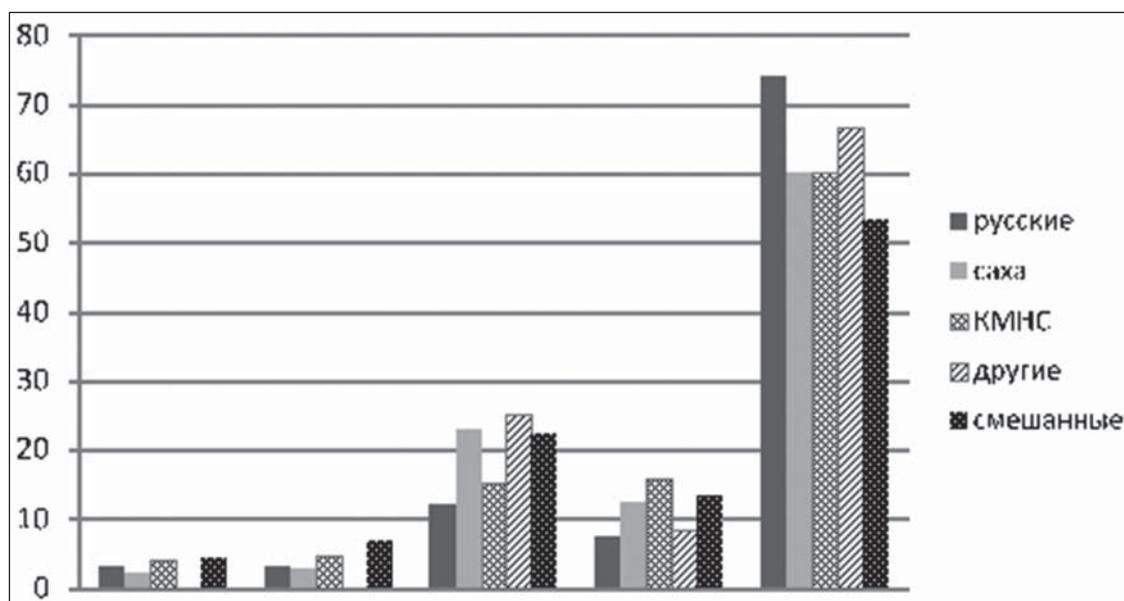

Диаграмма шкалы «Я горжусь своей национальностью»
(указан процент от числа ответивших на вопрос)

Гордость за свой этнос является одним из тех индикаторов, которые наиболее полно отражают позитивное эмоциональное восприятие своей этничности, что является одним из основных показателей позитивной этнической идентичности. Отсутствие гордости за свой этнос здесь условно названо «негативной этнической идентичностью». Наиболее позитивное восприятие собственной этнической идентичности наблюдается у русских (74,2%, несогласных – 25,7%), в свою очередь более негативное – у

лиц, указавших множественную идентичность (суммарный процент в той или иной степени несогласных – 46,6%), а также у саха (40,1), КМНС (40%) (рисунок).

В научной литературе, касающейся проблемы идентичности людей со сложным этническим происхождением, часто указывается на сложность самого процесса идентификации, а также проблемы противоречия самоприписывания и приписывания к категории этничности другими в ходе социального взаимодействия. Этим можно

объяснить сравнительно низкие показатели восприятия собственной идентичности у людей «смешанной национальности», и так как в обществе укоренены примордиальные взгляды, идентичность воспринимается ими как маргинальная, пограничная и уже в силу этого недостаточно полноценная.

У саха и КМНС сравнительно более негативные показатели восприятия собственной этнической идентичности могут быть связаны с явлением скрытой дискриминации.

Однако поскольку этничность проявляется в процессе взаимодействий индивидов и групп, нас интересовало не только проявление этнической идентичности в общении с представителями других этносов, но и их установки на взаимодействие друг с другом. Интересен вопрос о том, как носители различных этнических идентичностей, которые проживают в арктических поселках, в настоящее время взаимодействуют друг с другом. Как они воспринимают свою культуру и более широкое понятие гражданского сообщества. В основу методики определения аккультурационной стратегии индивидов заложена теория Дж. В. Берри о стратегиях аккультурации. Ранее эта методика уже применялась к изучению положения молодежи Якутии в исследованиях сотрудников ИФиП СО РАН [Абрамова и др., 2011].

В основе типологии лежат два критерия ориентации людей: 1) на собственную группу (предпочтение сохранять свое культурное наследие и идентичность) и 2) на другие группы (предпочтение контактировать с более широким обществом и принимать в нем участие наряду с другими этнокультурными группами). В случае с ориентацией на другие группы было учтено, что человек может быть ориентирован не на одну этническую группу, а на общество в целом, когда для него теряет значимость как этническая культура собственной группы, так и чужая, и человек в первую очередь при взаимодействии придает значимость иным критериям. Такое поведение в типировании этнических идентичностей обозначается понятием этнонигилизм – и расшифровывается, как одна из форм гиподентичности, представляющая собой отход от собственной этнической группы и поиски устойчивых социально-психологических ниш не по этническому критерию [Солдатова, Рыжова].

С учетом указанных критериев было выделено четыре типа стратегии аккультурации:

1) сепарационная, проявляющаяся при доминировании этнической идентификации и слабой мотивации к осуществлению межкультурного взаимодействия.

2) интеграционная, осуществляющаяся при одновременной ориентации как на сохранение собственной культуры, так и на взаимодействие в рамках более широких конструктов, таких как нация.

3) ассимиляционная, проявляющаяся в случае сниженной значимости этнической культуры, но при наличии желания взаимодействия в рамках неэтнического конструкта российской нации.

4) маргинальная, отличающаяся слабой заинтересованностью во взаимосвязи как со своей этнической группой, так и в рамках гражданского сообщества.

В данном случае за основу можно взять показатели значимости двух идентичностей – этнокультурной группы (этническая самоидентификация) и гражданского сообщества (гражданская самоидентификация). Преобладающие среди молодежи стратегии будут определены следующим образом: при значимости как этнической, так и гражданской самоидентификации как стратегия интеграции; при слабой заинтересованности в обоих – маргинализации, при доминировании этнической самоидентификации – сепарации, а при доминировании гражданской – как ассимиляции.

Для анализа выбора аккультурационной стратегии мы соотнесли частоты выбора показателя значимости этнической и гражданской идентичности на индивидуальном уровне и получили следующие данные (таблица).

Полученные результаты позволили нам выявить виды аккультурационных стратегий, реализующихся в молодежной среде. Так, при отношении респондента к этнической и гражданской (русской) самоидентификации как «Очень важной» или «Важной» аккультурационная стратегия данного индивида – была определена как интеграционная; при доминировании значимости этнической идентификации над русской – как сепарационная. Нивелирование и этнической, и гражданской (русской) самоидентификации определялось как выбор маргинальной стратегии; доминирование гражданской (русской) идентификации над этнической соответственно – как ассимиляционная.

**Типы аккультурационных стратегий молодежи Якутии
в зависимости от декларируемой этнической идентичности**

Типы стратегий	Этнические группы*					Этнические группы**			
	Русские	Саха	КМНС	Смешанные	Прочие	Русские	Саха	КМНС	Прочие
Интеграционная	66,5	70	70,7	66,5	70	60,1	70,4	69,2	52,1
Ассимиляционная	21,5	14,1	7,3	23	20	4,4	9,2	3,8	0,8
Сепарационная	3,9	6,6	16,5	2,5	10	26,6	14,8	21,2	38,7
Маргинальная	7,8	8,9	5,5	7,6	0	3,8	2,7	1,9	4,2

* Данные исследований О.В. Осиповой, проведенных в Аллаиховском, Анабарском, Нижнеколымском и Усть-Янском улусах.

** Данные исследований Института философии и права СО РАН, проведенных в г. Якутске [Абрамова, Гончарова, 2009].

Анализ позволил выявить высокие показатели стратегии интеграции у представителей всех этнических групп, однако у саха и у представителей коренных малочисленных народов эти показатели чуть выше.

Ассимиляционная стратегия характерна в большей степени для тех, кто указал двойную идентичность, а также для русских. В меньшей степени для саха и почти не характерна для представителей коренных малочисленных народов Севера. Это говорит о том, что в арктических районах России отход от этноцентризма как тенденция наблюдается у русского населения, а также у людей, имеющих сложное происхождение.

Сепарационная стратегия наблюдается у коренных малочисленных народов Севера. Это говорит о том, что для представителей коренных малочисленных народов Севера в большей мере характерно оценивать социальную реальность через призму этнического.

Интересно, что среди русских, саха и людей, указавших двойную идентичность, маргинальная стратегия распространена больше сепарационной. Таким образом, склонность оценивать социальную реальность через призму этнического проявляется еще в меньшей мере. Напомним, что при доминировании этнической идентификации и слабой мотивации к осуществлению межкультурного взаимодействия индивид выбирает стратегию сепарации.

Сравним эти данные с теми, что были получены в исследовании по Якутии М.А. Абрамовой и Г.С. Гончаровой [2009]. При исследовании, проведенном в г. Якутске, было опрошено 1600 респондентов в возрасте от 14 до 23 лет. В этни-

ческом плане выборка представлена так: 69% – саха, 21% – русские, 3% – коренные малочисленные народы Севера (КМНС), 7% – иные этнические группы.

Анализ аккультурационных стратегий в том случае продемонстрировал высокие показатели стратегии интеграции у саха и у представителей коренных малочисленных народов. Ниже данный показатель у русских (60,1%), еще ниже – у группы «прочие народы» (52,1%). Небольшая группа (9,2%) саха ориентирована на сепарацию. Самый низкий показатель по данной стратегии у группы «прочие народы» – 0,8%. Правда, и самый высокий показатель по ассимиляции показала также данная группа – 38,7%. Маргинализация как стратегия аккультурации была одобрена крайне малым числом респондентов [Абрамова, Гончарова, 2009]. Полученные данные (таблица) свидетельствуют о довольно высоком уровне расположенности респондентов к межкультурному взаимодействию (интеграции и ассимиляции).

Представляется, что различия, полученные при сравнении результатов опросов, могут быть связаны со многими факторами: этнодемографическими, социальными, историко-культурными, правовыми.

На Севере существенно больше количество людей, выбравших ассимиляционную стратегию, и меньше тех, кто выбрал для себя сепарационную стратегию. Наибольший показатель мы можем видеть у представителей коренных малочисленных народов Севера, именно они в большей мере нацелены на сохранение своей этнической культуры и идентичности.

Известно, что значимость этничности возрастает в том случае, если социальные практики, связанные с ней, производят или приводят в действие существующие в обществе неравенства. В определенных ситуациях этническая принадлежность может стать критерием доступа к благам, которые будут находиться в прямой зависимости от воспринимаемой или приписанной этой группе этничности. Именно в этот момент, при подобном изменении практик, этничность становится действенным социальным конструктом [Краснопольская, Солодова, 2013, с. 28].

В этой связи уместно вспомнить, что процесс этнизация населения опирался на особые практики, такие как паспортизация населения. Несмотря на то, что в данное время графа национальность из паспорта исчезла, однако ряд сообществ, в том числе коренные малочисленные народы, до сих пор выделяются как особая категория, в силу своей идентичности имеющая право на поддержку государством их культуры и жизненного мира.

Этим в какой-то мере определяются те статистические данные, которые были получены в ходе последней Всероссийской переписи населения. Они демонстрируют довольно существенные изменения в численности населения различных этнических групп, относящихся к категории коренные малочисленные народы. Так, в Якутии в сравнении с переписью 2002 г. довольно значительно увеличилась численность коренных малочисленных народов Севера: эвенков на 15,2%, эвенов на 29,3%, долганов на 49,8%, юкагиров на 16,8%, чукчей на 11,3%.

Следовательно повышенная частота выбора сепарационной стратегии среди коренных малочисленных народов Севера может быть связана с предоставлением КМНС различных льгот и материальной поддержки. В современной России, при сохранении реифицирующего социальную реальность марксистского дискурса, получается, что этничность остается той главной характеристикой, на которую ориентируются представители власти в выделении льгот.

При этом, как указывает С.В. Соколовский [2004, с. 43], в соответствии с доминирующим среди политической элиты дискурсом, «каждая «нация» должна считаться с наличием на своей территории массы «иноязычных», которые одновременно должны быть защищены, но реально подвергаются дискриминации; культура ко-

торых («иноязычных». – О.О.) часто находится под опекой государства, но при этом преследуются цели воспитания в духе национально-государственных традиций метрополии»

Это объясняет наличие у молодежи коренных малочисленных народов Севера одновременно и большой нацеленности на сепарационную стратегию аккультурации, и сравнительно низких показателей позитивного восприятия собственной идентичности.

Таким образом, данное исследование демонстрирует нам, что этничность следует понимать прежде всего как социально сконструированный «маркер», который используется в качестве организующего социальные практики элемента.

В свою очередь, любая субъективная позиция, вписываясь в объективные пространственные и институциональные структуры, формирует определенное социальное пространство. Известный антрополог Дж. Андерсон [1998, с. 62] в своей монографии совершенно верно пишет, что в процессах определения этнической идентичности в советский период и сейчас большую роль играют скорее инструкции, начертанные «невидимой рукой» Москвы. В результате объективизированная классификация начинает оказывать влияние на население. Более всего проявляясь на периферийных территориях, объединяющих в нашей стране в основном, а иногда и исключительно негативные полюса социальных полей.

Таким образом, в какой-то существенной мере политика идентичности определяет этническую идентификацию и аккультурационные стратегии молодежи Арктики, и корни подобного влияния надо связывать с утверждением государства во всех сферах повседневной жизни простых людей.

Литература

Абрамова М.А., Гончарова Г.С. Аккультурационные стратегии учащейся молодежи Якутии // Социологические исследования. – 2009. – № 3. – С. 108–115.

Абрамова М.А., Гончарова Г. С. Костюк В.Г. Социокультурная адаптация молодежи Севера к условиям современных трансформаций (на материалах исследований в Республике Саха (Якутия)). – Новосибирск: Нонпарель, 2011.

Андерсон Д. Дж. Тундровики: экология и самознание таймырских эвенков и долган. – Новосибирск: Изд-во Сиб. отделения РАН, 1998.

Краснопольская И.И., Солодова Г.С. Социальное конструирование этничности // Социологические исследования. – 2013. – №12. – С. 26–34.

Прохода В.А., Рязанцев В.В. Этническая идентичность населения республик России (Карелия, Татарстан, Якутия) // Вестник Российской академии наук. – 2007. – Т. 77. – №12. – С. 1118–1126.

Соколовский С.В. Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. – М., 2004.

Солдатова Г.У., Рыжова С.В. Типы этнической идентичности. URL: <http://psytolerance.info/techniques.php?id=1364391772> (дата обращения 04.09.2014)

O.V. Osipova

Acculturation strategies for the Arctic youth

The article is devoted to the problem of choosing the acculturation strategies of Arctic youth. The results of a questionnaire survey, which was conducted in 2013–2014 on the territory of the Arctic regions of Yakutia is analyzed. It is shown that the choice of acculturation strategy has a dependency on the declared ethnic identity of the person. Delineated relationship of ethnic identity and national policy of Russia.

Keywords: ethnic identity, civil identity, acculturation strategy, youth, Arctic, Republic of Sakha (Yakutia).

УДК 314.72(571.56)

А.Г. Томаска

Миграция сельского населения Республики Саха (Якутия): стратегия социально-экономической адаптации

Рассматриваются особенности социально-экономической адаптации сельских мигрантов. Основной причиной внутренней миграции остается неблагоприятная социально-экономическая ситуация в сельских поселениях – отсутствие соответствующей инфраструктуры населенного пункта. Низкий уровень занятости сельского населения экономической деятельностью и низкие доходы способствуют перемещению части рабочей силы в город. Наши интервью показали, что профессиональное образование остается одним из самых существенных факторов социальной модернизации, это определяет характер занятости, уровень и качество жизни, а также социальный статус сельских мигрантов в городских условиях.

Ключевые слова: сельские мигранты, внутренняя миграция, рынок труда.

Уровень занятости городского населения экономической деятельностью по итогам переписи населения 2010 г., значительно выше занятости населения сельской местности (таблица). В сельских поселениях в целом из населения, указавшего основной источник средств существования, 36,7% заняты трудовой деятельностью. В городах уровень занятости экономической деятельностью выше на 14,1% и составляет 50,8%. При этом мужское население и в сельской, и в городской местности экономически более активно.

В сельской местности численность иждивенцев и лиц, получающих помощь других или алименты, превышает численность занятого населе-

ния: 37,7% иждивенцев на 36,7% занятых трудовой деятельностью. Почти 40% мужского сельского населения в качестве основного источника средств существования указали иждивение, помощь других, алименты. Среди лиц, получающих пособие по безработице, сельских мужчин по численности больше, чем сельских женщин, и в общей численности, получающих пособие по безработице, в городе. Кроме этого не секрет, что на селе очень высок уровень скрытой безработицы. В ряде населенных пунктов республики сельские безработные в некоторых случаях не могут оформить документы в районных Службах занятости [Томаска, 2013, с. 168].

**Население Республики Саха (Якутия)
по основному источнику средств существования, %***

Источник средств	Городское население		Сельское население	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Трудовая деятельность, включая работу по совместительству	54,5	47,2	37,0	36,3
Личное подсобное хозяйство	0,2	0,1	3,9	2,0
Стипендия	0,7	0,7	0,2	0,2
Пенсии, пособия, другой вид государственного обеспечения	12,1	19,1	18,0	24,5
Сбережения, дивиденды, проценты	0,2	0,1	0,1	0
Иждивение, помощь других лиц, алименты	31,9	32,4	39,2	36,1
Пособие по безработице	0,4	0,4	1,5	0,9

* Население по возрастным группам, полу и источникам средств к существованию по субъектам Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

В данном исследовании рассмотрены сельские мигранты разных социальных групп (работающие по найму в бюджетной и коммерческой сфере, безработные, имеющие временную или сезонную занятость), из разных регионов республики (Южная Якутия, Западная Якутия, Северная Якутия, Центральная Якутия, Восточная Якутия), разного финансового достатка, семейного положения (состоящие в браке, разведенные, вдовы, никогда не состоявшие в браке), переехавшие в период реформ по настоящее время в городское поселение (в данном случае в столицу Республики Саха (Якутия) – г. Якутск) с намерением перемены места постоянного жительства.

Информанты были выбраны по следующим критериям:

1. Были учтены причины переезда: необходимым условием являлось твердое намерение респондента остаться в городском поселении на длительное или постоянное время, что предполагает ориентацию на адаптацию и поиск путей интеграции в городское пространство. Так, например, исключены респонденты, живущие в городских поселениях с целью получения образования, поскольку их пребывание в городском поселении может ограничиваться временем учебного процесса. Также исключены лица, прибывшие в городские поселения с целью временной трудовой деятельности или помощи родственникам, живущим в городе, на конкретное, пусть и длительное, время – например, уха-

живать за ребенком дошкольного возраста или больным.

2. Учитывался «городской стаж»: этот критерий важен для анализа роли временного фактора для формирования стратегий адаптации и городской идентичности. Так, например, через какое время люди начинают разрабатывать конкретные стратегии адаптации, соотнесенные с местом и условиями проживания, и когда они начинают себя считать городскими жителями.

3. Необходимым условием являлось отсутствие «городского опыта», за исключением момента получения образования в учебных заведениях. Отбирались респонденты, которые не были ранее интегрированы в городское поселение. Так, например: если они ранее обучались в городах, то проживали в студенческих общежитиях. Исключались лица, родившиеся в городских поселениях, проживавшие какое-то время в городских условиях.

Основной причиной внутренней миграции остается неблагоприятная социально-экономическая ситуация в сельских поселениях – отсутствие соответствующей инфраструктуры населенного пункта, начиная с отсутствия рабочего места и кончая низким уровнем и стандартами жизни. Ж.31*: *«По деревенским меркам считалось, что мы живем неплохо. У меня высшее образование, работаю в школе, у мужа тоже работа, детей нет. Работа – дом, вот и все. Ни кино тебе, ни театров. Я хотела куда-то ездить отдыхать, а зарплаты все-таки не хва-*

* Здесь и далее цитируются интервью, собранные в 2013–2014 гг. в г. Якутске. Информация о респондентах представлена в приложении.

тает. С ребенком что-то у нас не получается, а в деревне ни больницы, ничего. Здесь уже начали проверяться. Рожать надо». А другая (Ж.40): «Хотя мы сами и деревенские, у меня муж заскучал в деревне, куда мы поехали по распределению, запил, ему там и поговорить-то не с кем было. Я думала, в городе станет сложнее, интереснее жить – перестанет пить».

Анализ факторов социальной модернизации среди внутренних мигрантов, приехавших в столицу Республики Саха (Якутия) г. Якутск, с точки зрения социально-профессиональной стратификации по результатам проведенных интервью показал, что сельская миграция в городские поселения происходит преимущественно вынужденно и в поисках более стабильного социального, материального и профессионального положения.

Так, Ж.48 говорит: «Я была матерью-одиночкой с дочкой, образования нет, работы не было. Одинокие одноклассницы и подруги жили не лучше. Кто-то спивался. А кто-то, как и я, пытался везде подрабатывать. Сажала огород. Устраивалась продавцом в магазин. Можно сказать – зарплаты не было. Оплачивали 5 процентов с продажи. А какие продажи в деревне? Сахар, хлеб. Вся выручка за день 800 рублей, и оттуда проценты. В это время я всегда была в долгах – под запись брала продукты у себя на работе. Таков доход. Как ребенка вырастишь? В 1999 г. я оставила дочку у матери и приехала искать здесь работу».

А М.43 вспоминает: «В свое время не хотел учиться. Жизнь казалась простой и немудреной. После армии планировал работать в совхозе, жениться, растить детей. А перестройка эта все изменила. И теперь мне надоела жизнь в деревне. Всегда денег не хватает. Я старался держать лошадей. Надеялся, что можно будет как-то на них прожить и даже заработать. Но ничего так и не заработал на них. Хотя жеребятину мы ели хорошо. Моя зарплата такая была, что не хватало ее даже на хлеб. Чтобы что-то сделать – берешь кредит. А потом сидишь, как дурак, на всем экономишь и выплачиваешь его».

М.22: «Я приехал сразу после школы искать здесь работу. У меня со здоровьем не очень. Да и в школе учился плохо. Учиться совсем не хотел. В деревне нет ни работы, ни возможности подрабатывать. Не будешь же на шее у матери си-

деть. Вот и переехал и начал работать». М.20: «Я женился сразу после школы. Ребенок родился, а когда пошел в армию жена вторым беременная осталась. Теперь надо содержать семью. В деревне не нашел работу. А здесь после армии сразу взяли охранником».

В процессе интервью были названы и другие причины миграции. Так, говорилось, например, о дефиците и поиске стабильных или более «статусных» социальных связей – «я у матери один остался, не с кем поговорить, перебрался в город поближе к сестре и друзьям» (М.22.); «всегда завидовала нашим деревенским «городским», приезжают – хорошо одетые, на своих машинах, а я на них смотрю и думаю, они же смогли лучше в жизни устроиться, чем я хуже. Мне было скучно в деревне, с подругами говорить уже не о чем, иногда выпиваем с тоски. Всегда старалась сохранить дружбу с подругами, которые в городе обосновались, послушать, о чем они говорят, чем живут. Попросила подругу, которая в городе обосновалась, принять меня на первое время в городе. Когда подруга согласилась, это была победа – я стала ближе к ней и к лучшей жизни» (Ж.24).

Миграцию рассматривают как вариант брачной стратегии: «когда сын уехал в другую деревню, в школу получше, чтобы получить образование, чтобы не жить как мы – «необразованные, неотесанные, бедные родители», я был зол – ни к чему хорошему созданная семья не привела, а я ведь еще молод – можно все начать сначала – я развелся и уехал» (М.43); «в деревне невозможно свою жизнь устроить, все пьют, а я хотела замуж, но так и не вышла» (Ж.46).

Сельские мигранты старшего поколения переезжают, чтобы быть поближе к детям, живущим в городе, помочь в их социально-экономической адаптации к городским условиям: Ж.71: «Я сюда к дочери переехала. Что мне делать одной в деревне, к тому же пенсией хотела помочь им оплатить кредит за покупку квартиры». Ж.61: «Мы с мужем не планировали переезжать в город. Для младшего сына (25 лет) купили участок и построили дом в пригороде. Но он ни дом не обустроил, ни учился, не может толком на работу устроиться – что-то у него не получалось, тяжело ему. Пришлось мне выйти на пенсию и переехать сюда, чтобы поддержать сына. А сейчас зову мужа, надо и собой ему позаниматься – здоровье подправить, отдохнуть. У нас в

деревне пилорама, муж много работает, ему жалко там все бросать. Но в деревне живут старшие дети с семьями – они со всем прекрасно справятся. Так что жду его».

90% наших респондентов, независимо от возраста и социального положения, при переезде в город планируют повышение или расширение профессионального образования, как для себя, так и для членов своих семей. А некоторые указывают как основную причину переезда – «дать образование детям» (Ж., 59).

Одним из наиболее важных индикаторов модернизации региона, как следует из изложенного, является успешность адаптации и социализации сельских мигрантов в городских условиях, что определяется, прежде всего, их адаптацией на рынке труда.

Приложение

Наши респонденты

Женщина, 71 год, среднее профессиональное образование, вдова, 3 детей, Центральная Якутия, пенсионерка. Стаж проживания – 5 лет (Ж.71).

Женщина, 61 год, среднее профессиональное образование, замужем, 3 детей, из Центральной Якутии (Заречья), пенсионерка. Стаж проживания – 1,5 года (Ж.61).

Женщина, 48 лет, среднее общее образование, замужем, 1 ребенок, из Западной Якутии, работает в неформальном секторе. Стаж проживания – 15 лет (Ж.48).

Мужчина, 43 года, среднее общее образование, разведен, 3 детей в первом браке, из Центральной Якутии, работает по договору таксистом. Стаж проживания – 4 года (М.43).

Женщина, 40 лет, среднее профессиональное образование, разведена, вдова, 3 детей, из Восточной Якутии, работает по найму в бюджетной сфере. Стаж проживания – 15 лет (Ж.40).

Женщина, 31 год, высшее образование, замужем, детей нет, из Центральной Якутии (Заречья), работает по найму в бюджетной сфере. Стаж проживания – 9 лет (Ж.31).

Женщина, 24 года, среднее профессиональное образование, замужем, 2 детей, из Северной Якутии, работа по найму в коммерческой сфере. Стаж проживания – 3 года (Ж.24).

Мужчина, 22 года, среднее общее образование, никогда не состоял в браке, детей нет, из Южной Якутии, сезонная работа и случайные заработки. Стаж проживания – 3 года (М.22).

Мужчина, 20 лет, среднее общее образование, женат, 2 детей, из Центральной Якутии, работа по найму в коммерческой сфере. Стаж проживания – 1 год (М.20).

Литература

Томаска А.Г. Молодая эвенкийская семья в условиях нового промышленного освоения // Актуальные проблемы современной гендерологии. Вып. 8: Материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современной гендерологии» (24 апреля 2013 г.). – М. – Ставрополь, 2013. – С. 166–169.

A.G. Tomaska

Internal migration, as a strategy of adaptation of rural population

The article is discussed the features of socio-economic adaptation of rural migrants. The main cause of internal migration remains disadvantaged socio-economic situation in rural areas - lack of adequate infrastructure of the settlement. The low level of rural employment in economic activities and low income contribute to the moving part of the labour force in the city. Our interviews showed that vocational education remains one of the most significant factors of social modernization, it determines the nature of employment, the level and quality of life and social status of rural migrants in urban areas.

Keywords: rural migrants, internal migration, the employment market.

А.А. Бурыкин

**Проблемы письменности и письменных языков
малочисленных народов Севера РФ на современном этапе**

Статья охватывает широкий круг лингвистических и социологических научных дисциплин, связанных с созданием, развитием и функционированием письменной формы языков аборигенных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока России. Автор стремится показать, что характер функционирования письменных языков аборигенных народов Севера России зависит не от степени простоты письма и его соответствия звуковому строю языка, а от более значимых причин, связанных с языковой ситуацией неуравновешенного двуязычия, инициирующей снижение престижа аборигенных языков и для природных носителей, и для большинства жителей регионов, где проживают аборигенные народы.

Ключевые слова: языковая ситуация, письменный язык, письменная форма языка, социолингвистика, социология языка, культурология, аборигенные народы Севера.

Проблемы письменности и письменных языков малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ обсуждаются в науке давно и в разных аспектах, но преимущественно в историческом (история создания письменности), лингводидактическом (вопросы обучения языкам и методика преподавания языков), отчасти в социолингвистическом, где внимание сосредотачивается на частных вопросах издания литературы и его динамики в увязывании с языковой ситуацией или представлениями о языковой ситуации. К сожалению, письменные тексты на языках народов Севера РФ – по разным причинам – на глазах перестают быть лингвистическим источником даже для предшествующих состояний языков (XIX – первая половина XX вв.). Как показала практика специального исследования проблемы письменной формы языков народов Севера РФ на материале эвенского языка, далеко не все сюжеты в этой области, достойные внимания, являются осмысленными как объекты научного исследования. Кроме этого письменная форма языков выступает подчас единственной формой языка, которая оказывается как бы «визитной карточкой» языка в полиэтничном государстве, и тут, с одной

стороны, она формирует статусную оценку языка в социуме и в регионе, с другой стороны, на ней отражаются и в ее повседневной жизни год за годом выражаются многие, подчас не осознаваемые проблемы из сфер «Язык и общество» и «Язык и культура», и в ее функционировании отражаются все оттенки престижа миноритарного языка в полиэтничном обществе.

Предлагаемая работа представляет опыт осмысления междисциплинарных проблем, принадлежащих к таким наукам, как языкознание, этнография и этнология, социология, которые тесно связаны с письменностью, письменными языками и языковой ситуацией у малочисленных народов Севера РФ в целом. Как можно понять из сказанного ниже, большинство затрагиваемых в ней вопросов (за исключением, пожалуй, характера письменности и проблематики письменного и литературного языка в применении к языкам малочисленных народов Севера РФ) теоретически не разработаны и подчас даже не поставлены – этим объясняется минимальное количество ссылок на литературу по проблематике исследования.

Систематизация этих проблем, каждая из которых имеет собственные задачи исследования,

актуальность которых до сих пор недостаточно оценена или даже вовсе не понята, может быть представлена в следующем виде:

- 1) лингвистические проблемы;
- 2) социолингвистические проблемы;
- 3) лингвосоциологические проблемы, или проблемы социологии языка в его функционировании;
- 4) этнические проблемы, или проблемы на границах коллективов пользователей языка и представителей титульного этноса;
- 5) социальные проблемы, или проблемы в социумах пользователей языка вне этнических характеристик на границах с иными социумами;
- 6) социокультурные проблемы, или проблемы связи письменной формы языка с формами традиционной культуры этноса и современной государственной и региональной культуры.

1. *Лингвистические проблемы.* Этот блок вопросов, обсуждаемых в связи с письменностью, в первую очередь для младописьменных языков, имеющих развитую форму письменности с внутриэтническим функционированием с 1930-х годов, и новописьменных языков, получивших письменность позднее, включает сложные, переплетающиеся друг с другом и гетерогенные проблемы, имеющие разные истоки. Здесь соприкасаются друг с другом такие вопросы:

- а) соотношение устного и письменного языков на конкретном синхронном срезе, наблюдаемое с 1970-х годов и с тех же пор ставшее актуальным;
- б) грамматика и лексика письменной формы языка в их истории и в их отличии от устного языка;
- в) графика – соотношение фонем и графических знаков; состав алфавита, способы обозначения фонем на письме и т.п. в ее истории;
- г) история письменного языка и его норм;
- д) диалектная основа и система литературного языка.

Многим казалось, что с созданием письменности вопрос о статусе языка решается однозначно в сторону повышения этого самого статуса и уравнивании его в правах и функциях с основными языками государства и региона. Поэтому создание письменности считалось наиболее приоритетной работой лингвистов с описываемым языком – последний всплеск узурпации этого престижа наблюдался на рубеже 1970–1980-х годов при разработке долганской письменности. В равной мере столь же максимально престижной ка-

залась и кажется задача реформирования письменности того или иного народа, как это было в реальности с эвенками, нанайцами, манси, хантами, сахалинскими нивхами.

Вопросом о том, что происходит с младописьменным языком дальше, – не интересовался почти никто, и, по существу, ни один язык в этом плане не исследован до сих пор – предпринятое автором этой статьи исследование [см. Бурыкин, 2004] должно было создать прецедент в данной области, но этого не случилось; напротив, количество публикаций по письменной форме языков народов Севера РФ в ее традиционном социолингвистическом освещении как-то заметно уменьшилось, похоже, что все по умолчанию согласилось с автором в основных выводах – во всех языках ситуация оказалась идентичной или очень похожей. Одинаковые причины должны были инициировать и одинаковые стратегии для корректировки языковой ситуации, но, как кажется, разработки в этой области имеют только теоретическое значение, и никто не собирается реализовывать что-то на практике. Тем не менее очень интересные в социолингвистическом плане события отмечаются для хантыйского языка [Кошкарева, 2013], и, видимо, какие-то различия в графике, используемой в учебной литературе, СМИ, художественной литературе, на сегодняшний день оказываются неизбежными, если письменность функционирует для языка достаточно стабильно. Почему-то – и это непонятно до сих пор – проблематика создания и развития письменности для малочисленных народов Крайнего Севера была сдвинута в область социолингвистики, где рассмотрение этой проблематики в применении к письменной форме языков ограничивалось ростом количественных показателей книгоиздания и тиражей СМИ, а равно охваченностью книгами потенциального читательского контингента [см. Осуществление..., 1971; как курьез – Лиховид, 1959]. К сожалению, исследования читательских интересов в полиэтничных регионах, в частности в РС(Я) [Афанасьева, 2003], не показывают читательских приоритетов по языкам, в особенности по языкам коренных малочисленных народов республики.

Соотношение устного и письменного языка и их различия – сложный вопрос, поскольку эти отношения двух форм любого языка меняются от десятилетия к десятилетию и во многом зависят от языковой ситуации, от объема и уровня

владения устным языком как родным и статуса письменной формы языка. Из того, что мы можем наблюдать в отношении грамматического строя инвентарь грамматических форм и конструкций оказывается несколько уже, чем инвентарь грамматических форм устного языка. Причин тут может быть много: относительная редкость употребления отдельных форм (падежных, причастных, деепричастных), незафиксированность некоторых форм в первых грамматиках и учебных пособиях, на которые ориентируется последующая традиция описания и преподавания языка, проникновение в письменный язык иноязычных грамматических элементов (например, пассивные конструкции русского типа в эвенском языке), но так или иначе они обуславливают различия между устным языком, в частности языком фольклора с его собственной спецификой, и письменным языком. Что касается лексики, то здесь лексика письменного языка (например, обозначения новых реалий) подвержена разнотипным изменениям, в то время как в лексике устного языка здесь отслеживаются лишь локальные различия. Можно наблюдать в равной мере и то, как письменный язык избавляется от случайных диалектных слов, и то, как слова диалекта-основы литературного языка, не имеющие поддержки в других говорах, все же не проникают в письменный язык, если самыми активными пользователями письменного языка являются носители диалекта – основы письменного языка*.

Особая проблема – соотношение устного и письменного языков в рамках билингвизма и полигlossии, когда, по крайней мере, билингвизм охватывает значительную часть общества и каких-то этносов, и кроме того является характерным для отдельных сфер деятельности, в частности для образования и ряда форм культуры. Здесь есть странная и непонятая до сих пор закономерность. Поскольку при двуязычии языки, – по крайней мере, это без исключений является типичным для России – имеют неравный, а обычно резко различающийся статус, то объем и

интенсивность функционирования, применительно к письменным формам языков различаются весьма и весьма существенно. По-видимому, причины этих явлений лежат вне языковой материи и находятся где-то во внешней по отношению к языку социокультурной сфере, имеющей собственные ценности и установки.

Проблемы графики для младописьменных языков малочисленных народов Севера РФ кажутся внешне весьма простыми – каждый думает, что он имеет понятие о том, что такое буквы, алфавит, знает, как читается та или иная буква. Однако на деле эти проблемы настолько сложны, что их почти никто не брался обсуждать всерьез – по состоянию дел с письменностью какого-либо языка или по результатам какой-либо и чьей-либо деятельности на этой ниве. В конце 1950-х годов были выпущены своды основных правил графики и орфографии для ряда языков с наиболее развитой на тот момент письменностью (мансийский, ненецкий, эвенкийский, эвенский, нанайский [Баландин, 1958; Терещенко, 1958; Горцевская, Константинова, Колесникова, 1958; Новикова, 1958; Аврорин, 1957]). И это, увы, все, чем может похвастать в этой области наука. В основе этих сводов правил, составляя их теоретическую базу, лежат «Правила русской орфографии и пунктуации 1956 г.». Позднейшие, по счастью, немногочисленные опыты разработок в этой области явно не могут идти в зачет их авторам и показывают полную теоретическую несостоятельность как языковых предложений, так и авторских амбиций [см. Новикова, Лебедев, 1980]. Здесь чудовищные ляпсусы начинаются с применения самого понятия «орфография» к языкам народов Севера, представляющего собой вопиющую лингвистическую безграмотность, поскольку орфография – это учение о нормативном написании слов в случае, если правила графики, т.е. обозначения фонем на письме, на примере – указание на то, что при возможности написание *корова* и *карова* нормативным является первое, не отражающее звучания слова. Ни в од-

* Так, Анна Иннокентьевна Чайко (Хардани, 1956 г.р.), жительница Магадана и уроженка Северо-Эвенского района, соответственная носительница ольского говора – основы письменного языка, стала самым продуктивным в истории эвенского литературного языка переводчиком литературы на эвенский язык. Язык ее переводов, хотя они и выходили в свет в 1980-е годы, – это современный стандарт эвенского письменного языка. В то же время Н.А. Зыбин (1954–1993), уроженец Тенькинского района Магаданской области, сохранял в своих переводах диалектные черты в таком количестве, что в конце концов по его переводам стало возможным описать диалект тенькинских эвенов, не исследованный в полевых условиях [Бурыкин, 2011].

ном из языков народов Севера РФ подобных случаев нет вообще. Нарушения правил написания и принятых написаний слов в этих языках обусловлены незнанием норм графики, интерференцией и влиянием доминирующего языка (русского, бурятского или якутского) или использованием каких-либо устаревших или отмененных норм графики. Методические разработки по графике отдельных языков коренных народов Севера РФ в этом плане настолько малограмотны, что одно время в Институте лингвистических исследований в одном из отделов на стене висела цитата из одного такого опуса – «Каждой букве – своя фонема». Многие из тех, кто считает себя специалистами по проблемам «орфографии», считают, что идеальной письменностью – «орфографией» считается та, которая полностью и единообразно отражает фонемный состав морфем и слов – однако для лингвистов с завидной эрудицией составляет очень трудную задачу найти такой язык, который обладал бы подобной письменностью. Возможно, к ним относятся финский или грузинский языки. Даже корейский язык с его почти фонетической графикой имеет, как и русский язык, морфологический принцип в основе орфографии, т.е. неотражение позиционных чередований согласных на письме и единообразное написание морфем, и кроме того в КНДР и Республике Корея приняты алфавиты с одним и тем же составом знаков, но с разным составом и порядком букв.

История почти любого младописьменного языка из языков народов Севера РФ насчитывает примерно 80 лет, если вести отсчет его возраста от начала 1930-х годов, а с учетом миссионерских изданий XIX в. и того более – чукотская письменность в свете последних разысканий становится старше на 120 лет (Гуляева, 1992; 2002; 2004), эвенкийская и эвенская – почти на 90 лет, нанайская – на 60–70 лет. Здесь каждый текст со своей графикой, со своей лексикой и своей грамматикой представляет собой факт истории письменного языка, потому что почти каждое явление

более ранних текстов отражается и проявляется в более поздних текстах*.

Проблема диалектной основы письменного языка осознается и иногда обсуждается как одна из острых проблем языковой политики, однако она имеет весьма специфические преломления на материале каждого конкретного языка. Фактически мы можем признать, что лингвисты 1930-х годов, выбиравшие тот или иной диалект для основы литературного языка, по существу, не допустили ошибок в выборе опорных диалектов для многодиалектных языков. К более или менее радикальным пересмотрам диалектной основы литературных языков, состоявшимся позднее, относится переориентация эвенкийского письменного языка с непского говора на полигусовский и выбор казымского диалекта вместо среднеобского диалекта для хантыйского языка. Важно, что ни в том, ни в другом случае ни разу не отмечалось попыток дать обратный ход диалектной базе литературного (письменного) языка.

Наряду с определением диалектной базы письменного языка с 1960-х годов обозначается другая проблема – проблема создания письменной формы для диалектов или «литературных микроязыков» отдельных языков народов Севера. Если считать количество таких языков де-факто по наличию текстов и каких-то форм графики, то окажется, что число литературных письменных языков реально превысит число языков народов Севера, исчисляемых по этносам, самоназванию или названию языка. Сюда попадут язык кондинских манси, несколько хантыйских диалектов, из которых официально письменность имели казымский и шурышкарский, но в наши дни письменность появилась на сургутском, ваховском и в какой-то степени на приуральском диалектах. В число таких языковых формаций войдут язык восточных эвенков, язык эвенов Камчатки (использующий один из устаревших вариантов эвенской графики), два языка эвенов Якутии – язык эвенов Индигирки (момский, томпонский и аллаиховский говоры – язык произве-

* Более того, деятельность миссионеров по переводу и непосредственно по изданию книг Священного Писания на отдельные языки народов Севера РФ может быть объектом сравнительной оценки: в 1980-е годы, когда до освоения ранних этапов книжной культуры народов Севера было весьма далеко, О.П.Суник (1912–1988), заведомо алтайских языков ЛО ИЯ АН СССР, говорил молодым коллегам: «“Наш” попик (то есть А.Протодяконов (1835–1902) или П.Протодяконов (? – умер после 1905), занимавшийся переводом Св. Писания на нанайский язык) был пограмотнее “вашего”» – здесь имелся в виду Стефан Попов (1804–?), инициатор и куратор перевода Евангелия на эвенкийский язык.

дений В.Д. Лебедева и некоторых других авторов, если они реально написаны не на литературном эвенском языке) и язык кобьайских эвенов, язык паланских коряков (представленный сочинениями М.И. Попова) и алюторский язык.

Проблема, и весьма острая, хотя и незнакомая и не объяснимая для многих, здесь заключается в том, что примерно в половине случаев разработчики и сторонники поддержания письменности на диалектах вместе с предложением развивать письменность на протезируемом ими диалекте требуют запретить действующую письменность в иной форме или на иной диалектной основе и эксплицитно поменять диалектную базу литературного языка. Где тут логика – непонятно, тем более что во всех случаях горе-реформаторы не идут в развитии собственных диалектов в письменной форме дальше деклараций, неграмотно составленных описаний алфавитов или набора примеров, написания которых часто не соответствуют их же предложениям и требованиям*. Стоит напомнить, что сторонники развития эвенской письменности на основе восточного наречия – к ним принадлежало и принадлежит большинство лингвистов и педагогов – никоим образом не препятствовали ни популярным публикациям фольклора, адресованным местному читателю, ни литературному творчеству поэтов и писателей эвенов Якутии, желавших писать на своих диалектах, ни работе над учебными пособиями для диалектов эвенского языка и были

даже готовы оказать поддержку таким начинаниям, – но эти инициативы сами по себе кончатся ничем.

Проблемы развития литературных языков народов Севера РФ и соотношения письменного языка и базового диалекта, несмотря на 80-летнюю временную перспективу обозрения текстового материала (учебники, художественная литература, газеты, научно-популярная литература), по сути дела, не решены ни для одного из языков. Те, кто обсуждает эти вопросы, по умолчанию, предполагают, что рассматриваемый ими литературный язык – это опорный диалект языка, декларативно провозглашенный в функции литературного, который «подходит» или «не подходит» для пользователей других диалектов. На самом деле, как можно судить по текстам всех жанров на эвенском языке, спустя 20 лет после введения письменности и ряда реформ графики (для эвенов – 1937, 1939/40, 1952 и 1957 гг.) у эвенов сложился настоящий эвенский литературный язык в виде наддиалектного стандарта, объединяющий в лексическом фонде словарный состав большинства диалектов и те грамматические формы, которые сходны по облику в большинстве диалектов или которые показывают лишь небольшие диалектные вариации, обусловленные фонетической спецификой диалектов. Однако судьба этого литературного языка была печальной, и в основном по причинам внешнего характера, которые никак не связаны ни со строем языка, ни с его лекси-

* Идея внедрить якутскую-саха графическую систему для западных диалектов эвенского языка или для эвенского языка в целом, на чем настаивали в 1980-е годы В.Д. Лебедев и позже В.А. Кейметинов, как показывает время, опыты и анализ материалов, изначально была обречена на крах. Во-первых, В.Д. Лебедев и поддержавшая его К.А. Новикова не удосужились изучить правила графики и орфографии якутского языка, в алфавит которого входят диграфы дь, нь, аа, оо, уу и т.д. в качестве самостоятельных букв [см.: Винокуров, Винокурова, 2002; Васильева, 2013]; таким образом продуктом их изобретения стал русский алфавит с якутскими принципами обозначения фонем на письме (такую же ошибку повторили весьма уважаемые лингвисты при внедрении якутского алфавита для долганского языка) [Письменность, 1981]. Во-вторых, все реформаторы не учитывают того, что эвенская письменность в Якутии, какова бы она ни была, находится под тройной интерференцией и испытывает влияние со стороны русской графики, якутской графики и графики эвенского языка 1950–1960-х годов, на которой издаются учебники и которую изучали учителя эвенского языка – и здесь более оптимальным было бы намеренно сближать эвенскую графику с русской, что позволяло бы избежать интерференционных ошибок при письме. В-третьих, описание звукового строя эвенского языка у реформаторов отличается редкой безграмотностью и недобросовестностью: в алфавите и графике В.Д. Лебедева при декларации фонематичности графики отсутствуют знаки для заднерядных гласных [и] и [у], качественно отличающихся от соответствующих переднерядных гласных во всех говорах, а гласный [ы], под которым В.Д. Лебедевым обобщены оттенки кратких гласных [а] и [э] в непервых слогах, для обоснования чего В.Д. Лебедеву пришлось пойти на фальсификацию данных экспериментальных рентгенографических исследований [Бурыкин, 1986], вовсе оказался не включенным в состав фонем, и вопрос о количестве гласных в эвенском языке оказался совершенно запутанным.

кой, ни даже с результатами работы по созданию литературного языка в предшествующие десятилетия.

Одной из серьезных причин тут стало завышение роли языка писателей в процессе развития русского литературного языка, механически перенесенное в среду писателей – представителей народов Севера РФ, отчасти сказалась и неоправданно заниженная оценка письменности и литературного языка пользователями – представителями первого и второго поколений нарождающегося этнического истеблишмента (сообщество разнообразных профессиональных и общественных выдвиженцев, даже представителей умственного, «рукоуказывающего» или «языкового» труда не может считаться настоящей интеллигенцией), которые стремились повысить собственную роль в процессе языкового и культурного развития региона в ущерб исследователям и авторам учебников. Увы, те, от кого зависело принятие аппаратных решений, в то время с излишним доверием отнеслись к заявлениям представителей народов Севера, выходящих на контакт с властными структурами, и одновременно недооценили объем знаний, творческий потенциал и гражданскую активность специалистов, не принадлежащих к коренным народам Севера.

Корпус письменных текстов на языках коренных народов Якутии включает издания, увидевшие свет в начале и середине XIX в., начиная с миссионерских изданий Иркутской епархии на чукотском языке, появившихся в начале XIX в. [Гуляева, 2002]. Здесь привлекают внимание и первые переводы молитв и Евангелия от Матфея на эвенкийский язык, а также тексты присяг чукотских старшин на чукотском языке, опубликованные В.Г. Богоразом в классическом издании «Материалы для изучения чукотского языка и фольклора...» 1900 г. Корпус текстов на эвенкийском, эвенском, чукотском языках, опубликованных с 1930-х годов по настоящее время, представляет огромный интерес в плане формирования и динамики лексического состава литературных письменных языков, становления грамматических норм письменных языков и их представления в учебных пособиях, проявлении, объеме и характере диалектных явлений. Язык национальных средств массовой информации в его конкретных фактах, также имеющий значительную временную перспективу, – это особая проблема для изучения письменных языков народов Севера РФ.

Увы, весь этот интереснейший материал в ближайшее время станет некому исследовать: для работы с ним надо должным образом владеть описываемым языком в устной форме и хорошо знать письменный язык разных периодов.

2. *Социолингвистические проблемы*, связанные с письменной формой языков коренных народов Севера РФ, – это прежде всего функционирование письменной формы языка, контингенты активных пользователей письменного языка (пишущие) и пассивных пользователей (читающие).

Одна из проблем, которая обозначилась в этой сфере языков коренных народов Севера РФ давно, но остается незаметной, – это диспропорция между читающими и пишущими: вместо того, чтобы превышать процент пишущих в десятки и сотни раз число читающих стремится к снижению, а для художественной литературы уже почти приравнивается к пишущим – писатели читают либо друг друга, либо самих себя.

Далее, это социальные разновидности письменной формы языка, дифференцирующиеся друг от друга именно вследствие деконсолидации образовательных и культурных связей разных поколений и дистанцирования разных форм письменного языка друг от друга. Так, язык учебных пособий, особенно для младших классов, – это «детский» язык, который не дает оснований по насыщенности даже для освоения грамматики в полном объеме и гарантирует усвоение лексики в объеме 2500–3000 слов (а реально меньше: словари для начальной школы, изданные в 1980-е годы, на глазах превратились в словари для средней школы). Это язык художественной литературы, имеющий авторские осложнения, единственным источником которых становится диалектная лексика и грамматика (не вполне ясно, насколько этот процесс являлся управляемым со стороны пишущих, или же это реальное свидетельство стирания грани между устным и письменным языком, составляющее предпоследнюю стадию полной утраты языка). Это язык СМИ, сильно зависящий от русского языка, и прежде всего языка газеты и радио, в сфере лексики. Наконец, это разные виды практики пользования письменными языками: активная практика – письмо, пассивная практика – чтение и полуактивная практика пользования языком – перевод, редактирование, подготовка переизданий книг, работа над методическими материалами и конспектами.

Отдельный комплекс проблем письменных языков в рамках социолингвистики – это письменные языки малочисленных народов как объект языковой политики. Причем здесь следует различать активную языковую политику, в сфере полномочий которой находятся конкретные меры, относящиеся к функционированию письменных языков, так и пассивную языковую политику – государственное бездействие в отношении каких-то форм функционирования и самого существования языков малочисленных народов, а также и ошибочные действия или интенции, связанные с языковым существованием. Типичной ошибкой здесь является увязывание проблем языка с этносом и иллюзорное отождествление этноса с коллективом пользователей языка, хотя тут мы сталкиваемся более с социологическими, нежели с социолингвистическими явлениями.

3. *Лингвосоциологические проблемы письменной формы языков – это проблемы социологии языка в его функционировании.* В изучении письменных языков малочисленных этносов это особая, характерная для миноритарных языков жанрово-стилевая структура письменного языка, связанная с изменяющимся в социальном плане составом пользователей письменного языка, в том числе и с его регрессивной эволюцией от наиболее образованной части этноса, которая активно пользуется этим языком в сфере культуры и в профессиональной деятельности, до детей, изучающих родной язык как второй-третий язык в начальной школе.

Главная проблема в этом ряду – это изначальная неполнота состава используемых форм письменного языка, а равно варьирующаяся неполнота или дефектность состава наиболее активно используемых обиходных форм письменного языка в сравнении с такими письменными языками, как русский или якутский языки – тут имеется в виду ситуация, когда на языке существует только художественная и учебная литература или даже только учебники родного языка. Иными словами, это сжатость формата письменного языка, т.е. системы разновидностей форм и жанров письменных текстов, и ее негативное влияние на языковые процессы – явление, которое не было ни отслежено, ни оценено в языковой политике и ее мониторинге. В итоге система типов документов, перечень речевых жанров в письменной форме документов, ориентация письменности на разные возрастные группы и профессиональные со-

общества выглядит как бы «свернутой», редуцированной, а само пользование письменностью становится похожей на игру.

Чаще всего эти процессы задаются не вполне продуманными стандартами языковой политики, определяющей извне сферы и соответственно среды функционирования языка, при этом предметом особой поддержки оказываются наиболее престижные «авторские» формы пользования языком – во-первых, художественная литература и, во-вторых, написание учебников. Однако вне любых форм языковой политики оказываются бытовые формы пользования письменным языком, если не считать явлений запрета на использование языка в качестве средства общения [Вахтин, 1993; с. 45], инициатива которых не имела документального выражения, но соответствующие установки явно не пресекались теми, кто находился в непосредственном контакте с говорящими на языках. Без поддержки остаются даже издания образцов фольклора, адресованные самим носителям фольклорной традиции: для языков народов Крайнего Севера РФ такие опыты двуязычных изданий оказываются единичными, и самый объем фольклорных текстов, возвращаемых в этническую среду, не способен даже вызывать у представителей народов интерес к своему традиционному фольклору.

Любопытно и то, что на глазах уже нескольких поколений языки малочисленных народов Севера РФ, которые начинали существовать в письменной форме как «языки ликбеза», языки начального обучения грамоте, остаются влачить довольно жалкое письменное существование в урезанном виде как «школьные», «детские» языки. Именно отсюда проистекают многие установки – например, то, что графика должна отражать звуковую строй и фонемный состав языка, чтобы учащиеся могли правильно читать написанные слова... Иными словами, согласно таким установкам письменность существует не для того, чтобы читать и писать, а для того, чтобы читать вслух, демонстрируя навыки чтения контролю взрослых, и писать диктанты. О том, что не только дети, но и взрослые могут читать на родном языке поэмы, повести, романы, эпос, и они будут читать эти тексты не вслух, а воспринимать их глазами, для чего фонематическое письмо явно избыточно – никто не думает.

4. *Этнические проблемы, или проблемы на границах коллективов пользователей языка и*

представителей титульного этноса. Этот комплекс проблем, связанных с письменностью и письменными языками, – те проблемы, которые толком не осмыслены в настоящее время ни одной из научных дисциплин, которые изучают языки, культуру и социальную среду малочисленных народов Севера РФ, хотя они не образуют самостоятельной области исследования. Они не поняты должным образом лингвистами, которые в наши дни склонны все более и более связывать языковой коллектив с частью этноса, пользующейся в той или иной форме родным, «первым» языком, в особенности если этот язык относится к числу «угрожаемых», – и не задумывающимися о том, что складывающийся в этих условиях не взаимный билингвизм имеет по существу паранормальный характер. Они не осмысливаются в должном объеме и этносоциологами, которые не осознают или не всегда осознают специфику языка как этнического маркера и компонента этнической культуры, а именно – факультативность языка в роли этнического маркера или функционирование комплекта языков (родной язык + региональный язык + государственный язык + язык преферентного общения с представителями других этносов и государств) в качестве средства региональной или территориальной идентичности и идентификации

Главная проблема, острота которой становится понятна только небольшому числу практиков, – это соотношение коллектива пользователей языка, в том числе и письменного языка, с этносом и его частями – возрастными, гендерными, социальными, профессиональными группами, в частности то, в какой мере язык сохраняется в разных возрастных и социальных группах этноса, а также этнический состав пользователей конкретного письменного языка, где главное – баланс представителей этноса – пользователей языка и количественный и качественный состав группы неэтнических пользователей языка, использующих язык в той или иной сфере общения.

То, что количество пользователей языков коренных народов Севера РФ в устной форме, в сфере повседневного внутриэтнического общения, снижается, стало общим местом тех работ

по «северной» социолингвистике, где рассматриваются результаты переписей населения РСФСР и РФ. То, что ядро пользователей письменного языка так или иначе находится внутри ядра пользователей устного языка, также в общем ясно: читающих меньше, чем говорящих, а пишущих меньше, чем читающих, вопрос только в том, насколько меньшей является каждая последующая из названных здесь групп по отношению к предыдущей. Один из вопросов тут заключен в том, как влияет этот балласт говорящих, но не читающих, и читающих, но не пишущих (а равно пишущих, но не читающих, вспомним шутку – чукча не читатель, чукча – писатель). Таких ведь довольно много, и не все они представляют этнос оленеводов и морских зверобоев с российско-американской границы. Для полноты картины надо добавить, что каждый писатель из числа аборигенных этносов Севера РФ все же хоть немного, но говорит на своем языке, даже если он не читает сочинения своих товарищей по ремеслу из соседнего улуса или области. Проблема эта – проблема пассивного балласта, тех, кто безразлично относится к письменной форме родного языка, к досаде нашей, не изучена*: здесь пока ясно, что писательство – это ключ к карьере на этнической основе, более эффективный, чем любые профессиональные достижения.

То, что границы языкового коллектива и этноса не совпадают, и то, что границы языкового коллектива более узки, чем этнические границы (число говорящих на родном языке меньше числа тех, кто идентифицирует себя с этносом, которому принадлежит этот язык). Нам понятно. Однако языковой коллектив имеет способности и даже тенденции увеличиваться количественно за счет тех представителей иных народов, которые осваивают этот язык и пользуются им в каких-то формах и каких-то сферах жизни и деятельности.

Здесь в поле внимания исследователей и в поле нашего внимания начинают входить ученые-лингвисты и отчасти этнографы, а также специалисты по проблемам преподавания языка, активно владеющие им и являющиеся авторами конкретных текстов и документов как собраний текстов на данном языке. В принципе было бы

* Здесь, пожалуй, понятно и то, что большинство представителей этой группы все же занимает проэтнические, а не прокорпоративно-профессиональные позиции в социальных и культурных оценках деятельности тех лиц, кто способствует развитию языков, литературы и фольклора коренных народов Севера.

необыкновенно интересно проследить существование такой полиэтнической и по крайней мере двуязычной среды на начальном этапе языкового строительства среди малочисленных народов Севера РФ – внимательно изучить и то, что из актуальных задач брали на себя, какую практическую работу были способны выполнять специалисты-лингвисты (написание учебников, собирание фольклора, перевод образцов фольклора и литературных произведений с национальных языков на русский язык и с русского языка на национальные языки; полевые лингвистические и этнографические исследования с использованием языка в коммуникативной функции), и то, как языковая практика специалистов по языкам: школьных учителей, вузовских преподавателей, исследователей языков и этнографии – оценивалась самими представителями соответствующих народов. Ныне, увы, эти оценки далеки от адекватности и от однозначности как в отношении профессиональных групп в целом, так и индивидумов. Северная ментальность, для которой характерно почитание «своих» и «умерших» при общем уменьшении числа почитаемых в истории образования и культуры лиц, чтит и боготворит Г.М. Василевич, вспоминает иногда Б.Л. Кронгауза, манси еще не забыли В.Н. Чернецова, говорившего на всех мансийских диалектах, эскимосы вспоминают Е.С. Рубцову и говорят, что Г.А. Меновщиков «да, тоже говорил по-эскимосски», эвены отдают почтение В.И. Цинциус и К.А. Новиковой (ни та, ни другая активно эвенским языком не владели), чукчи испытывают пиетет перед П.Я. Скориком (получившим чудовищную оплеуху от В.Г. Богораза в романе «Воскресшее племя», оказавшемся единственным из молодых североведов, о ком В.Г. Богораз отозвался отрицательно) – но не замечают тех, кто благополучно жив-здоров, но не представляет их этноса. При немногочисленности примеров здесь множество сюжетов для этносоциологии. Между тем нет даже возможности недооценивать, какой вклад внесли эти люди – по существу русско-национальные билингвы – в развитие языков коренных народов Севера, в том числе в функциональном отношении.

Данная проблема связана и с социолингвистикой, поскольку к ней относится общая характеристика доминирующего типа двуязычия с его большинством и меньшинством вариантов двуязычия и относительным процентом билингвов в

контактирующих этносах, а также рассмотрение сред и сфер использования языка, и с языковой политикой, в задачи которой входит и кураторская функция по отношению к изучению и пропаганде всех языков, представленных в социуме граждан государства. Прочитываем то определение языковой политики, которое нам кажется наиболее полным и наиболее отвечающим современным реалиям:

«ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА (от греч. politikē – искусство управлять). Совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в государстве, объединении государств. Целенаправленная и согласованная деятельность государственных органов управления образованием общегосударственного и регионального уровней, органов местного самоуправления и национальных общественных организаций в области изучения, преподавания, распространения, популяризации того или иного языка. Я. п. в многонациональном государстве учитывает такие важные факторы, как многоязычие, проблемы государственного языка, сохранение и развитие национальных языков, преподавание родного языка в школе, право на обучение на том или ином языке по свободному выбору и т. п. К области Я. п. относится также работа языковедов по подготовке нормативных словарей и справочников, пропаганда и распространение лингвистических научных знаний в СМИ, критические обзоры самих СМИ и т. п.» [Азимов, Щукин, 2009; с. 363].

В среде пользователей языков народов Крайнего Севера РФ предметом поддержки в ней – примерно до начала 1960-х годов первоначально были все без исключения специалисты по северным языкам. Впоследствии, особенно с 1970-х годов, предметом государственных забот в рамках национально-языковой политики оказались исключительно представители соответствующих этносов, причем в подавляющем большинстве представители интеллигенции, часто не вполне точно называемого элитой.

Обсуждаемая здесь проблема не является лингвистической. Это чисто этнологическая или этносоциологическая проблема, ибо любой язык, даже язык самого малочисленного народа, выучивается до любого уровня компетенции всеми желающими или заинтересованными лицами и по определению – в силу своей главной функции средства общения – он не может быть замкнут в

сфере этноса. Как раз наиболее активные процессы развития или угасания языка связаны с тем, реализуется или не реализуется у данного языка функция межэтнического или межкультурного общения – наиболее престижная из социальных функций языка.

Вообще с лингвистикой, а именно с социолингвистикой или лингвокультурологией, здесь связаны вопросы о понимании и оценке престижности языка как этнического символа и маркера, престижности пользования той или иной формой языка (от понимания разговорной речи до сочинения стихов и прозы), и престижности владения тем или иным языком или комплексом языков, и престижности профессии языковеда в ее оценке рядовыми гражданами государства – например, почему заниматься языками аборигенов Америки или Африки престижно, а языками народов Севера и Сибири – непрестижно... Почему переводить с английского или китайского языка – понятно и понимаемо, а переводить с чукотского или эвенкийского языка – кажется смешным, ненужным, никчемным.

Здесь налицо сложный комплекс проблем, которые далеко еще не все поставлены и даже не все осмыслены – от права человека выучить любой язык, которое не всегда выдерживается даже на уровне профессионального интереса специалистов-лингвистов, в контакте с представителями этноса и при наблюдении третьих лиц – представителей местной администрации, руководителей научных учреждений и подразделений, разработчиков мер в сфере этнической, социальной и языковой политики, особо пассионарных представителей этносов, которые узурпируют право выражать согласие или несогласие с намерениями в отношении их языка и оценивать, с какой целью изучается их язык – до «толерантных» отношений к требованиям отдельных лиц (как заинтересованных в каких-либо вопросах, так и сторонних наблюдателей) по поводу вмешательства в этническую среду и непонимания того, что этническая проблематика не может быть отдана на откуп этносу. Негативные последствия этой политики СССР 1970–1980-х годов мы видим воочию в форме утраты целых областей языкознания – в России, особенно в крупных и деэтнизированных научных центрах, сильно сдало позиции кавказоведение, утратило былой статус финно-угроведение, изучение тюркских языков поддерживается расширением контактов с Турцией

и повышением статуса казахского, туркменского, киргизского языков, но наука о тюркских языках Поволжья, Кавказа, Алтая и Сибири также переживает не лучшие времена. В последнем как раз и заключается главная и наиболее серьезная ошибка этнической и языковой политики во времена СССР как на уровне Союза в целом, так и на уровне Российской Федерации: базовые установки здесь были одни и те же. Самое же любопытное в том, что и этническая среда даже в городах, кажется, за исключением Прибалтики-Балтии, не проявляла заинтересованности в том, чтобы «русскоязычная» часть населения осваивала титульный или государственный язык республики. Непрестижность знания титульного языка в регионе влечет за собой профессиональную непрестижность занятия этим языком в младших поколениях лингвистов.

Вообще понимание престижности языка, которое представляет собой реалию двуязычного или многоязычного общества (в одноязычном обществе это понятие неактуально) – сложное, многоаспектное, и можно сказать, совершенно неразработанное в социолингвистике понятие. Совершенно ясно, что понятие престижности связано в первую очередь с письменной формой языка – любое свободное владение устной формой бесписьменных или «слабописьменных» (например, «новописьменных» орокского, орочского, удэгейского языков) языков даже в профессиональной среде на порядок менее престижно, нежели владение письменным языком – хантыйским, ненецким, эвенкийским, эвенским, чукотским, особенно если степень компетенции позволяет владеющему языком читать письменные тексты, не имеющие перевода, и переводить такие тексты. Здесь выстраивается шкала престижности и шкала ценностей, содержание варьирует от собственно лингвистических до культурных и научных: 1) престиж и ценности владения и пользования языком; 2) престиж и ценности знания языка на профессиональном уровне; 3) престиж и ценности практики перевода; 4) престиж и ценности контакта с региональной культурой и языками аборигенов. Обратим внимание – такая же шкала ценностей строится не только для русскоговорящих билингвов с разной степенью языковой компетенции, но и в историческом плане для билингвов – представителей коренного населения, для которого рост ценностей владения русским языком сопровождался ростом языковой

компетенции от самого контакта с пришельцами и приезжими – до литературного перевода с русского языка или лекторской, преподавательской работы на русском языке. Причины того, почему шкала языковой компетенции и потенциальные значения престижа пользования или знакомства с тем или иным языком утрачивает не только свои положительные значения, но и градационный характер в целом, нам непонятны.

5. *Социальные проблемы, или проблемы в социумах пользователей языка вне этнических характеристик на границах с иными социумами.* К этому кругу вопросов относятся все вопросы, связанные с бытованием письменного языка малочисленного народа, – это вопросы, на первый взгляд, не лежащие на поверхности, а именно – это проблемы отношений между социумами пользователей языка.

Здесь особое, наверное, наиболее важное место занимают отношения между разными пользователями языка, в том числе как активными пользователями языка, использующими язык в общении или в профессиональной деятельности, так и теми, для кого язык является лишь этническим символом (кто подчас не владеет им практически, но по социальному положению не утрачивает связей с ядром этноса), и неэтническими пользователями языка (сюда относятся представители администрации, ученые, местные жители-билингвы и полиглоты), а также теми лицами, кто берет на себя ответственность за разработку мер и проведение в жизнь языковой политики. Данная проблематика не имеет прямого отношения к языкам в их активной жизни и бытовании вообще, с той лишь ремаркой, что здесь круг вопросов охватывает сообщества лиц, в разной степени являющихся активными и пассивными пользователями этнического языка и прежде всего письменного языка, и отношения их имеют чисто общественный характер без проекций в традиционную культуру этноса и ее историю. Единственная дополнительная оговорка – конфликты в данной сфере профессиональной деятельности резко отрицательно сказываются на процессах изучения языка и этнической культуры – от процессов описания языка до осмысления перспектив бытия письменного языка в прошлом, настоящем и будущем. При этом одна конфликтующая сторона обрекает себя на отсутствие профессионального роста, другая сторона оказывается демотивированной в сфере профессиональной активности.

Все регламентирующие установки в этой области, главная из которых заключена в том, что проблемы тут должны решаться представителями самих народов, вошедшими в управляющий социум фактом получения образования, сформировались в 1960–1970-е годы, и пока нет возможности надеяться на то, что когда-то где-то представится возможность расстаться с ними и заменить их чем-либо иным.

6. *Социокультурные проблемы письменного языка малочисленных народов Севера России, или проблемы связи письменной формы языка с формами традиционной культуры этноса и современной государственной и региональной культуры* – это также неочевидные проблемы и сферы, насыщенные дискомфортными коммуникативными ситуациями. Это в первую очередь проблемы места письменного языка и книги в этнической культуре в ее изменяющихся формах – в том числе, какое место занимают данные проблемы в изучении этнической культуры на современном этапе. Другой комплекс проблем, относящихся к этой же сфере, – это вопросы места и роли родного языка в образовании в расширенном формате – от решения проблемы возраста обучения языку в организованных дошкольных, школьных и вузовских формах до объема информации о языке и культуре в образовательном процессе на разных уровнях, т.е. по результату, – до образовательных последствий изучения языка и культуры для индивида и социума, а также равным образом для стратегии этнически ориентированного образования.

В этой же сфере вопросов привлекает внимание общая структура социума пользователей письменного миноритарного языка в культурно-значимых сферах (литература и фольклор), проблемы внеэтнических сфер репрезентации и бытования языка и традиционной культуры (восприятие языка и культуры глазами неэтнических пользователей), и в конечном счете вопросы сложения внешнего имиджа этноса по языковым, культурным и социальным факторам. Сюда же, очевидно, входят и вечные российские вопросы «кто виноват?» в применении к отрицательным количественным характеристикам языковой ситуации среди народов Севера РФ, и «что делать?», поскольку решение проблем сохранения и развития языков аборигенных народов оказывается теснейшим образом связанным с локальными полиэтничными социумами и региональными

вариантами культуры. Здесь лингвистам уже не надо объяснять того, что судьба языка связана с судьбами традиционного общества и культуры, особенно ее производящего сегмента, но специалистам по культуре еще долго придется объяснять, что в их компетенцию входят и проблемы, связанные с распространением языка коренного населения и знаний об этом языке.

Несмотря на то, что большая часть перечисленных выше вопросов являются неисследованными и, по существу, не поставленными в обсуждении проблем сохранения и развития языков малочисленных народов Севера России, при наличии некоторых специальных работ в области теории и имеющихся прецедентов описания письменных языков на фоне диалектного состава языка и соотношения устной и письменной форм языка [Бурыкин, 2004] все же ныне представляется возможным сформулировать некоторые положения, которые должны являться исходными для федеральной и региональной языковой политики в области письменных языков малочисленных народов Севера РФ. Эти положения могут быть сформулированы следующим образом:

1) Язык миноритарного этноса, как устный, так и письменный, может сохраняться только в разновозрастной среде, в которой обеспечена преемственность поколений;

2) Устный и письменный язык любого народа может полноценно сохраняться и развиваться только в мультиэтнической среде, включающей неэтнических пользователей (прецедент – творчество якутоязычных писателей – представителей коренных народов Якутии);

3) Ресурсы языка, ресурсы письменной культуры (оригинальная и переводная литература) и ресурсы словесной культуры (повествовательный фольклор) должны быть обобщены и полностью открыты и доступны для всех потенциальных пользователей языка, в том числе для желающих знакомиться с языком и осваивать его;

4) В практике принятия политических решений собственно лингвистические вопросы и вопросы, относящиеся к компетенции гуманитарных наук (издание грамматических описаний, словарей, фольклора, исследование материальной и духовной культуры этносов) должны быть отделены от этносоциальных проблем, связанных с привязкой решений к коллективам этносов или их отдельным сообществам и представителям.

Литература

Аврорин В.А. Основные правила произношения и правописания нанайского языка. – Л., 1957.

Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (Теория и практика обучения языкам). – М.: Икар, 2009.

Афанасьева О.И. Чтение в Республике Саха (Якутия) и его влияние на организацию библиотечного обслуживания: Автореф. дис. ...канд. пед. наук. – Новосибирск, 2003.

Баландин А.Н. Основные правила произношения и правописания мансийского языка – Л., 1958.

Бурыкин А.А. К фонологической интерпретации некоторых явлений в вокализме диалектов эвенского языка // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. – Новосибирск, 1986. – С. 57–63.

Бурыкин А.А. Язык малочисленного народа в его письменной форме. Социолингвистические и собственно-лингвистические проблемы (на материале эвенского языка). – СПб., 2004.

Бурыкин А.А. Тенькинский диалект эвенского языка // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2011. – № 3. – С. 81–90.

Горцевская В.А., Константинова О.А., Колесникова В.Д. Основные правила произношения и правописания эвенского языка. – Л., 1958.

Гуляева Е.П. История книги в Якутии (1812–1917 гг.). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Якутск, 2004.

Гуляева Е.П. Издательская деятельность русской православной миссии в Якутии (1812–1916) // Якутский архив. – 2002. – № 4 (8). – С. 19–26.

Гуляева Е.П. Якутская книга до 1917 г. // Илин. – 1992. – № 1. – С. 41–45.

Васильева Н.М. Становление и развитие якутской орфографии: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Якутск, 2013.

Вахтин Н.Б. Коренное население Российской Федерации. – СПб., 1993.

Винокуров И., Винокурова Н. Орфография якутского языка. Якутск: ЯГУ, 2002.

Кошкарёва Н.Б. Актуальные вопросы совершенствования хантыйской графики и орфографии // Вестник угроведения. – 2013. – № 3 (14). – С. 47–78.

Лиховид Ф.Я. Библиотечное обслуживание малых народов Крайнего Севера: Автореф. дис. . канд. пед. наук. – М., 1959.

Новикова К.А. Основные правила произношения и правописания эвенского языка. – Л., 1958.

Новикова К.А., Лебедев В.Д. Правила орфографии эвенского языка. – Якутск, 1980.

Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. – М., 1971.

Письменность народов Сибири: история и перспективы. – Новосибирск, 1981.

Терещенко Н.М. Основные правила произношения и правописания ненецкого языка. – Л., 1958.

A.A. Burykin

Problems of writing and written languages of the indigenous peoples of the North of the Russian Federation at the present stage

The paper covers a wide range of linguistic and sociological scientific disciplines deal with creation, development and functioning of the written form of languages of the indigenous peoples of the Far North, Siberia and the Far East of Russia. The author shows that character of functioning of the written languages of the indigenous peoples of the North of Russia does not depend on the degree of simplicity of the writing and its equivalent to a sound system of language, but from more significant reasons deal with the language situation, first of all with the unbalanced bilingualism, initiating the remarkable decrease in prestige of indigenous languages and for natural media, and for most peoples in the regions inhabited by indigenous peoples.

Keywords: language situation, written language, the written form of language, sociolinguistics, language sociology, cultural science, the indigenous peoples of the North.

УДК 811.512.212-342

*И.Я. Селютина, Н.С. Уртегешев, А.А. Добринина, Т.Р. Рыжикова,
А.Ю. Летьгин, А.И. Шевела*

Новейшие технологии в аппаратных исследованиях звуковых систем языков Сибири: эвенкийский язык*

Впервые с использованием новейших технологий магнитно-резонансного томографирования и дигитального рентгенографирования получен и введён в информационное поле научного сообщества объективный экспериментально-фонетический материал по исчезающим языкам. Анализ комплексных инструментальных данных по фонетике эвенкийского языка позволил выявить место его консонантизма в типологической классификации и определить доминантные характеристики артикуляционно-акустической базы этноса.

Ключевые слова: фонетика, фонология, тунгусоманьчжурские языки Сибири, артикуляционно-акустическая база, экспериментально-фонетические методы.

Исследования различных аспектов языков коренных народов Сибири направлены на распространение культурного многообразия и сохранение языков, находящихся под угрозой исчезновения, и основываются на признании того, что язык является не просто важным средством коммуникации, но также и неотъемлемой частью самосознания и идентификации как отдельной личности, так и общества в целом.

Безотлагательность проведения экспериментально-фонетических исследований, цель которых – планомерная и последовательная доку-

ментация, изучение и описание фонетики младописьменных, новописьменных или бесписьменных языков и территориальных диалектов коренных этнических групп Сибири, обусловлена невозможностью корректного изучения звуковых систем и, прежде всего, артикуляционно-акустических баз (ААБ) этносов без наличия носителей языка, хорошо владеющих навыками произношения. Зафиксировать и изучить особенности ААБ исчезающих языков, сохранить их для науки – приоритетная задача сибирских ученых.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Сибирского отделения РАН (Конкурс междисциплинарных интеграционных проектов фундаментальных исследований 2012–2014 г., проект № 121).

Инструментальные исследования языков народов Сибири, Севера и Дальнего Востока, выполняемые фонетистами Института истории, филологии и философии СО АН СССР (ИИФФ СО АН СССР; ныне – Институт филологии СО РАН) с конца 60-х годов XX в., начиная с 2009 г. проводятся в кооперации с медиками, программистами и инженерами институтов СО РАН медицинского профиля: Института химической биологии и фундаментальной медицины и Института «Международный томографический центр». Междисциплинарный характер исследования позволил использовать в работе по изучению звуковых систем языков народов Сибири и сопредельных регионов цифровой рентгенограф («Сибирь-Н», созданный в Институте ядерной физики СО РАН) и магнитно-резонансный томограф (фирмы «Philips medical systems») [Селютин, Уртегешев, Рыжикова и др., 2013, с. 94–100].

Перевод фонетических исследований на высокоточную рентгеновскую и электронную аппаратуру, обеспечивающую безопасность эксперимента и расширение объема выборки, а также повышающую информативность материалов, позволил сформировать электронную базу соматических инструментальных данных, полученных от 96 информантов по 36 языкам, территориальным диалектам и говорам Сибири и сопредельных регионов.

Начало экспериментально-фонетическим исследованиям эвенкийского языка было положено в 30-е гг. XX в. в Лаборатории экспериментальной фонетики Ленинградского университета [Горцевский, 1939; Матусевич, 1960; Константинова, 1964]. Традиции Ленинградской фонологической школы, сформированной академиком Л.В. Щербой, были продолжены в 60-е гг. его учеником В.М. Надеяевым в основанной им в ИИФФ СО АН СССР (г. Новосибирск) Лаборатории экспериментально-фонетических исследований (ЛЭФИ). Под его руководством были изучены различные аспекты звукового строя около 40 языков, диалектов и говором Сибири и сопредельных регионов. В 70–80-е гг. проводились аппаратные исследования баунтовского и полигусовского говором эвенкийского языка [Симонов, 1976а; 1976б; Гулимова, 1982]. Наиболее полное систематическое изучение эвенкийской фонетики на объективном инструментальном материале, полученном с использованием комплексной методики от носителей томмотского говора, выполнено в ЛЭФИ

Т.Е. Андреевой; полученные ею результаты нашли отражение в цикле научных статей и в двух фундаментальных монографиях [Андреева, 1988; 2001]. Новейшие экспериментальные данные, иллюстрирующие акустические и перцептивные характеристики согласных в говоре селемджинцев, приведены О.Н. Морозовой [Morozova, 2013].

В статье «Принципы классификации согласных фонем эвенкийского языка» Е.Ф. Афанасьева [2010, с. 14–20] проанализировала итоги предшествующих исследований эвенкийского консонантизма и привела полученные ею новые данные по баргузинскому говору.

В данной статье представлены результаты обработки материалов, полученных методами магнитно-резонансного томографирования (МРТ) и дигитального рентгенографирования по одному из говором восточного наречия эвенкийского языка – селемджинскому. Объектом исследования является система согласных фонем говора и артикуляционно-акустическая база селемджинской этнической группы в области консонантизма.

Анализ лингвистического материала свидетельствует о функционировании в селемджинском говоре эвенкийского языка 18 согласных фонем: [p], [b], [ʈ], [m], [t], [d], [A], [E], [D], [ʌ], [Mʃʔʂ], [Nʃʔʂ], [Q], [O], [k], [a], [b], [q]. Класс шумных включает 10 единиц: [p], [b], [t], [d], [A], [Mʃʔʂ], [Nʃʔʂ], [k], [a], [q], класс малошумных – 8 фонем: [ʈ], [m], [E], [D], [ʌ], [Q], [O], [b].

Все согласные распределяются по пяти артикуляторным рядам: губные [p], [b], [ʈ], [m] (рис. 1–3); переднеязычные [t], [d], [A], [E], [D], [ʌ] (рис. 4–5); передне-среднеязычные [Mʃʔʂ], [Nʃʔʂ], [Q], [O] (рис. 6–7); заднеязычно-мягконёбные [k], [a], [b] (рис. 8–9); фарингальные [q] (рис. 10).

По способу образования шумообразующей преграды выделяются 4 класса: смычные (11 единиц) [p], [b], [m], [t], [d], [D], [ʌ], [O], [k], [a], [b], щелевые (4 единицы) [ʈ], [A], [Q], [q], смычно-щелевые (2 фонемы) [Mʃʔʂ], [Nʃʔʂ] и вибрант [E].

По сложности артикуляции все согласные, простые по способу образования шумообразующей преграды, вступают в оппозицию с двумя смычно-щелевыми (аффрикатами) [Mʃʔʂ] и [Nʃʔʂ].

Томограммы и томосхемы согласных эвенкийского языка
(селемджинский говор)

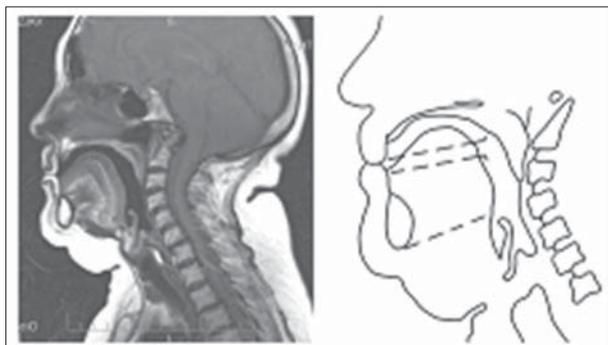

Рис. 1. Смычный губно-губной сильный, умереннопалатализованный, глухой ртовый *p* «об» в словоформе чэийи́ 'утопить'

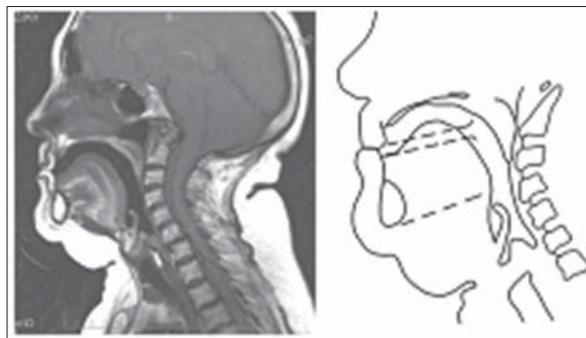

Рис. 2. Смычный губно-губной сильный, умереннопалатализованный, звонкий ртовый *b* «бб» в словоформе бабир 'морщинка'

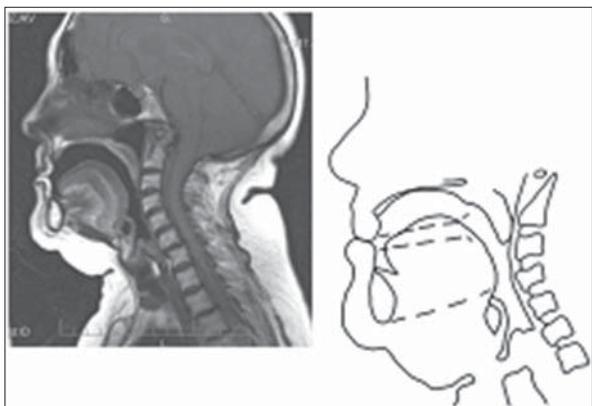

Рис. 3. Смычный губно-губной сильный, слабопалатализованный, звонкий носовой согласный *m* «т К» в словоформе эмэм 'пришел=я'

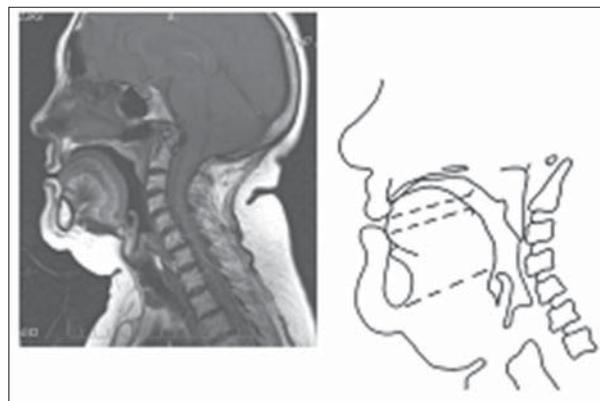

Рис. 4. Смычный переднеязычный, слаборсальный, умереннонапряженный, слаболабиализованный, слабопалатализованный глухой ртовый *t* «т КЮ» в слове амут 'озеро'

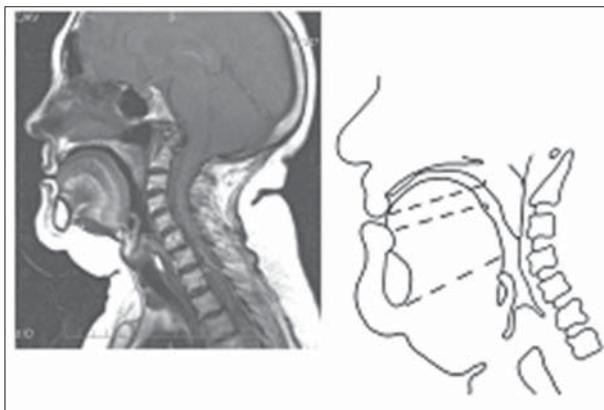

Рис. 5. Смычный переднеязычный, дентальный, слаборсальный, умереннонапряженный, слаболабиализованный, слабопалатализованный глухой *t* «т КЮ» в слове дэт 'тундра'

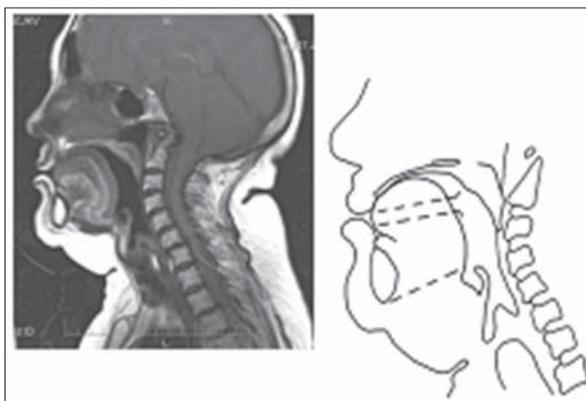

Рис. 6. Смычный передне-среднеязычный, альвеолярно-переднетвёрдонёбный, умереннонапряженный, сильнолабиализованный звонкий *d* «НЮ» в слове дюр 'два'

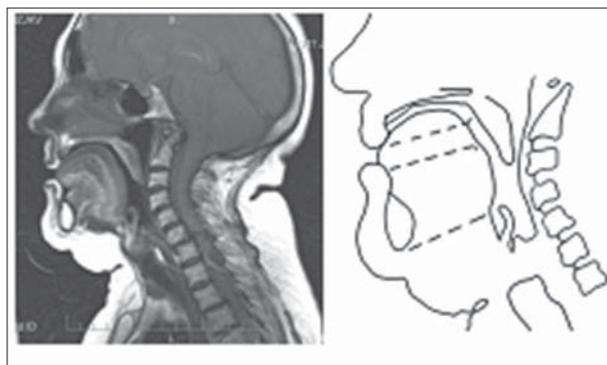

Рис. 7. Смычный передне-среднеязычный, дентально-переднетвёрдонёбный, умереннонапряжённый звонкий носовой согласный н «О» в словоформе нян 'снава, опять'

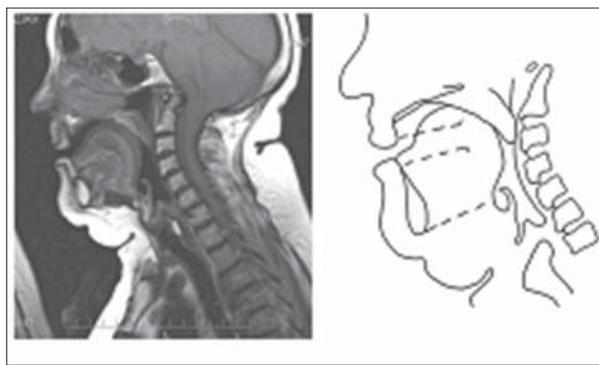

Рис. 8. Смычный двуактивный межзубноязычно-заднеязычный : велярный умереннонапряжённый глухой ротовый согласный к «W/]:q» в словоформе heika 'ловкий'

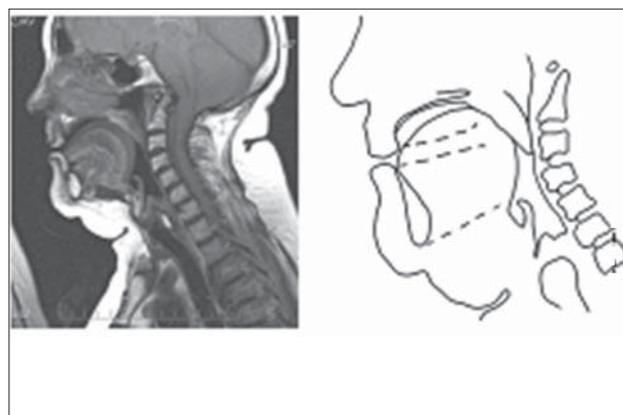

Рис. 9. Смычный двуактивный заднеязычный : велярный умереннонапряжённый слаболабиализованный звонкий ротовый г «aЮ:q» в словоформе дага 'близко'

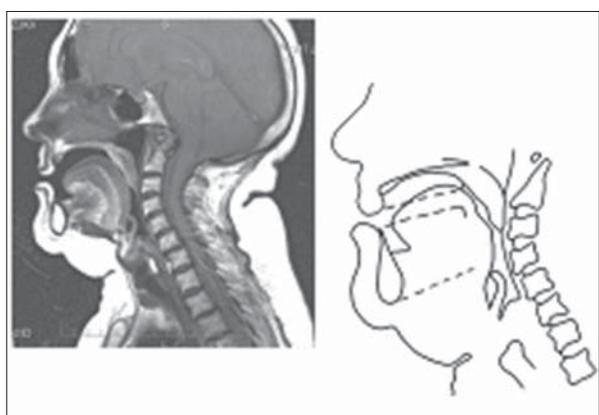

Рис. 10. Щелевой фарингальный умереннонапряжённый слаболабиализованный глухой ротовый h «hЮ» в словоформе oha 'камыс (шкура с оленьей ноги)'

Анализ акустических характеристик реализаций фонем свидетельствует о релевантности оппозиции по глухости: [p], [t], [A], [МЪ?б], [k], [q] / звонкости [b], [d], [NЪ@б], [a] / сонорности [4], [m], [E], [D], [<], [Q], [O], [b]. Противопоставление по работе голосовых связок является системообразующим для консонантизма тунгусоманьчжурских языков, а из тюркских языков Сибири – для якутского и долганского [Андреева, 1988; Дьячковский, 1977; Бельтюкова, 2004]. Релевантность признаков глухость / звонкость в языках якутов и долган – результат длительного контактирования предков современных якутов и долган с тунгусоманьчжурскими этносами, усиленного позднее влиянием русского языка.

Аналогичные процессы перестройки происходят и в тюркских языках Южной Сибири: в сагайском диалекте хакасского [Субракова, 2006], в калмыцком языке [Уртегешев, Рыжикова, Селю-

тина и др. 2012, с. 144–149]. Но во всех языках трансформации консонантных систем имеют свою специфику, обусловленную различием путей формирования этносов и их языков.

Инструментальные данные по консонантизму селемджинского говора эвенкийского языка свидетельствуют о том, что фонические признаки степени напряжённости речевого аппарата, палатализованности и длительности не выполняют дифференциальной лингвистической функции в системе, но являются оттенковыми, обусловленными фонетическим контекстом.

Для артикуляционно-акустической базы эвенков-селемджинцев несвойственна сильная напряжённость: манифестации фонем – как шумных, так и малозумных, определяются как умереннонапряжённые (за исключением губных). По данному признаку в эвенкийском языке обнаруживается типологическое сходство с угро-самодий-

скими языками [Глухий, 1978; Столярова, 1980; Верте, 2003], тюркскими языками алтае-байкальского региона, сформировавшимися в результате тюркизации угро-самодийского населения с неприемлемой для его ААБ сильной артикуляцией [Чумакаева, 1978; Селютина, 1983; Кирсанова, 2003; Сарбашева, 2004], а также с одним из языков монгольской семьи – бурятским [Соктоева, 1988]. В этом же заключается его типологическое отличие от консонантных систем таких языков урало-алтайской общности, как халха-монгольский [Наделяев, 1985], калмыцкий [Биткеев, 1965], южносибирские тюркские языки саяно-байкальского региона (тувинский [Кечил-оол, 2006], тофский [Наделяев, 1969], шорский [Уртегешев, 2002], барабинско-татарский [Рыжикова, 2005]).

Специфической чертой эвенкийского консонантизма в его селемджинском варианте, сближающей его с одним из контактных тюркских языков – якутским, является превалирование в системе смычных по способу образования согласных (11 единиц) над щелевыми (4 единицы).

Переднеязычные согласные по типу настройки основного произносительного органа определяются как дорсальные; кончиковых – апикальных и какуминальных, констатируемых в большинстве языков Сибири и сопредельных регионов, в эвенкийском-селемджинском не зафиксировано.

Наличие в системе 5-го фонематического артикуляторного ряда – фарингального – сближает эвенкийский консонантизм с бурятским, включающим аналогичный компонент в фонологическом статусе. Ряд монголистов трактуют фарингальный *h* как один из элементов эвенкийского фонетического субстрата в бурятском языке, сформировавшемся на циркумбайкальской территории в результате длительного взаимодействия эвенкийского и монгольского этносов [Бураев, 1987]. Монгольский (бурятский) язык сохранил свою лексику, грамматический строй, но приобрел ряд фонетических особенностей, обусловленных спецификой артикуляционно-акустической базы контактирующего эвенкийского языка.

Консонантизм селемджинского говора характеризуется фактически тотальной палатализацией настроек – слабой или умеренной. В умереннопалатализованных вариантах фонемы реализуются в препозиции к гласным переднего ряда (см. рис. 1, 2), в слабопалатализованных – в преили постпозиции к непереднерядным вокальным компонентам (см. рис. 3–5); исключение состав-

ляют среднеязычные согласные – мягкие по своей природе (см. рис. 6, 7) и гуттуральные консонанты (см. рис. 8–10).

В языке эвенков-селемджинцев не зафиксированы дополнительные к основной веляризованные, увуларизованные и фарингализованные артикуляции, продуктивные в большинстве обследованных методами рентгено- и томографирования языков Сибири. Эпизодически в эвенкийском, как и в других сибирских языках, встречается не обусловленная фонетическим контекстом или исторически лабиализация (см. рис. 5, 9).

Крайне слабо выражена назальность как основная настройка согласных: при артикулировании носовых звуков нёбная занавеска, включая увулу, либо отстоит от задней стенки фаринкса на минимальное расстояние (см. рис. 7), либо на снимке фиксируется смычка (см. рис. 3), заставляя предположить наличие боковых щелей для выхода воздушной струи через носовую полость. Назализованные же консонантные артикуляции, встречающиеся в других языках Сибири, как правило, на фоническом уровне, в эвенкийском-селемджинском не отмечены.

Специфика артикуляционно-акустической базы эвенкийского языка определяется общей более передней по сравнению с большинством обследованных языков Сибири локализацией произносительных настроек согласных. Губные, переднеязычные и передне-среднеязычные артикуляции (14 единиц) преобладают, класс гуттуральных фонем представляют лишь 4 фонемы; при этом классические увулярные реализации в системе не зафиксированы. Манифестации заднеязычно-мягконёбных фонем [к] и [а] реализуются при взаимной активности межзубно-заднего участка спинки языка и средней части мягкого нёба, без включения в настройку увулы (аналогичные артикуляции зафиксированы во всех южносибирских тюркских языках [Селютина, Уртегешев, Летягин и др., 2012, с. 211–252], но наряду с чисто увулярными вариантами). Тотальная палатализованность настроек, при которых тело языка продвигается вперёд-вверх (см. рис. 1–5), увеличивая объём заднертово-глоточного отдела резонаторной трубы и обуславливая акустический эффект мягкости, при отсутствии продуктивных в языках Сибири веляризованных, увуларизованных и назализованных артикуляций, также свидетельствуют о выдвинутости механизмов звукообразования вперёд как артикуляционно-базовом

признаке селемджинских эвенков в области консонантизма.

Дальнейшие исследования звуковых систем говоров эвенкийского языка с использованием новейших высокоточных технологий позволят не только выявить специфику артикуляционно-акустических баз локальных этнических групп эвенков, но и установить причины, детерминирующие различия в структурно-таксономической организации вокальных и консонантных систем, выявить ретроспективу и прогнозировать пути дальнейшего развития фонетических систем.

Литература

- Андреева Т.Е.* Звуковой строй томмотского говора эвенкийского языка: Экспериментально-фонетическое исследование. – Новосибирск, 1988.
- Андреева Т.Е.* Словесное ударение в эвенкийском языке (на материалах эвенков Якутии): Экспериментально-фонетическое исследование. – Новосибирск, 2001.
- Афанасьева Е.Ф.* Принципы классификации согласных фонем эвенкийского языка // Вестник ЧитГУ. – 2010. – № 6 (63). – С. 14–20.
- Бельтюкова Н.П.* Консонантизм долганского языка (экспериментальное исследование). – Томск, 2004.
- Биткеев П.Ц.* Согласные фонемы калмыцкого языка. – Улан-Удэ, 1965.
- Бураев И.Д.* Становление звукового строя бурятского языка. – Новосибирск, 1987.
- Верте Л.А.* Консонантизм хантыйского языка (экспериментальное исследование). – Новосибирск, 2003.
- Глухий Я.А.* Консонантизм энецкого языка (диалект бай) по экспериментальным данным: Автореф. дис. ... канд. филол. н. – Л., 1978.
- Горцевский А.А.* Фонетические трудности при обучении эвенков (тунгусов) русскому языку. – Л., 1939.
- Гулимова Г.В.* Настройки гласных полигусовского говора эвенкийского языка (по данным рентгенографирования) // Экспериментальная фонетика сибирских языков. – Новосибирск, 1982. – С. 96–132.
- Дьячковский Н.Д.* Звуковой строй якутского языка. Часть II. Консонантизм. – Якутск, 1977.
- Кечил-оол С.В.* Типологическая специфика консонантизма сут-хольского говора в системе говоров и диалектов тувинского языка. – Новосибирск, 2006.
- Кирсанова Н.А.* Консонантизм в языке чалканцев (по экспериментальным данным). – Новосибирск, 2003.
- Константинова О.А.* Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. – Л., 1964.
- Матусевич М.И.* Очерк системы фонем ербогачёнского говора эвенкийского языка на основе экспериментальных данных // Учёные записки ЛГУ. – 1960. – Т. 237. – С. 132–169.
- Наделяев В.М.* Особенности звуковой системы языка тофов // Материалы конф. «Этногенез народов Северной Азии». – Новосибирск, 1969. – С. 235–236.
- Наделяев В.М.* Состав фонем в звуковой системе современного монгольского языка // Фонетика сибирских языков. – Новосибирск, 1985. – С. 3–24.
- Рыжикова Т.Р.* Консонантизм языка барабинских татар: сопоставительно-типологический аспект. – Новосибирск, 2005.
- Сарбашева С.Б.* Фонологическая система тубадиалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте). – Новосибирск, 2004.
- Селютина И.Я.* Кумандинский консонантизм. Экспериментально-фонетическое исследование. – Новосибирск, 1983.
- Селютина И.Я., Уртегешев Н.С., Летягин А.Ю. и др.* Артикуляторные базы коренных тюркских этносов Южной Сибири (по данным МРТ и цифровой рентгенографии). – Новосибирск, 2012.
- Селютина И.Я., Уртегешев Н.С., Рыжикова Т.Р. и др.* Исследования звуковых систем языков народов Сибири с использованием новейших технологий // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 1. – С. 94–100.
- Симонов М.Д.* Опыт спектрографического анализа эвенкийских гласных (на материале баунтовского говора) // Исследования по фонетике сибирских языков. – Новосибирск, 1976а. – С. 153–174.
- Симонов М.Д.* Относительная длительность гласных в двусложных словоформах эвенкийского языка // Сибирский фонетический сборник. – Улан-Удэ, 1976 б. – С. 3–17.
- Соктоева С.П.* Консонантизм хоринского диалекта бурятского языка. – Новосибирск, 1988.
- Столярова А.К.* Консонантизм нганасанского языка (по экспериментальным данным): Автореф. дис. ... канд. филол. н. – Л., 1980.
- Субракова В.В.* Система согласных сагайского диалекта хакасского языка. – Новосибирск, 2006.
- Уртегешев Н.С.* Шумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). – Новосибирск, 2002.
- Уртегешев Н.С., Рыжикова Т.Р., Селютина И.Я. и др.* Состав согласных фонем в языке калмыков // Сравнительно-сопоставительное изучение языков, литературы и культуры народов РФ и актуальные проблемы их функционирования и трансформации: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. – Якутск, 2012. – С. 144–149.
- Чумакаева М.Ч.* Согласные алтайского языка. – Горно-Алтайск, 1978.
- Morozova O.* Acoustic and perceptual features of Selemdzha Evenki consonants // Proceedings of the 11th Seoul International Altaistic Conference. Synchronic and diachronic studies on Altaic languages. 5–7 December 2013. Seoul National Univ., Korea. – P. 233–247.

The newest technology in the hardware research sound systems of the languages of Siberia, Evenki language

The objective experimental-phonetic data on the endangered languages have been obtained by the techniques of the magnetic-resonance tomography and digital radiography and reported to the scientific society. The analysis of complex instrumental data on the Evenki language phonetics has made it possible to reveal the place of its consonantism in the typological classification and to define the dominant ethnic characteristics of the articulatory-acoustic base of the ethnos.

Keywords: phonetics, phonology, Manchu-Tungus languages of Siberia, articulatory-acoustic base, experimental-phonetic methods.

УДК 811.512.

Е.Ф. Афанасьева

Экспериментальные исследования баргузинского говора эвенкийского языка

Статья посвящена проблемам документирования звуковой формы баргузинского говора современного эвенкийского языка и разработке его мультимедийного фонда по результатам полевых экспедиций в районы проживания баргузинских эвенков, дается краткая характеристика гласных и согласных фонем баргузинского говора.

Ключевые слова: эвенки, эвенкийский язык, баргузинский говор, мультимедийный фонд говора, полевые экспедиции, звукозаписи, дикторы, расшифровки.

На баргузинском говоре в настоящее время говорят конные эвенки (тунгусы) или, как их еще называют, мурчены, проживающие в Баргузинском и Курумканском районах Бурятии.

Одной из первых работ на русском языке в области изучения баргузинского говора является работа Н.Н. Поппе [1927]. Им даны тексты загадок, сказок, одного сказания с переводом, записанных от слушателя подготовительного отделения Ленинградского Института живых восточных языков П.Н. Баранова, и словарь. В предисловии Поппе [1927, с. 4] отмечает, что «...наречие баргузинских тунгусов весьма близко к наречиям урульгинскому и маньковскому, исследованным Кастреном...». И в сопоставлении с работой Кастрена Поппе кратко характеризует морфологию баргузинского говора, не описывая его фонетические и синтаксические особенности. Позднее, опираясь на материалы Н.Н. Поппе, В.А. Горцевская [1936, с. 4] дает характеристику баргузинского говора в сравнении с нормами литературного эвенкийского языка, при этом отмечая, что «выдвигаемые положения по харак-

теристике фонетических, морфологических и прочих особенностей говора баргузинских эвенков основываются исключительно на примерах из указанных текстов и словаря к ним».

О некоторых морфологических, лексических особенностях баргузинского говора в разные годы писали М.Д. Симонов, Н.И. Гладкова, Д.М. Берелтуева и др. Вместе с тем, нет полного описания данного говора, в том числе остаются не исследованными его фонетические особенности, отсутствует диалектологический словарь. Многовековое соседство баргузинских эвенков с бурятами, ассимилятивные явления, языковая ситуация среди молодежи баргузинских эвенков – все это сказывается на степени сохранности родного языка. Поэтому актуальна проблема изучения звукового строя говора, сохранения его звуковой базы данных, описания звуковых характеристик речи баргузинских эвенков. Современные технические возможности комплексного экспериментально-фонетического анализа языкового материала, развитие информационных технологий, широкое внедрение средств компьютерного

анализа речи существенно позволяют исследовать звуковую форму языка.

В Бурятском государственном университете на кафедре языков коренных народов Сибири разрабатывается мультимедийный (звуковой) фонд баргузинского говора современного эвенкийского языка на представительном звуковом материале.

Содержание фонда: звуко- и видеозаписи собирались на протяжении нескольких лет в ходе полевых экспедиций на территории Баргузинского и Курумканского районов. Цель разработки фонда связана с проблемой документирования звуковой формы языка в компьютерном виде, хранение собранной лингвистической информации с возможностью использования материала в исследовательских и образовательных целях.

Мультимедийный фонд баргузинского говора отражает все основные формы функционирования эвенкийского языка, систему данного говора на разных уровнях (фонетика, лексика, грамматика). Содержание отражает методику и философию сбора материала, а именно 1) речевой материал, представленный в звуковом корпусе (слова, тексты); 2) отбор дикторов, 3) условия записи, 4) анкетирование (работа с информантами), 5) определение технических стандартов корпуса, 6) решение проблемы общего и индивидуального при сведении в единую систему самых разных диалектов, 7) структурирование речевого материала в системе для обеспечения удобного доступа к информации потенциальным лингвистам-исследователям и носителям эвенкийского языка, студентам и преподавателям.

Основными модулями фонда являются: фонотека изолированно произнесенных гласных (Модуль 1), фонотека всех возможных слогов (Модуль 2), фонотека специальным образом подобранных слов и словосочетаний (Модуль 3), фонотека устных текстов в исполнении носителей баргузинского говора (Модуль 4).

Дикторами являются носители данного говора с разным уровнем образования, как с высшим, так и средним, разного социального положения, разных профессий, проживающие как в сельской, так и в городской местности. Возраст информантов варьирует от 18 до 85 лет. Имеются как мужские, так и женские голоса.

Звукозаписи производились в условиях Лаборатории экспериментальной фонетики Санкт-Петербургского государственного университета,

в студии записи Бурятской телерадиокомпании (г. Улан-Удэ) и в полевых условиях: в селах Алла, Курумкан, Улюнхан Курумканского района, селах Суво, Бодон Баргузинского района.

Обработка и тестирование звукового материала. Подготовленные звукозаписи оцифровываются и хранятся в отдельных файлах. В работе используются программы Praat [Электр. ресурс], Sound Forge 9.0 [Электр. ресурс]. Каждому файлу присваивается номер и имя. Готовые звуковые файлы заносятся в базу данных, которая сопровождается информацией о дикторах, времени записи материала, месте записи, продолжительности звучания и т. д. Звуковой материал подвергается слуховому тестированию носителями языка и специалистами-фонетистами Бурятского государственного университета.

На материале корпуса производится экспериментально-фонетический анализ, сопровождающийся описанием акустических свойств звуковых единиц.

Расшифровка образцов устной речи – важный и трудоемкий этап при формировании звукового корпуса языка. Большинство записей расшифровывается при содействии носителей языка. Документируется звучащая речь при помощи знаков международного фонетического алфавита IPA [Электр. ресурс]. Запись производится по разработанным автором правилам фонематического и фонетического транскрибирования современного эвенкийского текста.

В данной работе мы даем краткую фонологическую характеристику гласных и согласных баргузинского говора эвенкийского языка, основываясь на данных слухового анализа и некоторых экспериментальных результатов.

В работе используется Международный фонетический алфавит. В / / скобках дается фонематическая транскрипция, в [] скобках – фонетическая транскрипция, буква обозначается знаком < >.

В баргузинском говоре эвенкийского языка 11 гласных фонем /a/, /a:/, /ɛ/, /ɔ/, /ɔ:/, /i/, /i:/, /u/, /u:/, /e/, /e:/, 18 согласных фонем: /b/, /β/, /g/, /d/, /dʰ/, /j/, /k/, /l/, /m/, /n/, /nʰ/, /p/, /r/, /s/, /t/, /h/, /tʃ/.

Гласные и согласные фонемы противопоставлены друг другу и используются для образования и различия звуковых оболочек значимых единиц языка: слов и морфем. Например: /ɑrɑn/ «едва» – /iɡin/ «время созревания чего-либо» – /uɡun/ «радость» – /ɛɡin/ «дыхание» – /ɑ:ɣɛn/ «он

поспал» – /i:ɾɛp/ «он вошел» – /u:ɾɛp/ «он соскребок скребком мездру шкурки» – /ɔ:ɾap/ «он что-либо сделал», /nʌmʌ/ «седло» – /nʌmʌ/ «тепло», /dʰaka/ «воротник» – /daku/ « меховая шуба» – /nʌka/ «хорошо, неплохо» – /nɛku:n/ «младший брат (сестра)» – /hɛku/ «жарко» и т.д.

Состав гласных фонем

Большинство гласных в баргузинском говоре не имеют позиционных ограничений в слове. Например, долгие фонемы /a:/, /ɔ:/, /i:/, /u:/ встречаются в изолированной позиции. Например: /a:/ «спать», /ɔ:/ «сделать», /i:/ «войти», /u:/ «скребок для соскабливания мездры». Исключение составляет фонема /e:/, которая выделяется из системы долгих фонем. По мнению В.И. Цинциус [1949, с. 106], данная фонема «как бы несколько обособленная из числа других гласных». Ученые-тунгусоведы дифференцируют ее по-разному, особенно по вертикали (ширине раствора), относя эту фонему либо к широким [Василевич, 1940, с. 14; 8; Константинова, 1964, с. 7–8], либо к узким [Цинциус, 1949, с. 73]. Мы же определяем ее по ширине раствора, т.е. по вертикали, как полуширокую по нескольким причинам [Афанасьева, 2010, с. 157]. Во-первых, акустически она отличается как от широких, так и от узких, сходна с русским /e/ между твердым и мягким согласным, как например, в словах <цепь, шесть> и т.д. Во-вторых, при включении в область гармонии гласных она также стоит несколько обособленно: после слогов с /e:/ могут следовать только слоги с /a/, /a:/ и с узкими гласными /i/, /i:/, /u/, /u:/. В-третьих, ограниченное позиционное употребление в словах. Обычно она употребляется в первом слоге после всех согласных, за исключением <т, д, н>, но не смягчает их: /be:ga/ «месяц, луна», /ge:/ «второй, другой», /me:βan/ «сердце», /ke:kta/ «битое стекло», /pe:ju/ «сорога», /se:n/ «ухо». В середине слова данная гласная встречается в ограниченном количестве: /kɔle:kɛ/ «карась», /ɔge:βu:n/ «берестяная труба для охоты на изюбра». В конце слов /e:/ в основном употребляется в междометиях: /kire:/ «Фу, дрянь!», /nʌmure:/ «Ой, щекотно!».

В эвенкийском литературном языке долгая фонема /e:/ не имеет краткой пары /e/. В баргузинском же говоре краткая фонема /e/ дифференцируется.

В баргузинском говоре фонема /ɛ:/ (по МФА /ɛ:) отсутствует. В.А. Горцевская [1936, с. 7] кон-

статировала, что лишь «когда звук /ɛ/ стоит под долгой, он в баргузинском говоре звучит, в любом положении, как /o:/, т.е. лит. /ɔ:/. По результатам слухового анализа звукозаписей от носителей баргузинского говора, нами выявлено, что долгая фонема /ɛ:/ в современном баргузинском говоре характеризуется как гласная заднего ряда, слегка огубленная фонема /a:/ /mʌnɛkʌn/ «я сам», /saksɛ/ «кровь» [Афанасьева, 2010, с. 157].

Баргузинскому говору не свойственно стечение гласных внутри слова.

Таким образом, вокалическая система баргузинского говора отличается от системы литературного эвенкийского языка составом фонем и различной фонологической трактовкой отдельных гласных.

Состав согласных фонем

Количество согласных фонем баргузинского говора такое же, как и в литературном эвенкийском языке, но фонологическая характеристика отдельных фонем различается.

Серединный щелевой согласный /β/ в баргузинском говоре по форме щели является плоскощелевым. В других говорах эвенкийского языка он характеризуется по-разному. Так, по данным экспериментального исследования ербогачёнского говора, губной щелевой звонкий согласный /β/ имеет несколько аллофонов: может артикулироваться либо как шумный щелевой, либо как сонант [Матусевич, 1960, с. 157]. В полигусовском говоре, основе литературного языка, он характеризуется как плоскощелевой /β/, так же как и в ряде говоров северного и восточного наречий. В говорах южного наречия, в частности в сымском, определяется как круглощелевой /w/ [Василевич, 1948, с. 66]. У этого согласного нет парной глухой фонемы, но имеется глухой аллофон: перед глухими согласными и в конце слов оглушается. Например, эвчэ [ɛftʃɔ] «легкие», танивка [tʌnɪfkʌ] «счет», дяв [dʰɔf] «лодка», бакачав [bʌkʌtʃʌf] «я нашел». В баргузинском говоре слов как с начальным, так и с конечным /β/ немного. В литературном языке значительно шире конечный /β/ распространен как суффиксальный показатель и входит в состав ряда грамматических формантов, но в баргузинском говоре /β/ в суффиксах переходит в /p/. Сравнить: /huna:t-βɛ/ (лит.) – /huna:t-pɛ/ (барг.) «дочь – вин.п.», /murinduk-βi/ (лит.) – /murinduk-pi/ (барг.) «от своего коня – отл.п.». Как некоторую особенность баргузин-

ского говора надо отметить соответствие согласного /β/ согласному /g/ в литературном языке: /uβigit/ (барг.) – /ugigit/ (лит.) «сверху», /uβirkel/ (барг.) – /ugirkel/ (лит.) «подними». Такое чередование встречается в основном в сочетании /ugi-/.

Среди сонантов в эвенкийском языке выделяется фонема /nⁱ/, которая имеет разные трактовки. Так, А.А. Горцевский [1939, с. 33], А.Ф. Бойцова [1948, с. 194] относят /nⁱ/ к переднеязычным палатализованным, а В.И. Цинциус [1949, с. 213], О.А. Константинова [1964, с. 23] описывают ее как среднеязычную. В баргузинском говоре, по нашим экспериментальным данным, согласный /nⁱ/ имеет признаки среднеязычного смычного малозвонного сонантного согласного. В словах встречается только в начале и середине слова. Не употребляется перед согласными, за исключением /ŋ/. И в качестве второго компонента он может следовать только за /ŋ/. Например: /ŋa:le/ «рука», /nⁱuŋnⁱaki/ «гусь».

Шумные фонемы /tʃ/, /dʲ/ характерны для всех тунгусоманьчжурских языков, но трактуются по-разному. Так, М.И. Матусевич для одного из говоров эвенкийского языка, ербогачёнского, – фонемы /tʃ/, /dʲ/ определены как палатализованные переднеязычные аффрицированные /tʃ/, /dʲ/, но с оговоркой, что развились они «из типа среднеязычных согласных» [Матусевич, 1960, с. 145]. Такого же мнения придерживается А.А. Горцевский [1939, с. 195]. Г.М. Василевич [1940, с. 21] фонему /tʃ/ считает переднеязычной как аффрикату, а В.И. Цинциус [1949, с. 45] относит фонемы /tʃ/, /dʲ/ к разряду среднеязычных. В баргузинском говоре мы характеризуем фонему /tʃ/ как аффрикату, фонему /dʲ/ – как среднеязычную смычную малозвонную звонкую [Афанасьева, 2010б, с. 16].

Заднеязычный смычный согласный /g/ в баргузинском говоре имеет несколько аллофонов. В начале слова, в середине слова перед согласными и после них характеризуется как заднеязычный смычный [g]: [gɑŋ] «ветка», [dʲɑgdʲli:] «по соняку», [bʲuŋu] «жирный», а в положении между гласными реализуется как звонкий щелевой [ɣ]: [dʲɑɣ] «близкий, близко», [tʲɣɔ] «огонь» и в конце слова как глухой [k]: [gɑk] «лебедь», [tʲu:kɑk] «луг».

В консонантной системе баргузинского говора выделяется фарингальная /h/, которая учеными-тунгусоведами трактуется не как самостоятельная фонема, а лишь как вариант фонемы /x/. Про-

изношение заднеязычного щелевого глухого /x/ не характерно для баргузинского говора, как и в целом для эвенкийского языка. По характеру соответствия /s/ / /h/ в начале и в середине слова баргузинский говор относится к сибилантно-спирантной группе говоров эвенкийского языка. В начале и в конце словоформ, как и в литературном языке, независимо от характера гласного, также рядом с согласным, в баргузинском говоре употребляется /s/: /sa:ŋen/ «знает», /sulaki:/ «лиса», /u:kse/ «рукав одежды», /emeksɛ/ «придя», а в середине слова между гласными, в отличие от литературного, всегда /h/: /dʲhi:/ «женщина», /uħɔ/ «потолок».

Вместе с тем в эвенкийском языке много слов, которые во всех трех наречиях имеют в начале слова фарингальный /h/: /hɑβa:/ «работа», /he:laki:/ «куропатка», /hɔktɔ/ «дорога», /huna:t/ «девушка» и т.д. В настоящее время, если в баргузинском говоре начальный /h/ сохранен, то в некоторых говорах, в том числе в баунтовском и северобайкальском говорах эвенков Республики Бурятия, начальный /h/ утрачен.

В баргузинском говоре носовые согласные в своем составе не отличаются от литературного эвенкийского языка. Это согласные /m/, /n/, /nⁱ/, /ŋ/. Но нельзя не отметить и некоторые их особенности. Так, если в литературном языке и в баргузинском говоре в начале слова перед широкими гласными употребляется, как правило, /ŋ/: /ŋa:ŋte/ «пихта», /ŋenɛkel/ «сходи», /ŋɔnim/ «длинный», то перед узким гласным /i/ в баргузинском говоре вместо /ŋ/ употребляется /n/: /ni/ (барг.) – /ŋi/ ни (лит.) «кто», /niŋte/ (барг.) – /ŋiŋte/ (лит.) «корень». В отдельных словах в баргузинском говоре происходит замена начального /ŋ/ на /m/. Например: /manmakta/ вместо /ŋanmakta/ (лит.) «комар», /mur/ вместо /nur/ (лит.) «кобель».

Таковы некоторые итоги экспериментальных исследований баргузинского говора эвенкийского языка. Материалы звукового корпуса данного говора пополняются, используются как в исследовательских, так и в образовательных целях при подготовке учебных пособий и словарей.

Литература

Афанасьева Е.Ф. Гласные фонемы современного эвенкийского языка: принципы классификации // Вестник Бурятского гос.ун-та. Филология. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ. 2010а. – Вып.10. – С. 155–159.

Афанасьева Е.Ф. Принципы классификации согласных фонем эвенкийского языка // Вестник Читинского гос.ун-та. — Чита: ЧитГУ. — 2010б. — № 6(63). — С. 14–20.

Бойцова А.Ф. К преподаванию эвенкийского и русского языков в эвенкийской школе (сравнительная характеристика русского и эвенкийского вокализма) // Вопросы методики преподавания русского и родного языков в нерусской школе. — М., 1948. — С. 195–228.

Василевич Г.М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. — Л.: Учпедгиз, 1940.

Василевич Г.М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. — Л.: Учпедгиз, 1948.

Горцевская В.А. Характеристика говора баргузинских эвенков (По материалам Н.Н. Поппе). — М.;Л.: Учпедгиз, 1936.

Горцевский А.А. Фонетические трудности при обу-

чении эвенков (тунгусов) русскому языку. — Л.: Учпедгиз, 1939.

Константинова О.А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. — Л.: Наука, 1964.

Матусевич М.И. Очерк системы фонем ербогачёнского говора эвенкийского языка на основе экспериментальных данных // Учёные записки ЛГУ. — Л., 1960. — Т.237. — С. 132–169.

Понне Н.Н. Материалы для исследования тунгусского языка. Наречие баргузинских тунгусов. — Л., 1927.

Цинциус В.И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. — Л., 1949.

PRAAT – www.praat.org

Sound Forge – www.softportal.com/software-2463-sound-forge.html

IPA – International Phonetic Alphabet – <http://www.langsci.ucl.ac.uk/ipa/>

Е.Ф. Афанасьева

Experimental research of the Barguzin dialect in Evenk language

The article considers the problems of sound form documentation of the Barguzin dialect in modern Evenk language and development its multimedia fund on results of the field expeditions in areas of Barguzin Evenks residence. The article describes the features of the vowels and consonants in Barguzin dialect.

Keywords: Evenks, Evenk language, Barguzin dialect, multimedia fund of dialect, field expeditions, recording, speakers, decryptions.

УДК 811.512.157'366.58

Е.М. Самсонова

Специфика репрезентации дистрибутивной множественности в якутском языке

В статье представлен комплекс актуальных проблем, возникающих при исследовании одного из основных семантических типов глагольной множественности. Дистрибутивная множественность анализируется с точки зрения функционально-семантического подхода и предполагает выявление специфики плана выражения, основанное на трудах представителей якутской лингвистической традиции.

Ключевые слова: якутский язык, функционально-семантическая категория, глагольная множественность, собирательность, дистрибутив, групповой актанта, план выражения.

Дистрибутивность представляет собой один из универсальных семантических типов глагольной множественности, находящийся на стыке двух категорий – аспектуальности и количественности. Внутреннюю сущность данной подкатегории, как отмечают исследователи, определяет «выражение расчлененности выполнения действий разными участниками ситуации или под-

черкнутость полного охвата всех участников ситуации действием» [Долинина, 1996, с. 240].

Исходя из определения специфику понятия дистрибутивная множественность составляют две присущие ей семантические особенности. Первая из них заключается в том, что микроситуации, входящие в дистрибутивное множество, также совокупно составляют одну макроситуа-

цию. Вторая особенность – в каждой из повторяющихся ситуаций в качестве одного из участников выступает отличный от предыдущего актант или сирконстант, т.е. каждая элементарная ситуация повторяется с разным набором участников: «...одним и тем же актантом/сирконстантом каждой... ситуации является один из единичных представителей... совокупного актанта/сирконстанта» [Храковский, 1989, с. 34].

Дистрибутивная множественность, как в зарубежной, так и в отечественной лингвистике, традиционно рассматривалась в связи с аспектуальным анализом глаголов в функционально-семантическом и типологическом аспектах [W. Dressler, 1968; M. Durie, 1986; Ю.С. Маслов, 1984; А.В. Бондарко, 1987; М.А. Шелякин, 1980; Ю. Хартунг, 1979; И. Пете, 1981; М.А. Осипова, 1984; В.А. Шкунников, 1998 и др.]. При этом необходимо отметить, что некоторыми исследователями дистрибутивность трактовалась в первую очередь как способ выражения множественности участников ситуации: в этом случае омонострение самой описываемой ситуации до определенной степени представляется вторичным [Шлуинский, 2006, с. 47]. Наиболее детальная характеристика данной разновидности значения представлена в работах В.С. Храковского [1989] и И.Б. Долининой [1996], посвященных специфике выражения функционально-семантической категории глагольной множественности. Среди специальных работ необходимо выделить исследование А.Н. Понкратовой [2002], посвященное рассмотрению дистрибутивной глагольной множественности в когнитивно-функциональном аспекте.

По мнению исследователей, дистрибутивная интерпретация возможна всегда, когда предикат имеет множественный аргумент [Татевосов, 2005, с. 125], т.е. обязательно подразумевается наличие в ситуации актантов, представленных группой лиц, предметов, пространств. При этом существенным для квантификационного значения является характер интерпретации актанта – «если группа трактуется как единое целое, то реализуется значение глагольной единичности, а если это сумма так или иначе индивидуализированных единиц или подчеркнута тотальность охвата группы, то выражается значение множества» [Долинина, 1996, с. 243].

В тюркских языках высказывания с дистрибутивным значением также характеризуются нали-

чием подлежащего (субъектный дистрибутив) или прямого дополнения (объектный дистрибутив) в форме мн. числа и обстоятельств типа ‘друг за другом’, ‘по очереди’, ‘все’. В качестве специализированного средства выражения дистрибутивного значения преимущественно используются аналитические конструкции со вспомогательными глаголами. Аффиксальные репрезентанты представлены показателем взаимно-совместного залога, подчеркивающим множество участников ситуации или обозначающим распределенность совершаемого действия между несколькими субъектами [Исакова и др., 1989, с. 117–120].

Несмотря на то, что в якутском языке категория дистрибутивной множественности не изучена должным образом в аспекте систематизации средств их выражения, однако описания отдельных репрезентантов данного семантического типа в той или иной степени нашли отражение в исследованиях по якутскому языку.

Специфика репрезентации значения дистрибутивной множественности предполагает выделение нескольких аспектов рассмотрения:

1. В якутском языке дистрибутивная множественность, как и в большинстве языков, чаще всего не является компонентом лексического значения глагола, а зависит от свойств аргументов. Так, специфика синтаксической структуры предложения с дистрибутивным глаголом заключается в том, что «как минимум одну актантную/сирконстантную позицию занимает предметное существительное во множественном числе или собирательное существительное в единственном числе» [Теория функциональной грамматики, 1987, с. 140]. Исходя из этого одним из наиболее важных вопросов является характер репрезентации группового актанта.

В рамках исследования дистрибутива представляется возможным дифференцировать поля определенной/неопределенной множественности и рассмотреть их в зависимости от однотипности либо разнородности компонентов. В качестве репрезентантов группового актанта задействован целый комплекс разноуровневых средств, которые в той или иной степени могут подчеркивать выражение собирательности, расчлененности или полного охвата действием всех участников ситуации. Все вышеуказанное образует функционально-семантическое поле именной множественности, отличающееся в якутском

языкознании наиболее полной изученностью, о чем свидетельствуют специальные исследования Г.А. Никифорова [1952], И.В. Собакиной [2004], И.Б. Ивановой [Функционально-семантическое..., 2012], Е.С. Герасимовой [2012] и др. Вопрос соотношения категорий определенности/неопределенности и множественности представлен в работах Н.А. Сивцевой [2011а,б,в]. В рамках изучения именной множественности возникает необходимость рассмотреть и категорию числа, получившую достаточное освещение в грамматиках якутского языка [Бетлингк, 1851; Ястремский, 1900; Харитонов, 1947; ГСЯЛЯ, 1982; Курс якутской грамматики, 2004 и др.]. Таким образом, данный аспект исследования может считаться достаточно изученным, что не требует их полного представления в этой статье. Обобщение результатов вышеуказанных работ послужит основой для рассмотрения вопроса репрезентации группового актанта в якутском языке.

2. В отличие от первой составляющей, комплексный анализ глагольных средств выражения дистрибутивной множественности в якутском языке характеризуется недостаточной изученностью. В рамках функционально-семантического подхода полевая структура категории позволяет рассматривать разноуровневые языковые средства дистрибутивной множественности в направлении от ядерных к периферийным.

1) В якутском языке ядро категории дистрибутивной множественности образуют формы многократности с аффиксами *-талаа*, *-таа*, *-аттаа*. Исследователи отмечают, что в семантике указанных репрезентантов преобладает значение множественности действия, поскольку «глаголы, выступающие в этой форме, часто показывают не повторение одного действия, а предметную распространенность или множественность действия вообще» [Харитонов, 1960, с. 18]: *чааскылары сууйталаа* ‘перемой чашки’ (все, без исключения); *олоппостору онгорттоо* ‘сделай стулья (один за другим)’; *аттары тутаттаа* ‘поймай лошадей (всех, поочередно)’ и т.п.

На наличие в семантике данных форм дистрибутивного оттенка значения указывает еще академик О.Н. Бетлингк в своем классическом труде «О языке якутов» [1851]: «Уваровский употребляет эти производные глаголы тогда, когда он хочет подчеркнуть, что действие... осуществляется на некоторое количество объектов или некоторым количеством субъектов» и при-

водит в качестве примера лексемы *охсуолаабыт*, *туһэртээбиттэрэ*, *ыталаабыттара*, *туруортаан*, *тутуталаан*, *абалтаан* (с объектом в ед. числе, который из-за интенсива мыслится во множественном числе) и т.д. [Бетлингк, 1990, с. 394]. Все указанные автором примеры «характеризуют не столько повторяемость или интенсивность действия, сколько его количественную распространенность, или множественность» [Харитонов, 1960, с. 18].

В «Грамматике якутского языка» С.В. Ястремского [1900] также преимущественно характеризуется значение дистрибутивной множественности: «эти глаголы показывают, что действие направлено сразу на много пунктов или совершается в крупных размерах, захватывая сразу много объектов» [Ястремский, 1938, с. 115]. В качестве иллюстративного материала в основном представлены формы с дистрибутивной семантикой, например: *абалтаа* и *абалталаа* ‘принести много чего’, *уураттаа* ‘класть много чего’, *гынаттаа* ‘делать много чего’, *кыайталаа* ‘одолевать многих’ и т.п.

Дистрибутивность как один из основных оттенков семантики многократного «вида» наиболее подробно рассмотрен в трудах проф. Л.Н. Харитонова. В работе «Современный якутский язык. Фонетика и морфология» (1947) автор, обобщив и углубив достижения своих предшественников, охарактеризовал глаголы многократного «вида» как выражающие «действие, совершаемое многократно или же направленное на несколько предметов» [Харитонов, 1947, с. 181]. Исследователем отмечается, что многократные глаголы могут иметь различные оттенки значения, среди которых особенно выделяется «действие, одновременно или последовательно направленное на ряд объектов»: *эмээхсин чааскылары сууйан сотуталаата уонна ыскаабыгар уурталаата* ‘старуха, свои чашки вымывши, вытерла их и поставила в свой шкаф’; *хотон туннугунэн ыт киирэн ынахтары үргүтэлээтэ* ‘через окошко хотона пробралась собака и перепугала коров’; *аттарын от күрүөтүгэр баайталаабыттара* ‘коней своих они привязали к изгороди стога’ [Там же, с. 182].

Монография Л.Н. Харитонова «Формы глагольного вида в якутском языке» (1960) – первая работа, в которой объединены в отдельную группу аффиксы с общей семантикой обозначения множественности (многообъектности или много-

субъектности) действия. При сопоставлении аффиксов *-талаа*, *-таа*, *-аттаа* (как восходящих к единому морфологическому элементу *та-*) с другими формами отмечается проявление оттенка «особой определенности, часто придаваемый значению глагола данными аффиксами, состоящей в том, что действие мыслится как бы распределенным по всем объектам или субъектам, охватывая их все без исключения» [Там же, 1960, с. 29]. При этом особое внимание обращено также на их функциональную характеристику, на изменение содержания их семантики в зависимости от значения основы (что, в частности, относится к аффиксу *-талаа*): переходные глаголы приобретают значение множественности в тех случаях, когда «действие распространяется на ряд объектов или исходит от ряда субъектов»; непереходные – когда «действие реализуется как совокупность ряда однократных действий (актов), выполняемых разными лицами в разное время»; смешанный с кратностью характер значения – «повторяющееся действие исходит от ряда лиц или охватывает ряд объектов последовательно»; при употреблении в речи оттенок значения глагола каждый раз определяется контекстом [Там же, с. 20]. В отличие от *-талаа* (*-ыталаа*), аффиксы *-таа* и *-аттаа* «могут выражать собственно кратность или повторение действия лишь в редких случаях, в особом контексте» [Там же, с. 29–30].

Упоминание о дистрибутивной семантике указанных аффиксов многократности находим и в исследовании Г.А. Никифорова «Категория множественности в якутском языке» (1952). Несмотря на то, что в семантике аффиксов *-талаа* (*-ыталаа*), *-ыалаа* (*-ыаккалаа*) и *-таа* автором в качестве преобладающего указывается значение «многократности действия, совершения одного и того же действия несколько раз» [Никифоров, 1952, с. 7], приводятся и примеры, когда многократное действие может быть направлено и на несколько объектов одновременно, что, по мнению Г.А. Никифорова, достигается путем удвоения аффикса многократности: *ааннары тардылаталаа* (двери потягивай по несколько раз) [Там же, с. 7].

В «Грамматике современного якутского литературного языка» (1982) семантика дистрибутивной множественности нашла отражение и в самом обозначении многократных форм глагола – «множественно-многократный вид». При этом

данная точка зрения вполне согласуется с ранее высказанным мнением Л.Н. Харитоновой: «Для данной формы, вероятно, более точным было бы название «форма множественности и многократности» или множественно-многократная форма» [Там же, 1960, с. 18]. Основное значение «множественно-многократного вида» П.А. Слепцовым определено как «последовательное чередование действия или ряда действий во времени» [ГСЯЛЯ, 1982, с. 276]. Исходя из того, что значение многократности тесно связано с количеством действующих лиц и объектов действия (актантов), автор утверждает, что в значении этого вида господствующим является именно оттенок множественности действия [Там же, с. 277].

Данная грамматика примечательна еще и тем, что в ней впервые из всех вышеуказанных работ встречается термин «дистрибутивное значение», обозначающий один из основных оттенков многократных глаголов в якутском языке: «выражение рассредоточенности действия по субъектам и объектам» [Там же, с. 276]. Приводятся конкретные условия его реализации у форм с многократным аффиксом: а) если объект действия выступает во множественном числе, а субъект – в единственном, то многократный глагол выражает также кратность, но мыслимую как ряд действий, охватывающих последовательно все объекты действия: *Эмээхсин толкуйдуур, колхозтаахтары биир-биир санаталыыр* ‘Старуха думает, перебирает в уме каждого из колхозников’; б) если субъект действия (в переходных глаголах – субъект и объект действия) выступает во множественном числе, то многократный глагол выражает различные способы чередования действия: *Далга турар аттары тутуталаан аҕаланнар, оскуола оҕуруотугар баайталаабыттар* ‘Они поймали (всех) лошадей, стоявших в загоне, и попривызали к школьной изгороди’ [Там же, с. 276].

В отличие от аффиксов *-таа* и *-аттаа*, которые можно охарактеризовать как средства выражения объектного дистрибутива, у форм *-талаа* выделение субъектного или объектного дистрибутивного значения находится в прямой зависимости от переходности/непереходности глаголов, от количества действующих лиц и объектов действия [Самсонова, 2013, с. 190–191]. Кроме того, в якутском языке значения собственно многократности и множественности тесно переплетены друг с другом, поэтому аффиксальный показатель *-талаа*, может недифференцированно выра-

жать разные частные значения множества ситуаций, как итеративное, так и дистрибутивное. На подобное совмещение оттенков значения указывают и исследователи других языков: «достаточно часто дистрибутивные значения выражаются при помощи тех же средств, что и итеративные» [Шлуинский, 2006, с. 47].

2) В отличие от специальных аффиксальных средств, остальные грамматические репрезентанты дистрибутивной множественности в якутском языке менее выражены и нуждаются в теоретическом переосмыслении с позиции современной аспектологии в рамках функционально-семантического подхода.

В отличие от других тюркских языков в аналитических аспектуальных конструкциях якутского языка значение дистрибутивной множественности контекстуально зависимо: «аналитическая форма вида всегда определяется только по контексту» [Харитонов, 1960, с. 86]. Последовательная семантика совершаемых действий наблюдается в зависимости от множественности актантов и лексического значения основы деепричастия. На основе исследования Н.И. Поповой [Функционально-семантическая категория..., 2006] бивербальных конструкций ею выделены следующие группы со вспомогательными глаголами (*бар-*, *ис-*, *эр-*, *тур-*, *обус-*), в которых так или иначе прослеживается дистрибутивная семантика: с основами-глаголами бытия (*Саас сүөһүлэрэ сутаан өлөн барбыта* ‘Весной от голода начался падеж скота’; *өлүү-сүтүү, алдьархай тахса турар* ‘смерть, беды продолжают возникать’); физического воздействия (разделения) (*Аны ол дьаданы киһи кэлэн түнгэтэн барар* ‘Затем приходит тот бедняк и начинает делить’); владения (приобретения) (*Биһиги инники сэршилэрбит өрүһү туораан өстөөх иккис, үһүс кирбии окуопаларын ылан эрэллэр* ‘Наши передовые войска, перебравшись на ту сторону реки, начинают занимать, второй, третий рубежи вражеских окопов’); перемещения объекта (*Дьыалабытын киһиэхэ онотторо-онотторо, миэхэ тиксэрэн иһиэххит* ‘Дела свои будете делать у него и доставлять (одно за другим, по мере завершения) мне’); помещения объекта (*Онтукабын сойутан баран, күлүк сиргэ хаһыллыбыт омуһахха ууран испитим* ‘Остудив, складывал ее (друг за другом) в яму, вырытую в тени’) и др.

В качестве одного из морфологических средств выражения дистрибутивной множествен-

ности может рассматриваться и **редупликация деепричастий**. Деепричастия на *-ан* и *-а(-ыы)*, по мнению Л.Н. Харитонова, в удвоенном виде утрачивают способность сочетаться со служебными глаголами, но при этом в зависимости от смысла контекста и лексического значения глагольных основ (деепричастия и личного глагола) могут сами принимать «видовые оттенки значения: параллельную продолженность действия, многократность, чередование действий» [Харитонов, 1960, с. 56-57]. Подробное описание общей семантики редуплицированных деепричастий представлено в исследовании Е.И. Коркиной «Деепричастия в якутском языке» (1985). Как отмечает исследователь, деепричастие на *-ан*, как и на *-а(-ыы)*, часто употребляется в удвоенном – редуплицированном виде, выражая при этом не только продолжительность, интенсивность действия, но и многократность его совершения [Коркина, 1985, с. 21, 23]. Дистрибутивный оттенок значения при этом появляется только в примерах с определенными основами и множественным актантом. Например: *Оо, дьулааннары көрөн-көрөммүн, муну-тангы билэн-билэммин, сэрииттэн төннүбүтүм* ‘О, я вернулся с войны насмотревшись-наглядевшись бедствий, познав-повидав с лихвой горе-несчастье’. В некоторых случаях могут сопровождаться и служебными глаголами: *Делегаттар киирдэр-киирэн истилэр* ‘Делегаты стали заходить друг за другом’ [Там же, с. 21, 23].

На наш взгляд, редуплицированные деепричастия в отличие от аффиксов многократности не могут быть отнесены к специализированным показателям повторяемости или множественности действия, поскольку в зависимости от лексического значения глагольной основы указывают также на его длительность или интенсивность. В основном дистрибутивное значение наиболее явно прослеживается в высказываниях, когда редупликации подвергается основа с переходной предельной семантикой (*охсо-охсо* ‘ударяя, сбивая (по очереди)’, *иннэ-иннэ* ‘натыкаясь’ и т.п.). В высказывании чаще всего данные деепричастия используются в сочетании с аффиксальными формами многократности (*ыла-ыла элитэлиир* ‘берет (поочередно) и бросает’ и т.п.).

3) Исходя из того, что акциональные значения глагола тесно связаны с его лексической семантикой, необходимо отметить, что в якутском языке до сих пор не выделены в отдельную группу лек-

сические дистрибутивы, т.е. глаголы, у которых в основе заложено значение множественности, распределенности действия. В отличие от мультипликативов [Самсонова, 2013, с. 197–201] не все дистрибутивные значения могут иметь выражение в глагольной основе. Кроме того выявление данной группы осложняется полисемией большинства глагольных лексем в якутском языке. На наш взгляд, в данную группу могут быть объединены в основном глаголы, обозначающие движение от некоторой общей исходной точки или к некоторой общей точке (так называемые диверсативные/цислокративные значения): из них в качестве объектных могут выступать глаголы физического воздействия (*түм* ‘собирать, сосредоточивать’, *тис* ‘низать, нанизывать; собирать’, *хомуй* ‘убирать, собирать’, *мус* ‘собирать в одном месте; складывать что-л. в кучу, грудой’; *түгэт* ‘делить, распределять’, *тарбат* ‘раздавать; распускать, разгонять’, *үллэр* ‘делить, разделять, распределять’, *ыс* ‘разбрасывать, раскидывать; рассеивать’, *тамнаа* ‘разбрасывать что-л.’), субъектных – движения (*сырыс* ‘в знач. разбежаться’, *тарбас* ‘расходиться’, *ыһылын* ‘разбросаться, разойтись; рассеяться’; *муһун* ‘собираться в одном месте’, *түмүс* ‘объединяться, собираться в одном месте’). При этом большинство указанных глаголов представляет собой залоговые формы от одной основы и подразумевает действия над чем-то множественным или состоящим из множества частей. Описание некоторых из указанных глагольных лексем с семантикой объектного дистрибутива представлено в исследованиях Е.П. Копыриной [2012] в составе подгрупп ЛСГ физического воздействия на объект как глаголов соединения, присоединения, отделения, разделения и т.п. Синонимичные им глаголы, но с дополнительной эмоционально-оценочной и экспрессивной семантикой представлены в исследовании В.И. Лиханова (*айбардаа* ‘разбазаривать’, *матайдаа* ‘проматывать, растрчивать’; *чуобуй* ‘сильно толпиться, скопиться в одном месте’, *үмүөрүс* ‘сучиваться, сбиваться в кучу, толпиться’, *ыскайдаа* ‘разбрасывать, раскидывать; рассеивать, разбрызгивать усиленно, во все стороны’ и т.п.) [Лиханов, 1994, с. 66, 95, 111–122].

4) Важную роль в реализации семантики дистрибутивной множественности играет и аспектологический контекст. В якутском языке контекстообразующие средства выражения дистрибу-

тивности отличаются еще меньшей разработанностью. Данные *неглагольные лексические средства* представлены преимущественно наречиями, выражающими последовательность в ходе событий, некоторую очередность в действиях, их распределенность. Л.Н. Харитоновым в исследовании «Неизменяемые слова в якутском языке» (1943) отмечается, что значение многократности в наречиях придается при помощи аффикса *-та/-тэ* (*-рыта, -ритэ, -рута, -рутэ*). В их значении автор различает два оттенка, один из которых обозначает «действие, направленное на ряд предметов, причем в отношении каждого из них оно может быть однократным (*бу былалары быһыта баттаа* ‘перережь эти веревки’)» [Харитонов, 1943, с. 32].

Но в основном наречия, выступающие в качестве репрезентантов дистрибутивной множественности, бывают парными или удвоенными (*биир-биир* ‘одного за другим’, *утуу-субуу* ‘друг за другом, один за другим, постепенно’, *биирдиш-биирдиш* ‘по одному’, *тус-тусна* ‘по отдельности’, *наар-наар* ‘в ряд, близко один от другого, по группам’ и т.п.). На проявление семантики множественности и совокупности, возникающее при удвоении основы имени существительного, указывает Е.И. Убрятова: «выступая в предложении как обстоятельство образа действия, выражает последовательность в ходе событий, некоторую очередность в действиях (*сүһүөх-сүһүөх этэн барда* ‘начал проговаривать строфу за строфой (по частям, по группам)’, *уочарат-уочарат этэллэр* ‘говорят по очереди’), а в роли обстоятельства места имеет свой оттенок значения – равномерное распределение по многим местам (*дьиэ-дьиэбитигэр тарбаатыбыт* ‘мы разошлись по домам’, *орун-оннугар* ‘по местам’)» [Убрятова, 1960, с. 216–217]. При этом необходимо отметить, что в якутском языке такая наиболее многочисленная и разнообразная группа наречий, как парные и удвоенные, до сих пор не подвергалась специальному исследованию: «их структурные типы, значение и происхождение до сих пор остаются почти совсем не изученными» [ГСЯЛЯ, 1982, с. 349]. Не говоря уже о выделении в них отдельных семантических типов, в том числе обозначающих множественность, распределенность или последовательность действий.

Замечания по некоторым отдельным лексемам, указывающим на обобщение, собирательность или на полноту охвата частей множествен-

ного объекта, над которым производится каждое из повторяющихся действий (*бары* ‘все’, *барыта* ‘все, весь, всего’, *бүтүн* ‘весь, целый’) или придающим оттенок разобщенного множества (*хас биирдии* ‘каждому’, *биирдии бэйэлэригэр* ‘каждому в отдельности’, *тус-тусна* ‘по отдельности’ и т.п.) представлены в исследованиях Н.Е. Петрова [1978], Н.И. Даниловой [1991].

На наш взгляд, лексические средства, обладающие дистрибутивной семантикой, можно сгруппировать по семантическому признаку: со значением последовательности (*утуу-субуу* ‘друг за другом, постепенно’, *биир-биир* ‘один за другим’, *биирдии-биирдии* ‘по одному’, *сүһүөх-сүһүөх* ‘по частям, по группам’, *уочарат-уочарат* ‘по очереди’, *саас-сааһынан* ‘по порядку, последовательно’, *оруода-оруода* ‘по родам, по группам’, *санаттан-сага* ‘каждый раз что-л. новое’ и т.п.), раздельности или равномерной распределенности по многим местам (*тус-тусна* ‘по отдельности’, *туһунан* ‘отдельно’, *наар-наар* ‘в ряд, близко один от другого, по группам’, *төгүл-төгүл* ‘по группам’, *орон-орон аайы* ‘по нарам’, *бөлөх-бөлөх* ‘по группам’, *дьиз-дьизбитигэр* ‘по домам’, *орун-оннугар* ‘по местам’, *үрэх-үрэх устун* ‘по речкам, вдоль рек’, *кэkkэлэчи* ‘в ряд, бок о бок’ и т.п.) и всеобщего охвата (*бары* ‘все’, *барыта* ‘всех, каждого’, *бүтүн* ‘весь, целый’, *тохсуоннарын* ‘всех девятерых’ и т.п.). В отдельную группу можно выделить лексические средства, придающие квазидистрибутивное значение (*хас да сиринэн* ‘в нескольких местах’, *хас да хосгына* ‘в несколько раз’, *быһыта* ‘во многих местах (порваться)’, *хайыта* ‘во многих местах (разорваться)’ и т.п.).

Лексический состав данных средств преимущественно включает компоненты *биир* ‘один’ (*биир-биир* ‘один за другим’, *эр-биир* ‘каждый (из присутствующих)’, *биирдии-биирдии* ‘по одному’, *хас биирдиитин* ‘каждого’, *биирдии киһини* ‘каждого по отдельности’ и т.п.); послелог *аайы* (*ахсын*) ‘каждый’ (*орон-орон аайы* ‘по нарам’, *сир-сирдэрин аайы* ‘в каждой местности’, *түмүк-түмүк аайы* ‘после каждого заключения, вывода’ и т.п.); служебное слово *бары* ‘все’, *барыта* ‘всех’ (*барыларын* ‘всех, полностью’, *бары дьону барытын* ‘всех людей, без исключения’ и т.п.) и др.

3. Третий аспект рассмотрения может определять исследование объектных отношений с использованием методики структурно-семантиче-

ского моделирования языковых единиц. Данный подход предполагает обращение к моделированию как специальной методике исследования элементарного простого предложения (ЭПП) и мотивирован тем, что семантика дистрибутивной множественности, а также выделение ее структуры тесно связаны с количеством актантов, задействованных в реализации повторяемых действий.

Элементарным, в традициях новосибирской научной школы [М.И. Черемисина, Е.К. Скрибник, 1994; М.И. Черемисина, А.А. Озона, А.Р. Тазранова, 2008 и др.], считается простое предложение, которое состоит только из предиката, непосредственно подчиненного ему необходимого «предметно-субстантивного окружения», – актантов и локализаторов. Глагольные модели могут быть представлены: 1) моделями, формируемыми переходными глаголами, описывающими разные типы действий; 2) моделями, формируемыми непереходными глаголами, описывающими «безобъектные» процессы и состояния. В рамках исследования представляет интерес и проблема структурного варьирования модели.

В якутском языке данное исследование может иметь в своей основе результаты трудов Е.И. Убрятовой о простом предложении [1950]. Рассмотрение объектных отношений, в частности прямого объекта, предусматривает и исследование падежных конструкций [И.П. Винокуров, 1971; Г.Г. Филиппов, 1989].

Таким образом, план выражения дистрибутивной множественности в якутском языке отличается неравномерной изученностью. Если репрезентанты группового актанта в качестве основы исследования имеют полное описание именной множественности, то средства выражения глагольного дистрибутива – частичное. Так, в отличие от специальных аффиксов многократности, класс лексических дистрибутивов (глагольных и контекстуальных) требует более детального описания. Относительно новым может представляться исследование объектных отношений дистрибутивной множественности с использованием методики структурно-семантического моделирования языковых единиц.

Исходя из этого в якутском языке изучение дистрибутивной множественности как функционально-семантического поля требует комплексного исследования, охватывающего все возможные случаи его проявления и варьирования.

Литература

- Бетлингс О.Н.* О языке якутов / Пер. с нем. Рассадин В.И. – Новосибирск: Наука, 1990. – 646 с.
- Винокуров И.П.* Синонимика падежных конструкций в якутском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Якутск, 1971. – 20 с.
- Герасимова Е.С.* Категория множественности в функциональных стилях якутского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Якутск, 2012. – 24 с.
- Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. – М.: Наука, 1982. – 496 с.
- Данилова Н.И.* Местоимение в якутском языке. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1991. – 120 с.
- Долинина И.Б.* Количественность в сфере предикатов // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / Под ред. А.В. Бондарко. – СПб.: Наука, 1996. – С. 219–245.
- Исхакова Ф.Х., Насилов Д.М., Рассадин В.И.* Выражение множественности ситуаций в тюркских языках // Типология итеративных конструкций / Под ред. В.С. Храковского. – Л.: Наука, 1989. – С. 110–122.
- Копырина Е.П.* Полисемия глаголов физического воздействия на объект в якутском языке. – Новосибирск: Наука, 2012. – 163 с.
- Коркина Е.И.* Деепричастия в якутском языке. – Новосибирск: Наука, 1985. – 204 с.
- Курс якутской грамматики: система морфологических категорий и синтаксических конструкций / Данилова Н.И., Попова Н.И., Ефремов Н.Н. – Якутск, 2004. – 202 с.
- Лиханов В.И.* Эмоционально-оценочные и экспрессивные слова в якутском языке. – Новосибирск: Наука, 1994. – 130 с.
- Маслов Ю.С.* Очерки по аспектологии. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 263 с.
- Никифоров Г.А.* Категория множественности в якутском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1952. – 20 с.
- Осипова М.А.* Дистрибутивные глаголы в современных западнославянских языках (синхронно-сопоставительный аспект): Дисс. ...канд. филол. наук. – М., 1984. – 220 с.
- Пете И.* Дистрибутивная множественность в русском языке // Russian Linguistics. – 1981. – №1. – С. 41–55.
- Петров Н.Е.* Частицы в якутском языке. – Якутск: Кн. изд-во, 1978. – 300 с.
- Понкратова А.Н.* Дистрибутивная глагольная множественность в когнитивно-функциональном аспекте: на материале английского и русского языков: Дисс. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2002. – 171 с.
- Самсонова Е.М.* Категория итеративности в якутском языке // Функционально-семантические категории в якутском языке: каузативность, эвиденциальность, итеративность. – Новосибирск: Наука, 2013. – С. 178–224.
- Сивцева Н.А.* К вопросу о категориях определенности-неопределенности и множественности в якутском языке // Диалектология, история и грамматическая структура тюркских языков: Сб. материалов Международной тюркологической конференции, посвященной памяти проф. Казанского университета Д.Г. Тумашевой (21–24 октября 2011а, г. Казань). – Казань: ИФИ КФУ, 2011а. – С. 265–266.
- Сивцева Н.А.* Имя числительное как средство выражения категории определенности-неопределенности в якутском языке // Гуманитарные науки в Якутии: исследования молодых ученых: Сб. научн. ст. – Якутск, 2011б. Вып.2. – С. 26–29.
- Сивцева Н.А.* К проблеме исследования категории определенности-неопределенности в якутском языке: имя числительное // Новое в современной филологии: Материалы I Международной научно-практической конференции (27 апреля 2011., г. Москва). М.: «Спутник+». 2011в. – С.123–126.
- Собакина И.В.* Русско-якутские соответствия при переводе форм выражения категории множественности (Имена существительные): Дисс. ... канд. филол. наук. – Якутск, 2004.
- Татевосов С.Г.* Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания. – 2005. – № 1. – С. 108–139.
- Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Под ред. А.В. Бондарко. – Л.: Наука: 1987. – 347 с.
- Убрятова Е.И.* Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. 1. Простое предложение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 304 с.
- Убрятова Е.И.* Удвоение основы слова в якутском языке // Вопросы грамматики: Сб. ст. к 75-летию акад. И.И.Мещанинова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 211–222.
- Филиттов Г.Г.* Саха тылыгар предикативнай падежтааһын: учеб пособие. – Якутск, 1989.
- Функционально-семантические категории в якутском языке: темпоральность, таксис, аспектуальность / [текст]: отчет (заключ.) проект РГНФ № 05-04-794, 07 а/т / Институт гуманитарных исследований АН РС(Я), рук. Н.Н. Ефремов, исполн. Н.И. Данилова, Н.И. Попова. – Якутск, 2006.
- Функционально-семантическая категория количественности в якутском языке [Текст]: отчет о НИР (заключ.): IX.88.1.1. / Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; рук. Данилова Н.И.; исполн.: Иванова И.Б. – Якутск, 2012. – 85 с. – Библиогр.: с. 78–85. – №01201067081. – Текущий архив ИГиИПМНС СО РАН.

- Харитонов Л.Н.* Неизменяемые слова в якутском языке. – Якутск: Госиздат ЯАССР, 1943. – 83 с.
- Харитонов Л.Н.* Современный якутский язык. Ч.1. Фонетика и морфология. – Якутск: Госиздат ЯАССР, 1947. – 312 с.
- Харитонов Л.Н.* Формы глагольного вида в якутском языке. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 179 с.
- Хартунг Ю.* Дистрибутивный и суммарно-дистрибутивный способы глагольного действия в современном русском языке: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 1979. – 24 с.
- Храковский В.С.* Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций. – Л.: Наука, 1989. – С. 5–53.
- Черемисина М.И., Скрибник Е.К.* О системе моделей элементарных простых предложений в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. – 1994. – №4.
- Черемисина М. И., Озонова А.А., Тазранова А. Р.* Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири. – Новосибирск, 2008. – 205 с.
- Шелякин М.А.* Дистрибутивно-суммарный способ действия русского глагола // Ученые записки Тартуского ун-та. – 1980. – Вып. 524. – С. 42–53.
- Шкунников В.А.* Глагольная множественность в русском языке: Дисс. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 1997. – 138 с.
- Шлуинский А.Б.* К типологии предикатной множественности: организация семантической зоны // Вопросы языкознания. – 2006. – №1. – С. 46–75.
- Ястремский С.В.* Грамматика якутского языка / Под ред. Б.М. Гранде. – М.: Учпедгиз, 1938. – 228 с.
- Dressler W.* Studien zur verbalen Pluralität, Iterativum, Distributivum, Durativum, Intensivum in der allgemeinen Grammatic, im Lateinischen und Hethitischen. – Wien, 1968.
- Durie M.* The grammaticalization of number as a verbal category // Proceedings of the 12th Annual meeting of the Berkeley linguistic society. – Berkeley, 1986.

E.M. Samsonova

The specificity of the representation of distribution multiplicity in the Yakut language

The article presents the range problems arising in the study one of the basic semantic types of verbal multiplicity. Distribution multiplicity is analyzed in terms of functional-semantic approach and involves identifying the specificity of expression, based on the works of the representatives of the Yakut linguistic traditions.

Keywords: Yakut language, functional-semantic category, verbal multiplicity, collectiveness, distribution, group actant, the plan of expression.

УДК 811.512.211-282

С.И. Шарина

Письменные тексты как дополнительный источник для выявления диалектных признаков (на материале усть-янского говора эвенского языка)

Предпринята попытка выявить некоторые морфологические особенности языка усть-янских эвенов, которые не были отмечены ранее в публикациях исследователей. Материалом для исследования, наряду с устной речью информантов, явились письменные тексты на эвенском языке, опубликованные местными авторами. Характерные для говора отличия, обнаруженные в устной речи, подтверждаются и на письменных материалах, что дает основание считать достаточно достоверным функционирование исследуемых форм.

Ключевые слова: эвенский язык, диалекты, западное наречие, усть-янский говор, морфологические особенности.

Эвенские диалекты и говоры рассматриваются как языковые образования, используемые носителями для коммуникации в пределах определенной территории и характеризуются определенными особенностями в области фонетики, морфологических единиц и лексики. Выявление динамики и современного состояния изучения эвенских диалектов, анализ диалектологической проблематики в эвенском языкознании, предпринятый нами ранее, эксплицирует приоритеты по данному направлению эвеноведения [Шарина, 2013]. В настоящее время центральной проблемой эвенской диалектологии является получение современной картины диалектного ландшафта, лингвогеографическая интерпретация диалектного континуума и углубленное изучение конкретных говоров, выявление их особенностей в фонетике, грамматике и лексике. Касательно говоров эвенов Якутии следует подчеркнуть, что сложность их описания обусловлена, в частности, и тем, что указанные говоры характеризуются высокой степенью вариативности на всех языковых уровнях, что объясняется дву- и многоязычием носителей. В говорах представлены результаты длительного контактирования и интерференции языков различных языковых семей (якутский, юкагирский, русский, чукотский), нашедшие отражение в возникновении определенных лексико-семантических тождеств [Шарина, Кузьмина, 2012].

Ценность проводимых в настоящее время исследований по описанию говоров эвенов Якутии особенно велика, потому что они в большей своей части базируются на полевом материале, на образцах устной речи носителей. Однако при сборе лингвистических материалов нельзя сбрасывать со счетов и факт наличия определенных письменных источников, таких как газетные статьи и заметки, различного рода художественные тексты в местных изданиях. Невнимание к этому аспекту в известной мере ограничивает представление о функционировании исследуемого языка и сужает возможности специального изучения, классификации и анализа собранного материала [Бурыкин, 2004].

В 2012 г. в составе экспедиции Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск) автору статьи удалось работать в Усть-Янском улусе Республики Саха (Якутия). Основной целью экспедиции был сбор материалов по усть-янскому

говору эвенского языка, по возможности запись эвенского фольклора из этого района Якутии, так как имеющиеся в распоряжении исследователей языковые материалы по отдельным районам Якутии, куда входит и Усть-Янский, количественно и качественно не отвечают требованиям. Некоторые данные по усть-янскому говору под названием юкагирского рассматривала Л.Д. Ришес при описании западного диалекта эвенского языка [1955]. Основным особенностям говора посвящены работы Х.И. Дуткина [1989; Дуткин, Белянская, 2009]. Лексические особенности данного говора рассмотрены Р.П. Кузьминой [2012].

На момент сбора лингвистического материала (2012 г.) на территории района проживало 567 эвенов. Эвенским языком владело 39 человек (6,8% из общего числа), в том числе 11 человек, проживающие в с. Уянди, 14 – в с. Сайбылык, 14 человек – в п. Депутатский. Знание языка носителей коррелирует с их возрастом, самым младшим носителем языка в п. Депутатский оказался информант 47 лет. Эвенский язык как предмет преподается в двух школах района: его изучают 20 детей в с. Уянди, 51 – в с. Сайбылык.

Сложность функционирования эвенского языка в Усть-Янском районе обусловлена тем, что все без исключения носители языка в районе трехязычны, разговаривают в основном на якутском, русском языках, в эвенской речи носителей отмечается сильное влияние якутского языка. В ходе выборочного анкетирования, проведенного нами, были выявлены следующие результаты. Основным языком коммуникативного общения респондентами выбран якутский язык. Однако большинство респондентов подчеркивает, что языком общения в дошкольном возрасте был только эвенский язык. Степень владения эвенским языком участники оценивают неоднозначно, подчеркивают отсутствие языковой среды, недостаточное знание устного народного творчества и проч. Таким образом, усть-янский говор с социолингвистической точки зрения относится к одному из наиболее неблагоприятных говоров эвенского языка. Поэтому документация его материалов имеет большое значение для лингвистической науки.

В ходе экспедиции от девяти информантов были зафиксированы образцы бытовой речи, повествовательных текстов, некоторые фольклорные материалы разных жанров (сказки, песни), записаны лексические единицы и фразовые при-

меры к ним, уточнены значения отдельных словоформ. Что касается фольклорных тестов, то здесь одним из основных источников явилась книга местного автора Татьяны Афанасьевны Протопоповой – Гулуңэ «Хаардаах дойдум ил тыына», изданная в Якутске в 2008 г. В книгу вошли статьи, очерки, рассказы писателя на якутском, русском, эвенском языках. Интересующий нас материал представлен 4 стиховорными сочинениями и 12 прозаическими произведениями общим объемом 10 страниц. Причем, прозаические, включающие сказки, записаны по словам автора, от ее матери, старейшей жительницы района Слепцовой Елены Спиридоновны, ушедшей из жизни в 103-летнем возрасте. В качестве письменных источников мы также рассматриваем неизданные произведения жителя села Сайылык Усть-Янского района Ивана Петровича Слепцова–Икэ Уйбана – замечательного исполнителя фольклорных произведений хэде, песен, выполненных в самозаписи. Хотя подобные материалы и не могут считаться абсолютно надежным источником, здесь важное значение имеет то обстоятельство, что авторы письменных текстов родились, выросли и жили только на территории Усть-Янского района, относятся к тем родам эвенов, которые исконно проживали на территории района. Для обоих авторов эвенский язык является родным языком, первым языком, на котором они заговорили, но они не обучались эвенскому ни в школе, ни в других учебных заведениях.

В статье в качестве иллюстративных приводятся примеры из указанных произведений Татьяны Гулуңэ и самозаписи текстов Ивана Петровича Слепцова–Икэ Уйбана.

К основным фонетическим признакам усть-янского говора относятся характерные для всех говоров западного наречия отличия:

1) полная спирантность, отмечается отсутствие звукотипа [с] и наличие фарингального согласного [h] во всех позициях в слове: *hihэчин* 'вечером', *уһи* 'ремень', *экуэһ* 'сестра (твоя)';

2) метатеза конечного -с и гласного последнего слога: *буһкэ* 'лед', *эһкэ* 'рыбья чешуя' (в восточных говорах соответственно *бөкэс*, *экэс*);

3) наличие переднеязычного [д] после сонорных согласных: *чундукан* (в восточных говорах – *чунрукан*) 'мяч', *нанда* (нанра) 'шкура'.

В области морфологии говор характеризуется определенными особенностями.

Наиболее яркая из них – наличие только одной формы личного местоимения 1-го л. мн. ч. мут «мы». Отсутствуют самостоятельные формы притяжательных местоимений 1-го и 2-го лица, вместо которых используются личные местоимения, причем, это отмечается и в письменных текстах, например: *Эне, алаке, Бугундя-упэ би аман-дуву өмэм орми бөн, аике, эмдэкэн чалмив деб-дип. 'Мама, ура, Земля-бабушка моему отцу одного оленя дала, как хорошо, когда придет (он), олени кишки будем есть'*. *Тарич горкам дёмкуттиди: «Таралдук аһаткардук өмым һи экуэһ гара-кат он бимчи?» – гөникэн улгимичэ. 'Потом, долго подумав: «Если одну из тех девушек твоей сестрой сделать, как будет?» – говоря, вопрошал'*.

Характерные для говоров западного диалекта метатизированные формы притяжания 2-го и 3-го л. мн. ч. -һын ~ -һнын, -тын ~ тнын в говоре не отмечаются.

Образование форм множественного числа от форм типа *оран, муран*, сопровождается усечением конечного [н] основы: *ора-л* 'олени', *мура-л* 'лошади'.

В говоре неупотребительны направительно-местный и направительно-продольный падежи, вместо которых используются послеложные конструкции: *Өмнэкэн оралчимжал нам холилин нулгуччэл. 'Однажды оленеводы вдоль берега моря кочевали'*.

Однако в письменных материалах говора форма направительно-местного падежа (суфф. –*кла/-клэ*) обнаруживается в оформлении причастий: *Чарчакан һоч наптиклайи он некми айдин: «Өгилэ бугла тэгэлкэлкэн мутту яддин» – такан гөнчэ мэргэнди... 'Чарчакан, хотя и расстроился, но как сделать лучше: «В верхнем мире живя, что бы у нас делала-то»', – сказал про себя.*

В письменных источниках после основ на гласный суффикс направительного падежа –*тки* встречается в виде –*кки*, например: *Ок-да эдыңи итты адув иччэ куңа нивэкэг долин дикэйкэтникэн дэгилигидэкки миркычэ. 'Никогда раньше такого не видевший ребёнок, прячась в зарослях карликовой березы, пополз в сторону птиц'. Бугундя-упэ оралби муткидэкки илбэддэн. 'Земля-бабушка оленей в нашу сторону пригоняет'*.

Хотя в большинстве западных говоров эвенского языка имена прилагательные не имеют грамматических категорий числа и падежа, в письменных источниках усть-янских эвенов отмечаются нормы согласования прилагательных с

существительными как в числе, так и в падеже, например: эгдер дэгэмкэрэл `большие птицы`, хол нодал дэбил – аһаткар `очень красивые птицы-девушки`, һонуму нюритандялбур `длинные свои косы`, мэһэм чундукэм `золотой шар`.

Из особенностей употребления возвратных местоимений можно отметить различие местоимений *мэни* и *бэййон* `себя` для 1-го, 2-го и 3-го лица и в устной речи, и в письменной форме. Если для 1-го и 2-го лица предпочтительно употребление слова *мэни*, то для 3-го лица в говоре характерно употребление возвратного местоимения *бэййон*: Ноһан тараптук бэййон «Кирэдей экму» гөникэн гэрбүтти оча. `Она с тех пор себя «Сестра Кирэдей» стала называть`.

В письменной форме говора фиксируются обе детерминативные формы *бэйди* и *мэнкэн* `сам, сами`, имеющие лично-выделительное значение, указывающее на непосредственное участие в действии самого производителя. Примеры: Чарчакан һутчэнни ач эһнэ да биһиклэйи онкыкар иһучэ, эгдекэһэн ориди дю далилин кунтэкли *мэнкэн* һэтыккэтникэн эвири оча. `Ребенок Чарчакана, несмотря на то, что рос без матери, став побольше, возле дома на поляне сам по себе играл, бегая`. *Бэйди* мэргэндикэн тиминарап оннаван һоч уданикан алачча. `Сам же про себя с нетерпением ждал завтрашний день`.

В усть-яском говоре отмечена модель числительных второго десятка, содержащая послелог хулэк `лишний`. Конструкция строится следующим образом: мян хулэкин өмэн `одинадцать` (досл. десять, его остаток один), мян хулэкин дёр `двенадцать` (досл. десять, его остаток два); мян хулэкин илан `тринадцать` (досл. десять, его остаток три) и т.д. Этот способ образования числительных второго десятка, характерный для диалектов эвенов бассейна Индигирки, ранее у янских эвенов не отмечался.

В говоре фиксируется наличие увеличительных и уменьшительных форм собирательных числительных, которые используются для дополнительной оценки количества считаемых предметов: илничэмэн `всево троих`, илниндевэн `целых трех`, дыгничэмэн `всево четверых`, дыгиндеван `целых четверых` и т.п. Распределительные числительные, кроме общепринятых форм илатал `по три, по трое`, дыгэтэл `по четыре, по четверо`, представлены также формами илаталди, дигэтэлди.

В области глагола говор представлен следующими особенностями. Формы 2-го лица единственного числа глаголов настоящего и будущего времени в эвенском языке имеют личный суффикс -һри, в усть-яском говоре этот личный суффикс имеет вид -һнди, например: одинди `становишься`, биһэнди `(ты) есть, являешься`, утһанди `выкрутишь`, эриһэнди `позовешь`.

В эвенском языке формы 2-го лица мн. числа настоящего и будущего времени глаголов образуются при помощи личного суффикса -с, например, ха-с `вы знаете`, хөр-ди-с `вы уйдете`. В связи с тем, что в усть-яском говоре согласный [с] во всех позициях заменен согласным [һ], глагольные формы 2-го лица мн. числа настоящего времени выглядят как һа- һ вы `знаете`, эмэ- һ `вы приходите`.

В усть-яском говоре и в устной речи информантов, и в письменных источниках преобладает выражение прошедшего времени с помощью причастных форм прошедшего времени с суффиксом -ча/-чэ- и лично-притяжательными суффиксами. При этом формы 3-го лица ед. и мн. числа не имеют личных показателей, а формы множественного числа имеют суффикс числа -л, например: эмчэс `ты пришел`, эмчэлсэн `вы пришли`, эмчэ `он пришел`, эмчэл `они пришли`. В речи информантов отмечаются также формы прошедшего времени на -ри: балдарив `я родился`, мудакрив `я закончил`, эһритэн `они приехали`, но в говоре частотность их употребления мала.

Настоящее время 3-го л. ед ч. от основ на гласный образует форму *бөн* `даёт` (в восточных диалектах *бөрэн*), прошедшее время – *бөчэ* `дал`.

В формах 2-го лица ед. числа повелительного 1-го склонения от основ глаголов с конечным -һ согласный основы отпадает, например: гө-ли `скажи`, ср. и-ли `входи`. В говоре отмечаются формы 1-го лица мн. числа повелительного 1-го склонения с суффиксом -галда/-гэлдэ, например: Гэ, куһал, һэдегэлдэ! `Ну-ка, ребята, давайте танцевать хэде`. Тарпач эчин неһкэлдэ. `Тогда вот как сделаем`. Формы повелительного 1-го склонения 2-го лица мн. числа имеют два параллельных варианта -лда/-лдэ и -лилда/-лилдэ, например, гөлдэ и гөлилдэ `скажите!`. При этом между двумя данными вариантами какая-либо смысловая разница отсутствует.

В усть-яском говоре, как и во всех говорах западного наречия, специализированная деепри-

частная форма на -кил отсутствует, и в ее функции употребляется та же форма деепричастия, что и в индикативных отрицательных оборотах: эди бөр `не давай` (вост. и лит. эди бөкил), эди хөррэ `не уходи`, эдилдэ хөррэ `не уходите`, эди гөн `не говори`, эдилдэ гөн `не говорите`.

Форма средневозвратного залога, которые образуются от основ глаголов посредством присоединения суффикса -б-/-п-, например, бэридэй `потерять` – бэриптэй `потеряться`, бактай `найти` – бакаптай `найтись`, эмэндэй `оставить` – эмэптэй `остаться` и в устной речи, и в письменных источниках употребляются более активно, нежели аналогичные формы в восточных диалектах, при этом формы средневозвратного залога представлены не только в личных формах глаголов, но и в причастных и деепричастных формах: куналду анипчал `посвященные детям`, депчэ чамык `поевший тарбаган`, һуһупчав нандыв `стриженую шкуру`, ирипчэ чалми `сваренные потроха`, нучупчэч тэргыһыч `прокопченной замшей`.

Среди форм длительности/многократности действия в говоре отличается особой активностью форма -гра-/-грэ-/-гара-/-гэрэ-/-һра-/-һрэ: мадай `убить, добыть` – маградай `убивать, добывать`, гөндэй `сказать` – гөһгэрдэй `говорить (неоднократно)`. Примеры: һутур көчүкэн биһэкэн нолимаду бэбэкэм оридюр ируграчал. `Когда ребенок был маленький, на санях детскую повозку сделал, возили.` Ок эмыннэвүтэн як да ач һаграчала. `Когда он придет, никто никогда не знал.`

Для усть-янского, в отличие от других говоров западного наречия, характерно весьма частое употребление формы обычного действия на -ват/-вэт: Би бэйди дуктаһа икэвэттэм. `Я сам что написал, пою (обычно)`. Эрэгэр пэтылһили мостали гиркаватми һадын да һиһтын киһтэкэлдимдэһ оваттан. `От постоянного хождения по твердому полу пятки становились твердыми`.

В говоре отмечается функционирование некоторых форм выражения характера протекания действия, не отмеченных ранее в грамматических описаниях эвенского языка. Форма особо интенсивного действия, образуемая при помощи суффикса -нукан-/-нукэн- от достаточно большого количества глаголов, характерна и для других диалектов эвенского языка, например: Эһми төрэмэн долдыча куһа дүккийи

һиһынукэнчэ. `Услышав, как зовет мать, ребенок ворвался в дом`.

В усть-янском говоре отмечается весьма частотное употребление одновременного деепричастия с суффиксом -никан/-никэн. В говоре данное деепричастие проявляет тенденцию к неразличению форм числа, выступая в форме единственного числа в статусе неизменяемых деепричастных форм. Причина этого явления до конца не ясна, но можно предположить, что оно может быть обусловлено влиянием якутского языка, например: Аһачкакайал дэтлэндялбур нукридюр омынду умивчал, тарич һонуму һиһитындялбур һибалаканны һукэлүкэмнин һоч аич дилгындюр **икэһни-кэн**, һалдур дьявудуридюр эрэли һэденылчэл. `Девушки, крылья свои сняв, положили в одно место, потом длинные косы свои распутив, очень красивыми голосами стали петь, взявшись за руки, танцевать круговое хэде`.

В говоре употребительна форма разносубъектного одновременного деепричастия с суффиксом -һси-, например: Куһакыкан биһиһиву ами эһи һалалһи өгилэ төкыһһыһэр. `Когда я был ребенком, сильные руки отца поднимали наверх`. Һояв ормур көсчиникэн, чорав дювур дюлатһикан, дөһүэли нулгэһиһит. `Много оленей паса, в чуме живя, кочевали мы по тайге`.

В говоре не прослеживается употребление причастия недавнопрошедшего времени с суффиксом -мат/-мэт и причастия давнопрошедшего времени с суффиксом -тла/-тлэ.

Какие-либо особенности наречий как части речи в говоре не усматриваются.

В лексике усть-янского обнаруживаются те же диалектизмы, что и в других крайнезападных говорах, например: нолима `нарта`, кураһли `шапка`, кяга `дед` и др.

Из использованных источников становится заметным, что усть-янский говор эвенского языка не имеет существенных отличий от той языковой формации, которая известна в литературе как западное наречие. Однако, при более детальном рассмотрении в говоре обнаруживаются некоторые отличия и особенности, что должно быть учтено при отнесении данного говора к той или иной языковой формации.

Итак, исходя из опыта исследовательской деятельности и практической работы, следует подчеркнуть, что наряду с образцами устной речи носителей использование письменных текстов как дополнительных источников для выявления

диалектных признаков дает более правдоподобную и достоверную картину исследуемого говора и расширяет возможности специального изучения, классификации и анализа лингвистического материала.

Литература

Бурькин А.А. Язык малочисленного народа в его письменной форме (на материале эвенского языка). – СПб: Петербургское Востоковедение, 2004. – 384 с.

Дуткин Х.И. Основные особенности усть-янского говора эвенского языка // Языки народов Севера: грамматика, диалектология. – Якутск, 1989. – С. 81–88.

Дуткин Х.И., Белянская М.Х. Тундренный диалект западного наречия эвенского языка. – СПб.: Бельведер, 2009. – 166 с.

Кузьмина Р.П. Некоторые лексические особенности языка усть-янских эвенов // Языки и фольклор народов Сибири. Электронный научный журнал. – 2012. – №2. – Режим доступа: URL:<http://www.sivir.ru> (дата обращения 23.04.12)

Ришес Л.Д. Некоторые данные по западному диалекту эвенского языка // Ученые записки Института языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР. – Якутск, 1955. – С. 179–203.

Шарина С.И., Кузьмина Р.П. Лингвистические контакты эвенов Якутии // European Social Science Journal: 2012. – № 8 (24). – С. 229–233.

Шарина С.И. Диалекты эвенского языка: состояние исследований и классификация // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 6, № 5. – С. 641–646.

S. I. Sharina

Written texts as an additional source to identify the dialect characteristics (based on the Ust-Yansky dialect Even language)

The paper attempts to identify some of the morphological features of the language of the Ust-Yansky Evens that were not mentioned previously in publications researchers. Material for the study along with speaking informants served written texts in the Even language, published by local authors. Characteristic for the dialect differences found in oral speech, confirmed and written materials that suggests fairly accurate functioning of the studied forms.

Keywords: Even language, dialects, Western dialect, dialect of Ust-Yansky, morphological features.

УДК 811.554-373.21

С.Н. Курилова

Объективация образов водного фрагмента ландшафтной концептосферы в североюкагирской лингвокультуре*

В статье предпринимается попытка выделить актуальные ментальные единицы водного пространства ландшафтной концептосферы, объективированные в языковой картине мира юкагиров тундры. Анализируются наименования гидрообъектов, семантика гидронимов, образ реки и озера в юкагирском фольклоре.

Ключевые слова: тундровые (северные) юкагиры, юкагирский язык, тундровый диалект, ландшафт, концепт, природный гидрообъект, гидроним, языковая картина мира, пространство, фольклор.

В составе ландшафтной концептосферы один из фрагментов относится к водным и представлен в лингвокультуре тундровых юкагиров названиями таких природных гидрообъектов, как *река, озеро, море, болото, ручей, лужа*. Отсутствие толкового, синонимического, антонимического и других словарей юкагирского языка не позволяет провести полное и компонентное лексикографическое описание этих объектов как первичную часть анализа концептосферы. Однако границы концептуального пространства водного фрагмента можно наметить через данные двуязычных лингвистических словарей, различных письменных текстов и в рамках лингвокультурологического подхода, предполагающего рассмотрение языка в тесной взаимосвязи с культурой.

Однако границы концептуального пространства водного фрагмента можно наметить через данные двуязычных лингвистических словарей, различных письменных текстов и в рамках лингвокультурологического подхода, предполагающего рассмотрение языка в тесной взаимосвязи с культурой.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-38-00031).

Лексикографический анализ гидронимов в словарных статьях юкагирско-русского словаря и различных источниках показал, что в тундровом диалекте существует три обозначения водного объекта РЕКА – *эну* [Курилов Н.Н., 1999, с. 11; Юкагирско-русский словарь, 2001, с. 601; Кури-

лов Ю.Г., 2005, с. 9], *энмудиэ* [Курилов Н.Н., 1999, с. 11; Юкагирско-русский словарь, 2001, с. 599; Курилов Ю.Г., 2005, с. 9], *өнниэ* [Курилов Н.Н., 1999, с. 11; Юкагирско-русский словарь, 2001, с. 357; Курилов Ю.Г., 2005, с. 9] (табл. 1).

Таблица 1

Лексемы, вербализующие концепт «река»

Лексемы	Значение	Способ образования	Состав	Дифференциальная сема
Эну	Река	–	–	–
Энмудиэ	Речка	Афф.	Эну+диэ Река+DIM	Размер – небольшой Качество – впадающая в озеро или протекающая по местности
Өнниэ	Речка	Афф.	Өн+ниэ Река+DIM	Размер – небольшой Качество – берущая начало из озера или на местности

Слово *эну* ‘река’ употребляется как основное обозначение водной артерии. О размере реки можно судить по лексеме *энмудиэ* ‘небольшая речка’, где морфологический показатель уменьшительности передан аффиксом =диэ. *Өнниэ* указывает на то, что речка берет свое начало из какого-либо другого водного объекта или с определенной местности. Например, если в озеро, например Йархийа, впадает река, то последняя получает имя озера и обозначается как Йархийа энмудиэ. Если же озеро, например Тиниэп, дает начало речке из своего водного пространства, то речка получает название озера и обозначается как Тиниэп өнниэ.

Определенные участки реки характеризуются:

- местом, где река берет начало: *иньир* ‘исток’;
- местом впадения речного объекта в другой водоем: *ангиль* ‘устье (реки, речки); выходное отверстие (прорезь, устье) чего-л.; край (рукава, головного убора)’;
- дугообразным изгибом: *хачил* ‘лука, изгиб (реки); локоть’;
- ответвлением русла реки: *нингин* ‘рука; предплечье; рукав (одежды); приток, рукав (реки)’;
- местом впадения одной реки в другую: *ньингойкол(ь)* ~ *ньунгойкуоль* ‘место слияния двух рек’;
- мелководностью: *ньумдийэ*, *ньумдуодьэ* ‘мелкое место в реке, озере’;
- глубоководностью в середине реки: *экун чумдамун* ‘самая глубокая средняя часть реки; стрежень’ (чумдамун ‘позвоночник; стрежень’).

Описывая словами реку, носитель трансформирует ее образ в языковом представлении в свое подобие, подобие человека. *Ангиль* ‘устье’ не просто место впадения реки в другой водный объект или поток воды, переходящий в озеро или море; это – своеобразный рот, из которого происходит некий переход в иное, новое состояние, на что, по нашему мнению, указывает основа ага ‘рот’. *Хачил* ‘изгиб’ и *нингин* ‘рукав’ соотносятся с частями верхних конечностей человека – локоть и рука. Спина реки и самая ее «сильная» часть (стрежень) являются позвоночником. Так юкагиры видят свои реки, как живые существа, имеющие ту же физическую природу, что и человек.

Реки играли важную роль в жизнедеятельности юкагиров как способ ориентации в пространстве и транспортные артерии. Юкагиры без затруднений передвигались по тундре, где за отправную точку бралась река, а если быть точнее – ее течение. Верхнее течение или верхняя сторона реки передается лексемой *пурэгэ*, образованной от послелого *пурэ* ‘над’; нижнее течение представлено лексемой *албарэ*, в основе представленной послелогом *ал* ‘под’. Если речь шла о верхнем течении, то подразумевался юг (лесная сторона), а нижнее течение соответственно север (морская сторона). Напр.: *Эну албарэги* – *чавлаабандьэльэги*, *пурэгэги* – *саалаабар льэй* ‘Нижнее течение реки – это ее северная часть, верхнее ее течение в южной стороне находится’ [Юкагирско-русский словарь, 2001, с. 404].

Водоем в понимании ОЗЕРО в языке тундровых юкагиров представлен лексемами *йалъил*

[Курилов Н.Н., 1999 с. 8; Юкагирско-русский словарь, 2001, с. 109; Курилов Ю.Г. с. 18] и *йалбилдиэ* [Курилов Н.Н., 1999 с. 12], *лауйэ* [Курилов Н.Н., 1999 с. 9; Юкагирско-русский сло-

варь, 2001, с. 186] и *лауйэмдиэ* [Юкагирско-русский словарь, 2001, с. 188; Курилов Ю.Г. с. 21] (табл. 2).

Таблица 2

Лексемы, вербализующие концепт «озеро»

Лексемы	Значение	Способ образования	Состав	Дифференциальная сема
Йалбил	Озеро	–	–	–
Йалбилдиэ	Озерцо	Афф.	Йалбил+диэ Озеро+DIM	Размер – небольшой
Лауйэ ~ лавйэ	Озерцо	-	-	Размер – небольшой
Лауйэмдиэ ~ лавйэмдиэ ~ лавйумдиэ ~ лавйумриэ	Малое озерцо	Афф.	Лауйэ+м+диэ Вода+0+DIM	Размер – небольшой

Объясняя различие между *йалбил* и *лауйэ*, носитель языка Н.Н. Курилов уточняет, что *йалбил* обычно больше и глубже, в то время как *лауйэ* в некоторой степени более напоминает пруд, чем озеро. При этом *лауйэ* как и озеро является постоянно существующим водным объектом в пространстве и в нем могут обитать различные виды рыб. Лишь в зависимости от погодных условий и смены сезонов *лауйэ* может сливаться с другими подобными ему водоемами, либо с озерами.

На самое узкое место в озере между окружающими его участками суши указывает лексема

ньумуойэ ~ *ньумуойэ*. Это своего рода озерный пролив. Узкая полоска суши, разделяющая смежные водные пространства озер, называется *йалбиндьобурха* (йалбил ‘озеро’ + чо́бурха от чо́биэ= ‘ставить сети поперек реки или узкого места в озере’).

Для обозначения МОРЯ юкагирами используется единственная лексема *чавул* [Юкагирско-русский словарь, 2001, с. 533], которая также включает понятие любого крупного гидрообъекта, как например океан (табл. 3).

Таблица 3

Лексема, вербализующая концепт «море»

Лексемы	Значение	Способ образования	Состав	Дифференциальная сема
Чавул	Море	-	-	-

Тундру невозможно представить не только без рек и многочисленных озер, но и без болот, что определяется естественными природными условиями (дренированность грунта, бедность

почвы). БОЛОТО обозначается в юкагирском языке лексемами *ньориль* (Юкагирско-русский словарь, 2001, с. 327) и *ньоринрускэ* [Юкагирско-русский словарь, 2001, с. 328] (табл. 4).

Таблица 4

Лексемы, вербализующие концепт «болото»

Лексемы	Значение	Способ образования	Состав	Дифференциальная сема
Ньориль	Болото	–	–	–
Ньоринрускэ ~ ньоронрускэ	Болото с омутом	Словосложение	Ньори(ль)+н+рускэ ‘Болото+АГ+чашка’	Качество – глубокое

Болота обычно моховые. Мох, произрастающий на болотах, юкагиры называют *моноболукул* ‘черный мох’, что буквально значит ‘земля горного барана’.

Анализ имеющихся источников показал наличие только одной лексемы *сиигийэ*, обозначающей РУЧЕЙ [Там же, с. 431] (табл. 5).

Лексема, вербализующая концепт «ручей»

Синонимы	Значение	Способ образования	Состав	Дифференциальная сема
Сиигийэ	Ручей; часть истока реки	Афф.	Сиигэ+йэ Капать+NR	–

Под *сиигийэ* носителями юкагирского языка понимается небольшой временный водоток, как например весенние ручьи в результате таяния снега и льда, а также этим словом они называют самую узкую часть истока реки.

Жизнь и хозяйственный уклад юкагиров в значительной степени зависит от водных объектов. Юкагиры издавна старались селиться как можно ближе к воде, а именно у рек и озер, и в таком случае почти всегда были доступны пища, топливо, материал для изготовления предметов быта. С определенными реками и озерами связаны ориентиры в пространстве, важные для юкагиров события или информация. Все это нашло отражение в семантике гидронимов. Можно выделить следующие лексико-семантические группы потагонимов и лимнонимов (гелонимов и пелагонимов не обнаружено):

(а) Зоонимические гидронимы представлены названиями, происходящими от наименований:

– животные: *Нададэну* ‘Волчья река’ (нада ‘волк’), *Ньяавай Нададэну* ‘река белого волка’ (‘ньяавэй ‘белый’, нада ‘волк’), *Толонэду* ‘река диких оленей’ (толон ‘дикий олень’). *Лаама йалзил* ‘Собачьё озеро’ (лаама ‘собака’), *Сальика* ‘Мышиное озеро’ (сальил ‘мышь’).

– птиц: *Лабунмэдэну* ‘Куропаточья река’ (лабунмэ ‘куропатка’), *Йангдэдэну* ‘Гусиная река’ (йангдэ ‘гусь’), *Ньямиидьткэ лауя* ‘озерцо, где останавливаются лебеди’ (ньямиидьткэ ‘лебедь’), *Сальба лауя* ‘озерцо, где водятся гагары’ (сальба ‘гагара’).

– рыб: *Көслэдиэ* ‘малое налимовое озеро’ (көслэ ‘налим’), *Лимхатка* ‘большое озеро, в котором водится пелядь’ (лимха ‘пелядь’), *Льукуолэл Ньудьийэткэ* ‘малое озеро, в котором водятся большие гольцы’ (льукуолэл ‘младший, маленький’, ньудийэ ‘голец’), *Чамуолэл Ньудьийэткэ* ‘большое озеро, в котором водятся большие гольцы’ (чамуолэл ‘старший (по размеру), большой’, ньудийэ ‘голец’), *Ньоронмуоха* ‘озеро, окруженное горными холмами и в котором водится чир’ (ньоро ‘маленькая гора, стоящая рядом с горной грядой’, муоха ‘чир’), *Суокуртэзэ* ‘большое пыжьяновое озеро’ (суокур ‘сиг,

пыжьян’), *Умуйэдиэ* ‘малое щучьё озеро’ (умуйэ ‘щука’), *Уохаадиэньэй* ‘малое морянковое озеро’ (уохаадиэ ‘морянка’).

(б) Фитонимические гидронимы включают названия:

– деревьев: *Саадэну* ‘лесная река’ (саал ‘дерево; лес’).

– кустарников: *Ньудьийэткэ* ‘большое озеро, у которого произрастает хвощ’ (ньуйэ ‘хвощ’), *ЧоBURXA* ‘озеро, имеющее тонкие тальники’ (чоBURXA ньанмэ ‘тонкий тальник, краснотал’; чоBURXA от чоБИЭ= ‘ставить сети в самой узкой части озера’), *ЧоBURXATKA* ‘большое озеро с тонкими тальниками’ (чоBURXA ньанмэ ‘тонкий тальник, краснотал’).

– травы: *Ульэгэткэ* ‘большое травянистое озеро’ (ульэгэ ‘трава’).

– мха: *Ньордэньидэну* ‘река, имеющая ягель’ (ньордэнь= ‘иметь ягель’).

(в) По связи с окружающими объектами гидронимы можно рассматривать исходя из следующего:

– места протекания: *Албай өнгиэ* ‘речка, вытекающая из горы Албай’, *Йэрэгуутэзэ өнгиэ* ‘речка, вытекающая из озера, находящегося на большой равнине’, *Сукундава эвчэдөнгиэ* ‘речка, вытекающая из озера, упирающегося концом в облака’ (сукундава ‘облако’, эвчэ ‘острие; вершина, пик’), *Тингиэп өнгиэ* ‘речка, вытекающая из озера Тингиэп’, *Улуруо өнгиэ* ‘речка, вытекающая из озера Улуруо’;

– расстояния: *Йиэлгэлэр Хоннаачил* ‘дальняя речка Хонгначил’ (йиэлгалэл ‘дальний’), *Ордьалэл Муохатка* ‘среднее озеро, в котором водятся большие чир’ (ордьалэл ‘средний’, муоха ‘чир’);

– расположения относительно другого объекта: *Ньоронмуол* ‘озеро, окруженное горными холмами’ (ньоро ‘маленькая гора, находящаяся рядом с горной грядой’), *Сиингиндэиэ* ‘озерцо, находящееся у подножия холмистых гряд’ (сингии ‘правобережная сторона от реки до гряды холмов, тянущихся с юга на север’).

(г) К гидронимам, отражающим отличительные особенности водных объектов относятся:

Ньдьерпэйдэну ‘новая река’ (ньдьерпэй ‘новый’), *Окуля* ‘река одной половины’ (охольэ ‘половина’), *Сэмнэл энү* ‘река с приземистыми берегами’ (сэмэ ‘обрывистый берег’), *Хавархадэну* ‘глубокая река в виде ямы’ (хаварха ‘яма, углубление в земле’), *Хоннаачишл* ‘река с обрывистыми, глубокими берегами’ (хоннэ= ‘глубокий (об обрыве)’), *Чамадэну* ‘Большая река’ (чама ‘большой’).

Йархия йалбил ‘озеро, на котором летом не тает лед’ (йарха ‘лед’), *Лавумдиэтэгэ* ‘озерцо, всегда полное воды’ (лавйэ ‘вода’), *Лайуолэл Сэмнэл* ‘последнее озеро с разрушенной сопкой’ (лайуолэл ‘последний’, сэмэ ‘обрывистый берег’), *Ньойиртэгэ* ‘большое грязное озеро’ (ньойир ‘месиво, грязь’), *Окуодиэ* ‘дырявое озерцо’ (экуо ‘дырявый’), *Охольуу* ‘половина озера’ (охольэ ‘половина’), *Өндьэткэ* ‘большое глинистое озеро’ (өндьэ ‘земля, песок, глина’), *Силбабайлмуол* ‘озеро, высыхающее летом или часто мелеющее’ (силбабай= ‘засохнуть, высохнуть’), *Чабабайл* ‘озеро, громко булькающее от обилия рыбы’ (чабаба= ‘хлюпать, булькать’), *Чамуолэл Улуруо* ‘озеро Большое Улуру’ (чамуолэл ‘старший, большой’), *Чомо* ‘большое озеро’ (чомо ‘большой’), *Чуорхия* ‘озеро со звонким эхом’ (чорхуол= ‘звонкий’), *Эмундиэ* ‘озерцо с островком’ (эмул ‘остров’).

(д) Гидронимы, обозначающие хозяйственную деятельность человека:

Лавурнаачишл ‘река, имеющая плавун’ (лавур ‘плавающее дерево’), *Ньичабуолубэ* ‘река (или озеро), у которой спотыкаются (останавливаются)’ (ньичабуол= ‘быть воткнутым’), *Нункичаан йалбил* ‘озеро, где выделывали шкуры, камусы’ (нунныйэ ‘толстая шкура’), *Өндиэчээн* ‘озеро, у которого благославляют’ (өндиэ= ‘благославлять’), *Пируочил йалбил* ‘озеро, в котором мало рыбы’ (пируол= ‘иметь недостаток’).

(е) Посессивные гидронимы являются результатом переноса названия от людей на водные объекты. Их можно условно разбить на женские, мужские и этнопонимические.

– женские: *Апанаала йалбил* ‘озеро Старушки’, *Паайпэн йалбил* ‘Девичье озеро’ (паайпэ ‘девушка’), *Анна йалбил* ‘озеро Анны’, *Наталья йалбил* ‘озеро Натальи’, *Сапийаа* ‘озеро Софии’;

– мужские: *Акааньэл* ‘река, имеющая старшего брата’ (акаа ‘старший брат’), *Адипэн муоха* ‘озеро Чирь Юношей’ (адил ‘юноша’, муоха ‘чир’), *Көндиэ өнгийэ* ‘речка Конде’, *Сэмнэн*

өнгийэ ‘речка Семена’. Озера: *Лука йалбил* ‘озеро Луки’, *Тингийэ йалбил* ‘озеро Тингийэпа’, *Чапийэн йалбил* ‘озеро Чапийэна’.

– этнонимические: *Омолон* ‘река, на которой живет род’ (омо ‘род, племя, народ’), *Аласэй* ‘река рода Алаи’, *Алайин Муохатка* ‘озеро рода Алаи, в котором водятся большие чирь’ (Алаи ‘название юкагирского рода’, муохатка ‘большой чир’), *Алайин нункичан* ‘озеро рода Алаи, у которого добывали оленей’ (Алаи ‘название юкагирского рода’, нунныйэ ‘толстая шкура’).

Также здесь мы выделяем гидронимы, происходящие от названий:

– частей тела: *Йобулваадэну* ‘река, имеющая едому в форме носа’ (йобул ‘нос’). Озера: *Кидишиси* ‘озера, напоминающие по форме две груди’ (кин ‘два’, иисии ‘женская грудь’), *Чалдьэ йоссуол* ‘озеро, в котором обморозили руку’ (чалдьэ ‘рука’, йоссуол ‘обморожение’). Ручьи: *Эл йобулдьаа* ‘безносый ручей’ (эл ‘не’, йобул ‘нос’).

– одежды: *Турии* ‘озеро в форме штанов’ (турии ‘штаны’), *Угурчэдуул* ‘обувное озеро’ (угурчэ ‘обувь; носки из оленей шкуры мехом внутрь’).

– посуды *Чамуолэл Сускэдэну* ‘большая плоская (полноводная) река’ (чамуолэл ‘старший, большой’, сускэ ‘чашка, блюдо’).

– пищи *Чондийаа* ‘сальная река’ (чондьэ ‘сало, жир’).

(ж) Гидронимы, отражающие объекты духовной культуры:

Анньархаа ‘река, имеющая страшный рот, гортань (название мифической реки, протекающей где-то далеко)’ (анньэ= ‘иметь рот’), *Идылвэй йалбил* ‘озеро Идилвея’ (персонаж юкагирских сказаний), *Эдылвей йалбил* ‘озеро Эдилвея’ (герой-богатырь юкагирских сказаний Эдилвей).

(з) Гидронимы, передающие эмоциональную оценку:

Амут ‘хорошее озеро’ (амуч ‘хорошо’), *Муодийэ* ‘удивительное озерцо’, *Муотэгэ* ‘очень удивительное озеро’ (межд. муо ‘о; ну и ну; вот это да’), *Муол* ‘озеро страдания’ (муол – показатель страд.), *Обундьаатэгэ* ‘большое жалующееся озеро’ (обундьаа= ‘начинать жаловаться’), *Чэнгэ* ‘забавное озеро’ (межд. чэньгэ ‘о, как смешно’), *Энелбей* ‘ласковое озеро’ (эньэй ‘матушка’ – ласковое обращение мужчины старшего возраста к лицу женского пола).

По приведенным топонимам, можно судить о том, что окружающий мир для юкагиров – это своего рода живая система, поскольку все имеет

имя и характеризуется особенностями, отраженными в имени. Это обусловлено особым мировосприятием юкагиров: природа и ее проявления живые. Юкагиры «одушевили» небо, солнце, землю, воду, огонь, горы, реки, озера. Тотальная одушевленность окружающего мира – объективная реальность для юкагиров [Жукова, 1996, с. 38]. Этнографический и фольклорный материал свидетельствует о восприятии юкагирами реки, озера и моря как живых существ. Река и озеро отождествляются с женским началом, а море – с мужским. Особым почитанием пользовались река и озеро. В обрядовых обращениях юкагиры называют их бабушкой (*абучиэ*). Обращаясь к ним, юкагиры просят удачной рыбалки или охоты, хорошего года, покровительства родным и близким. При этом происходит задабривание подарками (бросают в воду бусины, монеты) или кормление реки (оленья почка делится на четыре части, которые бросаются поровну в северном и южном направлении) – обряд этот совершали, чтобы помочь реке родить – разрешиться ото льда. В таких обрядовых действиях река и озеро выступают своего рода медиаторами между людьми и самым главным божеством (Хойл). Напр.: *Энуд-абучиэ, лэудэк. Тэн пөдьэл мэньк. Митул Хойлгинь антасльэк. Сукунмольбал унмун тун чайлэпэ митинь пэдьшинунк.* ‘Бабушка-река, кушай. Вот запах (еды) возьми. О нас напомним Хойлу. Каждый год эти (счастливые) дни нам приноси’ [Курилов Н.Н., 2007, с. 112].

В мифологическом эпосе юкагиров реки и озера связывают с демонстрацией силы и выносливости: богатыри могли за короткий срок пройти от одной реки до другой, с легкостью перепрыгивали реки. Напр.: За один день (Эдилвей) мог пройти от Алазеи до Чукочьей, – вернувшись только говорит: «В таком-то месте добыл дикого оленя. В этом месте заберите» [Фольклор юкагиров, 2005, с. 159]; (Идилвей) стал сильным человеком, искусным охотником. Когда этот человек вырос, запросто перебирался через реки, перепрыгивая их [Там же, 181]. Озеро выступает как место кульминационных действий сюжета: состязание силами (стрельба юкагирского и чукотского богатырей из луков с противоположных берегов озера, приведшая к вражде юкагиров с чукчами), решающее сражение (победа младшего брата в битве с чукчами на озере с островом, обогатившая его и доказавшая превосходство над старши-

ми братьями, которые его обижали), встреча с чем-либо новым или необычным (главный персонаж видит сестер-лебедей у кривого деревца на озере, становится мужем самой младшей из них, а затем главой ее рода) [Там же, с. 183, 207, 209].

В пословицах, сравнениях и толкованиях снов образ всех трех стихий всегда положительный. Они являются залогом успеха (с рыбного озера не уходят), эталоном красоты (глаза как маленькие озерца, лицо как маленькое озеро), хорошей приметой (во сне перейти или стую или маловодную речку – к хорошему). Быстрое течение может ассоциироваться как с положительным, так и отрицательным образом реки. Например, в поучительных нарративах говорится о том, что опасно заплывать на середину озера на лодке, однако пить при жажде лучше там, где есть течение. Перейти во сне реку с быстрым течением – к ссоре с кем-либо. В сравнениях тяжелая жизнь соотносится с дном глубокой реки [Курилов Н.Н., 2007, с. 13, 33, 40, 42, 43, 47, 94, 38].

Контекстов, содержащих образ моря, не выявлено. Очевидно лишь то, что юкагиры почтительно относились к морю, называя его дедушкой (*хайчиэ*). В фольклорных текстах упоминания о море связывают с чукчами (попытки чукчей принести в жертву морю плененного юкагирского богатыря), с полезными свойствами (поение оленьей морской водой от чего их шерстяной покров улучшается, и они легче переносят зиму) [Фольклор юкагиров, 2005, с. 167, 201].

В результате проведенного лексикографического анализа установлено, что в языке юкагиров наиболее лексически разнообразно представлены наименования, относящиеся к концептам «река» и «озеро». В топонимике большей частью представлены потаномимы и лимнонимы, структура которых информативно содержательна. По ним можно судить о размере, форме, рельефе гидрообъектов, о наличии определенных видов фауны и флоры, прослеживается связь с мифологией. В фольклорном материале особенно репрезентативно представлены образы реки и озера. Все это свидетельствует о значимости реки и озера в жизнедеятельности юкагиров тундры, они являются важными фрагментами действительности. Таким образом, концепты «река» и «озеро» – актуальные ментальные единицы в языковой картине мира тундровых юкагиров.

Список сокращений

Афф. – аффиксальный
АТ – атрибутивный показатель
DIM – уменьшительный аффикс
NR – субстантиватор

Литература

Жукова Л.Н. Религия юкагиров. Языческий пантеон: учебное пособие. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1996. – 90 с.

Курилов Н.Н. Тидаанэ титэ моннунни. Раньше так говорили: пословицы, загадки, образные выражения, сравнения. – Якутск: Дани Алмас, 2007. – 152 с.

Курилов Н.Н. Юкагирская топонимика Нижнеколымского улуса Республики Саха (Якутия). – Якутск: РИО РДНТ, 1999. – 48 с.

Курилов Ю.Г. Юкагирские топонимы: учебное пособие. – Якутск: Офсет, 2005. – 72 с.

Фольклор юкагиров / Сост. Г.Н. Курилов. – М., Новосибирск: Наука, 2005. – 594 с.

Юкагирско-русский словарь / Г.Н. Курилов. – Новосибирск: Наука, 2001. – 608 с.

S.N. Kurilova

**Objectification of the images of the water fragment
in the landscape concept sphere of the
Tundra Yukaghir linguistic culture**

The actual mental units of the water fragment in the landscape concept sphere found objectification in the linguistic world view of the Tundra Yukaghirs are distinguished in the article. Names of water objects, semantics of hydronyms, a mythopoetic image of river and lake in the Tundra dialect are analyzed.

Keywords: Tundra (Northern) Yukaghir, Yukaghir language, Tundra dialect, landscape, concept, natural water object, hydronym, linguistic world view, space, folklore.

УДК 821.512.157(092)Попов

Е.М. Ефремова

Типология лирических субъектов в поэзии Л.А. Попова

Приведены результаты исследования субъектной структуры лирической поэзии Л. А. Попова. Выявлены два основных уровня типологии лирических субъектов: а) типология, основанная на взаимодействии субъектной организации с жанровой модальностью; б) типология, основанная на степени индивидуализации лирического «я» (превалирование / минимализация лирического Я) в тексте.

Ключевые слова: субъектная структура, авторское сознание, лирическое «я», лирический герой, проблемно-тематический и жанровый комплекс, стиль.

Поэзия народного поэта Якутии Л. А. Попова (1919–1990) – динамично развивающаяся система, целостность которой обеспечивается единством авторского мышления, его мировоззрением. Его лирика характеризуется, с одной стороны, многогранностью субъектных форм, с другой – вариативностью жанровых модификаций, что позволяет выделить нам два основных аспекта анализа его творчества, сосредоточенных на субъектной проблематике. В последнее время в западной и отечественной науке усилился интерес к субъектной сфере лирического про-

изведения. Предпринята попытка рассмотреть субъектную проблематику как центральную для понимания самой «идеи лирики» [Бройтман, 1988, с. 527]. В якутском литературоведении так же, как и в литературоведении Сибири и Дальнего Востока, вопросы субъектной организации произведений специально не изучались, анализ лирической образности чаще всего производится в аспекте фольклорного своеобразия.

В процессе анализа лирического произведения нередко употребляется термин «лирический герой» как наиболее яркий образ в поэтическом

творчестве. Это исходит из самой сущности лирики, где в качестве основного структурообразующего компонента выступает авторская субъективность. Однако во многих работах он используется для обозначения любого носителя речи, от лица которого ведется высказывание, что приводит к неверному пониманию термина, «стиранию» его природной специфики и познавательного смысла. Специальное изучение теоретической литературы в этом направлении позволяет сделать следующий вывод: лирический герой – это тип лирического субъекта, ограничивающийся в своих функциональных особенностях. В сфере лирики он возникает и функционирует при учете определенных условий: 1) если прослеживается единство сознания, сосредоточенность на определенном круге проблем, настроений, тем, мотивов; 2) если возникающий образ самостоятелен и облекается устойчивыми характерными чертами; 3) когда образ выполняет двойную функцию – становится субъектом-в-себе и субъектом-для-себя [Бройтман, 2006, с. 10]; 4) когда личность раскрывается в ходе развития лирического сюжета. Основная его функция – объединять отдельные произведения определенной тематической группы или лирики в целом, выявляя тем самым целостное единство авторской идеи.

По логике вышеизложенного, несомненно, возникает вопрос о других, помимо лирического героя, типах лирического субъекта. Изучив наиболее существенные классификации субъектов в лирике [Бройтман, 1995, 2003, 2006; Бройтман и др. 2008; Исакова, 2010; Корман, 1992; Савченко, 2000; Соколов, 1964 и др.], а также, исходя из особенностей исследуемого материала, можно выделить следующую типологию – повествователь, лирическое «я», лирическое «мы», лирический герой, ролевой герой. Избранная нами типология условна и строится на основе степени индивидуализации авторского «я» в тексте, что исходит из самой специфики лирического рода. В качестве отправной точки взяты концепции, предложенные в работах С. Н. Кормана [1992] и С. Н. Бройтмана [1988, 1995, 2003, 2006; Бройтман и др., 2008], которые вооружают продуктивной методикой дифференциации субъектов сознания в лирике.

Лирическая поэзия Л.А. Попова характеризуется, как сказано выше, с одной стороны, многогранностью субъектных форм, с другой – вари-

ативностью жанровых модификаций, что позволяет выделить нам два основных уровня типологии авторского «Я»: 1) типология, основанная на взаимодействии субъектной организации с жанровой модальностью, в результате которого субъектные образы претерпевают трансформацию в пределах конкретного жанра; 2) типология, основанная на степени индивидуализации лирического «я» (превалирование / минимализация лирического «я») в тексте, в результате которой авторское сознание предстает в произведении как высказывание, имеющее свою конкретную субъектную форму.

Для того чтобы связать два уровня типологии внутренней логикой, предпочтителен был бы анализ, где конкретному жанру (помимо жанрового субъекта) соответствовал бы определённый тип, выявленный на основе индивидуализации «я» в тексте (например, ода – одический тип лирического «я» – обобщенное «мы»). Однако специфика материала исследования, особенность поэзии Л. Попова, не позволяет произвести анализ по логической спирали подобного плана, где жанровый принцип был бы преобладающим. Следовательно, типология лирического субъекта строится по двум отдельным уровням: а) по степени индивидуализации лирического «я» в тексте и б) по жанрово-типологическому принципу.

В стихотворениях ранней лирики, посвящённых военной тематике, раскрываются три основные субъектные вариации, представленные обобщенным лирическим «мы» одического плана («Будь яростен в бою», «Мы обязательно встретимся», «Докуда дошел ты, юноша саха?» и др.), лирическим «я» («Друзьям», «Друзьям моим, вечно живым», «Снег 1945 года»), а также субъектной конструкцией «безличный повествователь + “чужой голос”» («В родном аласе», «Гостинцы»). Мировосприятие человека поколения 1940–1950-х гг., особенности его сознания, психологии раскрываются посредством типологически разных видов субъектов, что расширяет диапазон лирических переживаний в изображении окружающей действительности. Однако самобытность поэтического стиля Л.А. Попова не только в многогранности, вариативности выражения авторского сознания. Анализ его стихотворений выявляет важную особенность творчества поэта как автора психологической лирики. Проявление психологизма, философ-

ский аспект переживаний во многом помогает раскрыть своеобразие творческой индивидуальности Л.А. Попова.

Результаты анализа подтверждают, что характерным показателем поэтического стиля якутского поэта является многогранное раскрытие авторского «я», совмещающего также и другие виды субъектных вариаций:

– Безличный повествователь – в лирике позднего периода эта форма встречается в произведениях, где раздумья связываются в основном с осмыслением вопросов нравственности. Выявлено, что данная форма чаще всего используется при выражении переживаний наиболее глубокого, философского характера. В стихотворениях обнаруживаются иллюзия полного слияния автора и героя, а также установка на воспроизведение абстрагированного сознания («В жилище предков, вещи разбирая...», «О полезных людях...», «Смелость сердца потеряешь...», «Не найдешь...»). В текстах раскрываются определенные «жизненные истины», выраженные и оформленные в виде нравучения, обращения с поучительным и воспитательным подтекстом. Мысли о том, что делает человека человеком, становятся тематическими ориентирами для раскрытия идеи – раздумий о духовных началах жизни. Характерной особенностью выступают отсутствие заглавий и небольшой объем текстов (от 6 до 12 строк).

– Лирический повествователь выявляется в стихотворениях с более «простым» содержательным контекстом, яркой особенностью которых можно считать установку на «объектность», но в то же время присутствие лирического субъекта в тексте ощутимо. Это положение объясняется несколькими причинами: а) стремлением поэта выразить свою точку зрения, мнение, пожелание по поводу изображенного явления; б) тем, что автор находится в одном пространственно-временном континууме с объектом изображения; в) желанием выразить причастность лирического субъекта к изображаемой действительности. Форма лирического повествователя определяется как нечто пограничное между безличным повествователем и лирическим «я». Он становится самостоятельным образом, темой высказывания, максимально сближаясь с образом лирического героя («Вечерняя Лена», «Лето», «Осенний вечер», «Ночь», «Легенда о песне», «Ботубуя», «Сунтар» и др.).

– Лирическое «я» раскрывается в основном в текстах, где идейно-тематическое содержание не

отличается завуалированностью, выражаются наиболее непринужденные, сиюминутные переживания и ощущения. В зону сознания лирического «я» попадают в основном образы конкретных предметов или образы реальных людей, современников поэта («Моя струна», «В твой день рождения», «Доярочка», «Девушке учительнице», «Жаворонок» и др.).

– «Повествователь + лирическое 'я'» – подобная субъектная конструкция представляется целесообразной для характеристики формы выражения авторского сознания, которая передается посредством повествовательного оформления системы мыслей от лица грамматически маркированного «я». В отличие от лирического «я» эта форма сосредотачивается на изображении более широкого ракурса действительности, что в структуре произведений подчеркивается предпочтением «длинного стиха». В этой связи строка в стихе обычно длиннее, чем там, где в качестве субъекта сознания выступает собственно лирическое «я» без мотива повествователя («Рыбаки», «Тойбохой», «Об одном разрушенном доме»).

– Лирическое «мы» – данный тип лирического субъекта встречается в основном в ранней лирике и чаще всего в стихотворениях, которые посвящены воспеванию общественных явлений. Особенность в том, что лирическое «мы» Л. Попова не является своеобразной «призмой, которая преломляет вещественный мир» (Л.Я. Гинзбург) – он сам выступает в качестве объекта произведений. Функционирование в лирике модели с обобщенным субъектом, речевая стратегия которой совмещает несовместимую семантику – общезначимую и индивидуальную (мы = я + ты + он / каждый) определяется стремлением поэта выразить принадлежность лирического субъекта к общей массе – он представитель народа, коммунист, гражданин своей страны («Душа народа», «Мое поколение», «Комсомолу», «Завтрашнее» и др.).

В целом, в процессе анализа установлено, что в зависимости от характера излагаемых мыслей, переживаний поэт варьирует субъекты сознания и речи, меняет позиции лирического «я», создавая тем самым типологически разные виды лирических субъектов. Каждый тип лирического субъекта выступает в качестве своеобразной «призмы», способствующей наиболее эффективной передаче лирических переживаний, чувств того или иного характера.

Особенность поэзии Л. А. Попова в том, что в центре его лирической системы стоит индивидуальное сознание, представленное образом лирического героя. В отличие от вышерассмотренных типов лирического субъекта, его основная функция – объединять отдельные произведения определенной тематической группы или лирики в целом. Следовательно, посредством именно данного типа лирического субъекта прослеживается эволюция творчества и особенности мировосприятия автора. Систематизация материала выявила особенности художественного воплощения образа героя в конкретном проблемно-тематическом комплексе стихотворений, раскрывающих своеобразную бинарную оппозицию, отражающую отличительную черту сознания лирического героя.

Автобиографический генезис переживаний в интимной лирике, представлен субъектной ситуацией «я как «другой», что определяет антогонистический характер героя. Этим обусловлено и раскрытие лирических эмоций в бинарном ракурсе. С одной стороны, в лирике Л.А. Попова любовь ощущается как возвышенное состояние человеческой души («В моей руке как будто рука твоя...», «Когда твои глаза...», «Протягиваю руку к Тебе...» и др.), с другой – поэтом параллельно осмысливается и проблема «конца любви» (или возможного конца) – наряду с поэтическим воспеванием возвышенной любви гамма чувств любовной лирики вбирает в себя мотивы сомнения, страха, боли, разочарования («Царица», «Расстались бесповоротно...», «Не радуюсь, не грущу...» и др.). Переживания героя зачастую раскрываются на фоне драматического мотива. Именно поэтому многие стихотворения поэта стали известными песнями романсного типа. Жанровая форма романса в его лирике предстает в модифицированном варианте (высокая степень драматизации лирического повествования, проникновение в сюжет эпических элементов).

В примерах любовной лирики наглядно прослеживается динамика переживаний, эволюция сознания лирического героя. Немаловажное значение при этом имеет образ рук, выступающий в лирике поэта как символическое воплощение взаимопонимания. Результат визуализации картины с образами рук дает возможность интерпретировать ее содержание как знаковую систему, символизирующую олицетворение любви, взаимопонимания, обуславливающего мотив от-

рицания одиночества. Являясь одним из центральных элементов любовной лирики Л.А. Попова, образ рук выполняет характерологическую функцию имплицитного смысла. Выступая в одном и том же значении, он вызывает разнообразные ассоциации, связанные с разноаспектным уровнем интерпретации лирических переживаний, является своеобразным методом определения душевного состояния героя («В моей руке не стало твоей руки...», «Волны», «Мимо проходя, дорогая...» и др.).

В стихотворениях гражданской тематики образ родной природы нередко сопоставляется с пейзажем южных стран. Выявляется, что оппозиция юг/север является характерной особенностью гражданской лирики Л.А. Попова. Их взаимное притяжение и отталкивание образуют особый бинарный контекст переживаний, определяющий специфику раскрытия темы Родины «Выбор» между теплыми, южными странами и суровым севером, где неизменное предпочтение лирическим героем дается родным местам, раскрывает гражданскую патриотическую идею («Вспоминаю родной алас...», «Чайки», «Горы Карпат», «На берегу Днепра», «На берегу Черного моря», «На Эльбрусе» и др.). Следовательно, одна из граней гражданской тематики тесно переплетается с пейзажной лирикой, которую можно разделить на два вида: экзотический (инонациональный) и национальный.

На фоне этого своеобразия в качестве характерной особенности художественного стиля выступает психологическое отображение души и эмоциональных переживаний лирического героя через природные образы, мотивы («Я был росинкой, а потом...», «Огонь», «Прошу от жизни», «Восхождение», «Буря» и др.). Национальные образы и сравнения обуславливаются ментальностью народа и придают стихотворениям эстетическую ценность.

В стихотворениях о поэте и творчестве мир Поэзии строится и существует на взаимодействии двух противоположных понятий: страдания и счастья. В этих произведениях обнаруживаются мотивы, выявляющие трудность профессии поэта – человека, живущего творческой жизнью. Он вечно находится в поисках, его терзают муки вдохновения, выявляется нестабильность, тревожность мыслей героя. В то же время его наполняет чувство безмерного счастья оттого, что он творит, он не может представить жизни

без поэзии, без творческого вдохновения. Геро-ем глубоко осмысливается «двойственная» сущность философии жизни поэта, основанной на сочетании драматизма и гармонии, что способствует развитию лирической мысли в бинарном аспекте («Не познай, друг», «Раздумья» и др.).

Размышления лирического героя в философской лирике концентрируются вокруг интерпретации проблемы жизни и смерти, что также способствует развитию лирических переживаний в бинарном контексте («Пристрастия жизни», «Мое детство» и др.).

В жанрово-типологическом отношении единичные состояния лирического героя претерпевают характерное изменение в зависимости от типов стихотворений, формируя разнообразные вариации. Своеобразную жанровую грань поэзии Л. Попова составляют стихи-посвящения, близкие жанру послания. Особенно четко это проявляется в тематической группе стихотворений о поэте и поэзии, где отдельный пласт посвящается собратям по перу («Назыму Хикмету», «Моему ровеснику-поэту» и др.). Композиционная структура стихотворений формирует тип субъекта, соответствующий жанру послания, в основе которого лежит обращение к определенному адресату. Введение собственных имен реальных личностей активизирует в стихотворениях биографический подтекст: лирический герой выражает переживания, возникшие на основе сугубо личных ассоциаций и представлений.

В отличие от этого в жанре баллады, в форме которой написано стихотворение «Сожалдия», выявляется лирическое «я», которое можно определить, как «подвижное» (термин Ю.М. Лотмана), ибо его подсознание отличается потенциальной возможностью пересечения границ ирреального потустороннего мира, что в очередной раз подчеркивает неординарность мышления Л.А. Попова. Формируется балладный тип лирического «я», обусловленный, прежде всего, инвариантным развитием лирического сюжета. Во-первых, сюжет возникает из семантической неоднородности художественного пространства – оно оказывается «двойным»: с одной стороны, это реальное человеческое измерение, с другой – это мистическая непостижимая сфера, где герой видит красавицу Сожалдию. Во-вторых, лирический сюжет мотивирован отчуждением героя от «бытового» мира, несоответствием его реальному пространству.

Своеобразие авторского «я» в жанре элегии сосредотачивается на раскрытии идеи времени, его циклической необратимости и принципиальной значимости для него. Переживания лирического героя связываются с диалектикой жизни и смерти, быстрым течением времени, что обуславливает мотивацию элегического тона. Циклическое движение времени вызывает у лирического героя чувство глубокой тоски – старость для него служит грустным воспоминанием о прошедшей юности («В детство свое я вернулся», «Старость», «На волосах зимний иней...» и др.). В ходе исследования доказывается, что особенности подсознания, мировосприятия образа лирического героя обуславливаются аспектами жанровой модальности.

Характерной особенностью образа героя Л.А. Попова является внутренняя семантическая неоднородность: он может быть связан как с объектным планом произведения, так и с авторским лирическим «я». В этом смысле выявляются две формы взаимодействия авторского и героического планов: «я как другой» и «другой как я», проявленные на уровне двойственности образа лирического героя. В субъектной ситуации «я как другой» прослеживается некоторая определенность внешнего и внутреннего облика, раскрывается единство авторского сознания, биографическая, социальная характеристика, что позволяет выразить идею концептуального плана. Ситуация «другой как я» определяет стремление автора объективировать себя в героя, для того, чтобы отстраниться от самого себя, чтобы увидеть себя глазами «другого» – объективировать себя («Поэту», «Береза и редактор», «Тяжелая ноша хвалы»).

Особенность субъектной организации лирической поэзии Л.А. Попова позволяет дифференцировать, наряду с другими формами выражения авторского сознания, героя ролевой лирики – особого типа лирического субъекта, открыто выступающего в качестве «другого», близкого, как принято считать, к драматическому герою.

В творчестве Л.А. Попова примеры изображения переживаний, присущих другим лицам, немногочисленны, что, несомненно, свидетельствует о том, что его лирика является по преимуществу автопсихологичной. Таким образом, исследование типов субъекта в поэзии Л.А. Попова показывает особую модель лирического Я:

Во-первых, многогранность лирического объекта, разносторонность его отношений с субъектом и предметом изображения определяют своеобразную структуру лирики Л.А. Попова, многообразие форм выражения в ней авторского сознания. Различная степень присутствия «я» в тексте определяется стилевым своеобразием авторского «я», в целом тяготеющего к синкретической модели.

Во-вторых, лирический субъект Л.А. Попова претерпевает изменения в зависимости от различных жанров и своеобразных устойчивых жанровых форм (ода, послание, элегия, баллада).

В целом, в поэзии народного поэта раскрываются традиционные тематические линии – любовь к Родине, воспевание красоты северной природы, интимная лирика, тема о поэтах и поэзии. Однако у Л.А. Попова изображение художественной картины мира отличается оригинальными образными сопоставлениями, своеобразными авторскими интерпретациями, раскрывающимися посредством необычных сравнений, поэтических ассоциаций и представлений, специально подчеркивающих категорию национального. Углубленное мировосприятие, самобытное образное мышление отражаются в проблематике поэтических произведений, раскрывающейся через национальное мировидение в переживаниях, оформленных в особом бинарном контексте. Внутренние оппозиции, своеобразные со- и противопоставления в раскрытии лирических переживаний определяют самобытный авторский стиль. Философский, психологический аспекты переживаний, гармонично сочетающиеся с лаконичной формой высказывания, также служат показателем индивидуального авторского стиля. Причем образная система, лексический, тропеический арсенал, звуковая организация, поэтическая интонация – все выдает в нем глубоко национального поэта. Лирические образы его поэзии пронизаны национальным колоритом, что в целом дает возможность представить самобытную

поэтическую модель мира с присущими ей особенностями. Все это определяется высокой поэтической культурой, концептуальной волей автора, его индивидуальной творческой манерой. Именно поэтому авторское «я» Л.А. Попова многогранно и представляется в разноаспектном ракурсе лирического индивида, способного синтезировать различные модуляции авторского и «чужого» голоса.

Литература

Бройтман С. Н. Субъектная структура русской лирики XIX – начала XX вв. в историческом освещении // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1988. – Т. 47. – №2. – С. 527–538

Бройтман С. Н. Три концепции лирики // Известия РАН. Сер. литературы и языка. – 1995. – Т.54. – №1. – С. 18–29

Бройтман С. Н. Лирика в историческом освещении // Теория литературы. Роды и жанры: (Основные проблемы в историческом освещении). – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – Т. 3. – С. 421–465.

Бройтман С. Н. Лирический субъект // Введение в литературоведение: Учеб. пособие / Под. ред. Л.В. Чернец. – М.: Высш. шк., 2006. – 680 с.

Бройтман С. Н., Тамарченко Н. Д. Лирика. Три теории лирики // Теория литературы: (Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика). / Н.Д. Тамарченко и др. 3-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – Том 2. – 359 с.

Исакова И. Н. О субъектной организации и системе персонажей в лирике // Поэтика литературного произведения. – М.: Макс пресс, 2010. – С. 76–91

Корман Б. О. Избранные труды по теории и истории литературы. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. – 236 с.

Савченко Т. Т. Субъектный строй русской лирики: (На материале поэзии XVII – первой трети XIX вв.): Дисс. ... доктора филол. наук. – Караганда: КарГУ, 2000. – 304 с.

Соколов А. Н. Художественный образ в лирике Лермонтова // Творчество М. Ю. Лермонтова. – М.: 1964. – С. 173–201.

Е.М. Efremova

Typology of Lyrical subjects in poetry L.A. Popov

The article gives the results of investigating the subject structure of L. A. Popov's lyric poetry. The two main levels of the typology of lyric subjects have been revealed: a) the typology based on the interaction between the subject organization and the genre modality; b) the typology based on the degree of individualization of the lyric "I" (prevailing / minimizing of the lyric "I") in a text.

Keywords: subject structure, author's consciousness, the lyric "I", lyric hero, problem-thematic and genre complex, style.

А.А. Билюкина

Человек и власть в комедиях Н.Д. Неустроева

Статья посвящена исследованию пьес Н.Д. Неустроева в контексте становления якутской драмы в начале XX в. Основное внимание уделено проблематике и тематике пьес, выявлению и определению специфики функционирования образов, развертыванию в композиции произведений сюжетной ситуации и конфликта. В качестве основной концепции комедийных произведений драматурга выделена проблема человека и власти. Комедии Неустроева рассмотрены в аспекте генезиса национальной драмы: определения фольклорных истоков, амбивалентной природы смеховой культуры народа. На основе анализа произведений Неустроева выявлены типологические характеристики якутской комедии.

Ключевые слова: личность, власть, невежество, конфликт, грамотность, смех.

Н.Д. Неустроев в статье о журнале «Чолбон» писал о событиях культурной Якутии двадцатых годов: «Открытие якутского национального театра, организация Якутиздата и, наконец, выход якутского литературного журнала “Чолбон” – бесспорно, большие культурные достижения Советской Якутии...».

Демократические мероприятия советской власти, перемены в народной жизни выдвинули новые темы и проблемы перед литературой и обусловили их самобытное художественное решение. Популярная для многих литератур тема «человек и власть» претерпевает различные интерпретации в произведениях якутского фольклора и литературы.

В олонхо представители человеческого племени исполняют обязанности согласно своему социальному статусу на иерархической лестнице. Главные мотивы действий героев – защита родины от врагов, продолжение своего рода. Социально-психологические качества героев движут сюжет и конфликт уже в сказках, преданиях и легендах, относящихся к историческому времени.

В произведениях А. Кулаковского герои – типы нового времени, начала XX в., когда роль индивидуальности начинает выдвигаться на первый план. Перед героем ставился вопрос – небо коптить или же энергично созидать человеческую жизнь? Поэтому каждый тип воплощает социально-психологические черты, гиперболизированно ярко представляющие его человеческую и социальную суть.

У А. Софронова в драмах обнажен нерв времени – трагедия человека под гнетом деспотизма власть предержащих и их несправедливых

законов. Но герой, имеющий нравственный стержень, выдерживает жестокие испытания, закаляется его характер. Человек продолжает свое жизнотворчество.

В пьесах Н. Неустроева тема «человек и власть» раскрывается на материале предреволюционной и советской действительности. Хотя первые пьесы Н. Неустроева от первых драм А. Софронова отделяет короткий промежуток времени, социальные сдвиги, происходившие в этот период, определили выбор Н. Неустроевым жанра комедии. Царское самодержавие было свергнуто. И темы предреволюционной якутской действительности на новой ступени ее развития: тяжелая жизнь крестьян, положение женщины, произвол царско-тонойской администрации и суда, байский гнет, проникновение зачатков буржуазных отношений и освободительных идей российского революционного движения, вызвавших раскол патриархальных устоев, – рассматривались уже под иным углом зрения. Этот взгляд воплотился в жанре комедии.

После Февральской революции были написаны комедии П. Ойунского «Волна жизни» (1917), Н. Неустроева «Голова Кукакы» (1920) и «Злой дух» (1920). Эти сатирические комедии построены на столкновении человека из народа и представителей отжившей государственной системы, на противостоянии врожденного стремления человека выполнить свое предназначение на земле и пороков, порожденных социальными условиями.

Время создания комедии «Голова Кукакы» (1920) подсказало ее тему и жанр (кукакы – птица сойка). Эпиграф-поговорка «С головой Кука-

кы, с князцом Дятлом, писарем Вороном», эзоповским языком высмеивающая царский суд, определила аллегорическое название пьесы и стала ключом к объяснению ее комедийного содержания. Общероссийская ситуация разложения царско-чиновничьей системы в Якутии в комедии «Голова Кукакы» выразилась как конфликт представителя царско-тоёнского аппарата – головы с крестьянской беднотой в условиях расшатанной власти.

Комедийность образа невежественного Головы создается контрастом его административной власти с ее формальным исполнением и бездельностью. Внешне, по социальной инерции, Голова обладает всеми атрибутами власти в улусе: крестьяне обращаются к нему со своими тяжбами, подчиненные пресмыкаются перед ним. Но обстановка в улусе, как и повсюду, беспокойная. Голова горюет по былым временам, когда «можно было безраздельно властвовать над людьми. Теперь же люди от мала до велика не почитают ни господ, ни богатства».

Конфликт Головы с бедняком Басылаем и учителем, разоблачающими его беззакония, приводит в движение комедийное действие. По мере его развития все более обнажается социальная суть характера Головы, враждебная прогрессивным переменам в народной жизни. Герой опасен, несмотря на внешне безобидные инертность, простодушие и доверчивость, идущие от нежелания задумываться над событиями, от консерватизма мышления и поведения. Его напыщенность и наигранная заинтересованность в спорах истцов, а на деле – полнейшее равнодушие к заботам людей создают комический эффект. С установлением новой власти Голова, прикидывающийся безобидным стариком, разоблачается бедняком Басылаем.

Характеристика Головы, раскрытие его реакционной роли в предреволюционной действительности достигается и мастерским изображением его окружения. В улусе власть Головы поддерживается людьми, близкими ему по классовым интересам и хватательным рефлексам. Угодничающий сплетник крестьянин Тынырах (Коготь) появляется в решающие для Головы моменты, лъстя, наушничая, выпрашивая подачки, клянясь в своей любви к справедливости: «Я могу говорить правду, никого не боясь. За правду сложу голову». Комизм действия создается контрастом его высокопарных слов и

низменных побуждений. Рабская психология Тыныраха социально определена. Этот крестьянин стяжательскими инстинктами защищает старый миропорядок. Писарь Семен Семенович, хотя и посмеивается над Головой и вроде бы безучастен к происходящему, на деле же коварен и социально опасен. «Жадный и хищный, как отец. Он отвратил весь улус от себя», – отзывается о нем прозорливая супруга Головы. Писарь унаследовал от своего покойного отца-тоёна цепкий ум, хладнокровие и силу характера. Он дальновиднее и хитрее Головы, умело приспособляется к новым условиям. Зная глупость и тщеславие Головы, писарь толкает его на беззаконие. Более здравомыслящая из окружения Головы – его супруга знает реальное положение мужа, но напрасно пытается образумить его. Голова делает все вопреки ее предостережениям и каждый раз оказывается в комическом положении.

Действие завершается провозглашением Русским и Якутом новых порядков. Образы Русского и Якута символизируют интернациональный характер народной власти. Царско-тоёнскому правлению вынесен окончательный приговор.

Такова галерея персонажей в этой пьесе. Каждый персонаж наделен индивидуальными социально-психологическими особенностями, присущими его возрасту, сословию и миропониманию. В целом вся гамма личностных характеристик героев, развитие их взаимоотношений и судеб порождены конкретно-историческими условиями. Органичная связь и взаимодействие этих обстоятельств и характеров создают живое комедийное действие. Справедливое торжествующее начало в комедийном конфликте воплощается в персонажах Учителе и бедняке Басылае, представителях народной власти, названных в пьесе Русским и Якутом. Учитель присутствует в пьесе незримо. О нем упоминают Голова с приближенными, называя его «преступником, который и богу не молится, и господ не почитает». Каждый поступок Головы, по словам персонажей, осуждается Учителем, пробуждающим в людях человеческое достоинство и сопротивление деспотической власти. Несмотря на попытки Головы утихомирить, привлечь его на свою сторону, Учитель продолжает бескомпромиссно разоблачать местных заправил. Влияние Учителя чувствуется в смелых выступлениях крестьянина Басылая против Головы. От действия к действию достоинство

и смелость постепенно укрепляются в Басылае. Впервые в доме Головы он появляется, узнав о том, что тот получил царскую медаль за деньги, «добытые потом и кровью бедноты». В ремарке отмечается, что Басылай, «кажется, пьян». Он дерзко, с сарказмом и иронией бросает обвинения Голове. Это вполне соответствует логике комедийного действия,

В создании символических образов, метафор-обобщений Н. Неустроев часто отталкивается от живых прототипов и реальных событий. Например, в его очерке «Революция в якутской глуши» [Неустроев, 2006] описывается манифестация в честь Февральской революции в селе. «В управу приехали из города два человека. Один русский, а другой якут, которые первым делом велели убрать портреты царя, украшавшие убогий дом здания управы. Это был первый акт движения против низвергнутой старой власти в нашем улусе». Это событие упоминается и в воспоминаниях П. Ойунского [1962, с. 17], по партийному поручению ездившего в улусы вместе с коммунистом А. Поповым, извещая о свержении царя и агитируя за народную власть. П. Ойунский и А. Попов были теми Якутом и Русским, уполномоченными устанавливать народную власть. Впервые в якутской драме появляются реальные исторические силы (Русский, Якут, Учитель, бедняк Басылай), выдвинутые как ниспровергатели старого и создатели нового общества.

Н. Неустроев полагал, что после годов «лихолетья и революционной бури» наступит лучшая пора. Своей общественной деятельностью и творчеством он стремился способствовать ее созданию. Обеспокоенность духовным состоянием общества сквозит в комедии «Злой дух» (1920), поставленной в сезон открытия Якутского национального театра – в ноябре 1925 г.

В пьесе высмеивается и разоблачается дух стяжательства – «злой дух», разлагающий нравы дореволюционного якутского улуса и все же живой в людях последующего времени. Человеческий порок – жадность в ипостасях скупости и накопительства, встречающийся также и в якутской среде и ее типажах, высмеивается в комедии саркастически, одновременно с анализом его происхождения, условий бытования и его значения для человеческой личности и общества. Страсть героев к обогащению обусловлена их социальным положением и воспитанием, она движет их поступками и взаимоотношениями, раз-

рывает естественные человеческие связи и подавляет душевные порывы. «Злым духом» охвачены все персонажи, он движет комедийное действие.

Старик Бырдахов считается богачом по понятиям патриархального улуса. Его отец был батраком-хамначитом. Зная безграничную власть денег в обществе, Бырдахов посвятил жизнь накопительству. Неимоверным трудом и оборотливостью он выбился в богатые. Однако страсть стяжательства обернулась «злым духом», искалечившим его. Своим бездушием и скабрзностью Бырдахов настроил против себя даже дочь. Оскорбленный бедняк Сияхтэ Семен мстит Бырдахову: обворовывает его и женит бедняка Конона на его дочери. Не признавая своей вины перед людьми и перед собой, невежественный, суеверный Бырдахов видит причину жизненных невзгод в роке – «злом духе». «Если злой дух найдет тебя, тут уж не обижайся: богатство твое пойдет прахом, жизни не будет тебе». Обедневший старик уже не тот горделивый человек. От его былой комичной хвастливости и высокомерия не осталось и следа. Он жалок, но верен себе – преклоняется перед богатством и заискивает перед «отмененными людьми» – авантюристами Кононом и Семеном.

Бедняк Конон мечтает разбогатеть, женившись на дочери Бырдахова. Ради этого он идет на преступление: крадет деньги старика и возвращается из города состоятельным купцом. В комедии указывается происхождение этого юноши: дед его был богачом, а отец – бедняком. «В крови», в родословном воспитании Конона заключены истоки его безнравственных честолюбивых планов. Конон легкомыслен и слаб характером. Женитьбу на богатой невесте устраивает ему Сияхтэ Семен. Этот «бедняк средних лет» – весьма колоритная фигура в комедии. Нелегкий жизненный путь, отсутствие твердых моральных устоев сделали Семена циничным и жестоким. Наблюдения и беспощадные саркастические суждения Семен выражает пословицами и поговорками, в его яростной речи выплескиваются бурлящие чувства обиды, гнева, злорадства. За свою предприимчивость и независимость он прозван «таежным разбойником». Его решительные действия движут комедийный конфликт. Конон и Семен более жизнеспособны, чем старик Бырдахов. Они – носители авантюристического, предпринимательского духа зарождающихся бур-

жуазных отношений. Внешне противопоставленные друг другу, Бырдахов, Конон и Силахтэ Семен в финале комедии примиряются. Смена хозяев патриархального уклада накопителями буржуазной формации не только не изменила существо классовых отношений в якутском улусе, но и усугубила их противоречия и нравственную деградацию героев пьесы.

Разоблачению нравов в комедии способствуют взаимоотношения молодых. Дочь Бырдахова Марина ради личного интереса не щадит даже отца. Она указывает Конону место, где спрятаны деньги. Речь героини – резкая, крикливая, в разговоре с Кононом – игривая, в монологе о скупости отца – дерзко вульгарная. Много в ее языке ругательных слов, междометий, возгласов, свидетельствующих о ее порывистом и властном характере. Она дочь своего отца, выросшая в неблагополучной эгоистичной семье.

Комедийное столкновение, создавая комичные ситуации, воплощало, по сути дела, внутренний конфликт извращенных человеческих страстей. При внешне благополучном исходе внутренний конфликт разрешался сатирическим разоблачением мнимого благополучия героев, разлада их устремлений с подлинной человечностью. Сатирическое изображение нравов в комедии «Злой дух» было рождено озабоченностью автора бездуховностью и жадной обогащения и власти у своих современников.

Н. Неустроев – один из первых якутских драматургов, реалистически отображавших типичные явления и проблемы советской действительности. В статье о журнале «Чолбон» он писал: «Всякий литературный журнал должен прежде всего отражать на своих страницах быт и события современности». Комедию «Тар» (1925) писатель посвятил проблемам советского строительства. Н. Неустроев, озабоченный административным управлением на местах, высмеял безграмотную деятельность улусных властей. Он писал, предвзято замыслив пьесу, о необходимости достойных, образованных кадров для строительства нового общества. Проблема с кадрами и «кухарками, управляющими государством», распространялась в России повсеместно.

Для комедийного заострения этой проблемы в подзаголовке сообщается, что «событие происходит в глухом наслеге отдаленного улуса». Эпиграф комедии – из басни И. Крылова: «Смеяться, право, не грешно, над тем, что кажется смешно»,

настраивает тональность комедийного жанра на юмористическую комичность, переходящую в сатиру. Действие драмы жизнеподобно, наполнено достоверными бытовыми деталями, характеры персонажей живые, даны в развитии. Каждый из них при всей внутренней противоречивости имеет свой пафос, свою ведущую черту, вовлекающую его в драматический конфликт. В экспозиции комедийной ситуации Харыйа Ыстапан, председатель наслежного ревкома, умело решал дела наслег, как подтверждает персонаж Хоноса. Ыстапан предан советской власти, отдает работе все силы, не жалея себя, ему некогда позаботиться даже о своей семье. Он предельно честен. Когда супруга Ботуччу-бая пытается предложить взятку, Ыстапан возмущается. Однако из-за душевной слепоты и безграмотности у него развилось самомнение. Самоуправство становится стилем его работы. На работе он принимает «горделиво-значительный вид». Эта манера Харыйа Ыстапана подчеркивается ремаркой: «важным голосом». Герой начинает легковесно смотреть на трудности строительства новой жизни: «Для советской власти теперь и большой мороз не страшен», – говорит он. Неверно поняв указание свыше, он собрал с населения вместо тары тар (простоквашу). Побудительные причины поступков Харыйа Ыстапана безобидны и даже благородны. Вот как он объясняет сбор «тара»: «По данным науки, человек, питающийся таром, становится крепким, здоровым. Советская власть заботится о здоровье народа. Я полагаю, что тар надо собирать для школьников».

Высмеивая героя, Н. Неустроев предупреждает, что личные недостатки людей могут нанести вред обществу. И действительно, промашку председателя кулаки используют для дискредитации советской власти. Исследование связи личности и общества в комедии «Тар» приводило к выводу о необходимости развития личности до уровня требований времени и идеалов нового общества.

Председателю ревкома противостоит коварный Ботуччу-бай, приспособившийся к новым условиям. Бай дает образование своему сыну, но тому грамотность не помогла, он «бесславно умер». «Грамотные люди – не из лучших», – заключает одни из персонажей, выражающий объективную оценку бая. Следовательно, для благополучия общества недостаточно одного образования, важны нравственные устои человека. Бо-

туччу-бая, прикидывающегося безобидным, несправедливо пострадавшим, жалеют сердобольные женщины. А он, ухватившись за оплошность Харыйа Ыстапана, пытается опорочить советскую власть. Его речи, внешне правдивые, имеют двойной смысл. Из разговора персонажей выясняется прошлое этого бывшего князца, угнетавшего и грабившего людей. На наследном собрании он будоражит людей, провоцирует их недовольство мерами новой власти. Но хотя он и торжествует над незадачливым Харыйа Ыстапаном, у него нет почвы под ногами.

Есть в комедии представитель советской власти, верный проводник ее политики. Это уполномоченный из центра. На протяжении всего комедийного действия Хоносо корректирует поступки и слова Харыйа Ыстапана, то поддерживая его против Ботуччу-бая, то посмеиваясь над его запальчивостью и хвастливостью. Уполномоченный разъясняет ошибки Харыйа Ыстапана и дает им оценку. Образы уполномоченного и Хоносо однозначны: они несут функции резонеров, выступающих глашатаями советской власти. Критически вскрывая недостатки в строительстве новой жизни, разоблачая ее внутренних врагов, драматург утверждал, что человеческая сущность личности определяет ее судьбу, а в просвещении видел одно из средств воспитания нового человека.

Комедия «Тар» вызывала резко противоположные отзывы с преобладанием отрицательных, обусловленных узким пониманием жанра комедии. Поэтому комедия многие десятилетия была под запретом. Каждое время по-своему прочитывает ее. В начале проведения перестроечных социальных реформ – в 1991 г., когда в общественном настрое было сильно экспрессивное отрицание политики тоталитарного режима и ее последствий, эта пьеса была поставлена в Якутском театре.

В комедийной образности спектакля узнавались традиции сатирических поэм А. Кулаковского, высмеивающих человеческие пороки через женские и крестьянские образы, и стилизация сатирического народного лубка. Так, Н. Неустроев осуждает кадровую политику и развенчивает невежество и безграмотность представителей новой власти на местах, наносящих урон как самой власти, так и жизни населения, а в просвещении он видит одно из средств воспитания.

В комедии «Поспешивший» (1925) Н. Неустроев высмеивает нравы, рожденные системой гнета и грабежа, обезличивающей якутского крестьянина. Колониально-самодержавная власть гасит надежды у людей на лучшее, порождает губительное пьянство, картежничество, равнодушные к людям и к самому себе. Предметом комедийного осмеяния в «Поспешившем» является безнравственное и легкомысленное отношение к жизни. Крестьянин Омуннах (Запальчивый) Уйбан, проиграв в карты свой товар, не огорчается. Услышав в городском кабаке о смерти жены, не печалится. Возвращаясь из города домой в деревню, он по пути скоропалительно сватается к вдове Аллаах (Расторопной) Агафье. Хитрый сват Бетюр и Аллаах Агафья соглашаются на это сватовство из корыстных целей.

Во втором действии юмористическая палитра красок сменяется саркастической и драматической. В доме Уйбана царит нищета, домочадцы больны, озлоблены. Смешон и жалок Уйбан, увидевший живую жену. Остро комедийный эпизод, где он бежит в панике, стараясь скрыть от семьи сватовство, а от сватов – жену. Конфликт разрешается гневом жены Уйбана, возмущенной поведением мужа. Но наказанный герой остается верен своей ничтожной натуре: он не видит причины позора в себе, во всем обвиняет случайного прохожего, известившего о смерти жены.

Гротескно заостряются ведущие черты персонажей, указанные в их именах, создавая комедийный эффект, обнаруживающий их человеческую суть и ее моральную оценку. Сюжет пьесы завершается комически, соответственно логике развития комедийных характеров и конфликта. Развязкой конфликта бичуются человеческие пороки и вызванные ими обстоятельства жизни.

Эпиграфом драмы Н. Неустроева «Жестокая судьба» (1921) взята фраза из пьесы А. Островского «Гроза»: «Жестокие нравы, сударь!». В драме изображается дикость нравов якутской патриархально-феодалной действительности, их губительное влияние на человеческую личность.

В монологе Марьи слово «судьба» звучит двояко: как власть обстоятельств над человеком и как воля самого человека, сопротивляющегося им. Невыносимо тяжела ее жизнь с ограниченным и страшным в жестокости мужем. Марья нежна, мечтательна, но с твердым характером,

сильными страстями. Для нее стремление к свободе, «к прекрасной стране на юге» – мечта, которая движет ее поступками. Марью любит независимый, смелый человек Барахсанов, предлагающий ей бежать с ним. Эмоциональную, впечатлительную женщину трогает его горячее участие и любовь. Душа ее распаивается на встречу неведомому ранее прекрасному чувству. Марья решается следовать за любимым человеком, но домогостроевские порядки вынуждают ее вернуться в постылый дом.

Симпатии автора целиком на стороне несчастной женщины, устремленной к свободе и любви. Даже детали сюжета, пейзаж призваны выражать сочувствие Марье: «Безмолвная тишина. Облачный день. Природа словно загрустила». Героиню вернули к подневольной жизни, но дух ее не сломлен, она живет ожиданием лучшего. Произвол же над нею усиливается. Предложение глупого мужа заточить Марью в чулан озадачивает даже его отца-деспота. Это важный психологический нюанс, углубляющий характеры и конфликт, способствует прояснению идеи драмы. Слабоумие, бессмысленная жестокость сына богача свидетельствует о вырождении байского рода, а вместе с ним и патриархально-феодалных устоев. В драме правдиво показано, что человек при всей своей незаурядности оставался пленником несправедливых порядков. Обстоятельства его рабского существования подлежат уничтожению, чтобы он смог расправить плечи, раскрыть свои возможности, ведь существует «страна с прекрасными людьми и сияющим солнцем».

Пьесы Н. Неустроева, созданные после революции (работа над рядом пьес началась до революции), изображали в основном прошлое народа. Критика прошлого выростала в его отрицание, в утверждение гуманных начал в новом обществе. Национальный характер в пьесах Н. Неустроева – активная, цельная личность. Она стремится отстоять свои права и интересы, хотя еще не знает, как это сделать. Марья из «Жестоким судьбы» находится в таком же бесправном положении, как и Катерис из дореволюционной драмы «Любовь» А. Софронова и Катерина из «Грозы» Островского. Если протест против «темного царства» у двух последних героинь пассивен, то Марья протестует открыто, пытаясь изменить свою судьбу. Она более смелая, даже в мыслях не мирится со своей трагиче-

ской участью. Характер ее дан в развитии. Через любовь, через стремление к человеческому существованию она постепенно освобождается от привычек безропотной жертвы. Героиня Н. Неустроева уже сопротивляется жизненным обстоятельствам, хотя они еще непреодолимы. Судьба героини драматична, но перспективы развития событий, вызванных её протестом, оптимистичны. Она ощущает наступление перемен в обществе.

Действие комедий Н. Неустроева разворачивается в острых ситуациях переломного периода: свержение самодержавия в «Голове Кукакы», разложение патриархально-феодалного уклада в «Злом духе». В этих исторических ситуациях сюжет строится на контрасте, конфликте романтических или индивидуалистических устремлений персонажей с реальностью. Голова ждет царскую милость – медаль, смысл которой уже девальвирован, но узнает о революции, упразднившей его власть. Уйбан, услышав о смерти жены, спешит жениться, а жена оказывается жива. Богач копит деньги, а они украдены и используются другими. Председатель Харыйа Ыстапан вместо тары собирает «тар».

Уничтожающая гротескность сатирических образов, «смех сквозь слезы», боль и любовь к многострадальной Руси – эти черты произведений Н. Гоголя помогали молодому драматургу осмыслить и изображать противоречия и тяжелые условия народной жизни. Творчески освоены в комедиях Н. Неустроева гоголевские приемы и средства изображения. Ничтожность личности Хлестакова, мнимая основательность горюничего из «Ревизора», поднятых в общественном положении извращенными человеческими отношениями, угадываются в комедийных образах Н. Неустроева – в голове Кукакы, в скупом богаче, в Омуннах Уйбане и других. Разоблачая дореволюционные общественные отношения, освещая исторический нравственный опыт народа, драматург писал о преемственности прогрессивного в народной жизни. Критикуя и высмеивая теневые стороны действительности, он предупреждал об их опасности и боролся с ними.

Содержание пьес Н. Неустроева, их проблемы, конфликты носят не только национальный характер. Они взаимосвязаны с проблемами и конфликтами российского общества, порождены, в конце-концов, колониально-самодержав-

ной системой. В драмах, изображающих жизнь человеческого духа, они имеют общечеловеческую нравственную основу. Неподготовленность кадров молодой советской власти, нравственно-этические вопросы нового общества, патриархально-феодальный деспотизм, губительный для человека, взяточничество и произвол чиновников и др. – типичные темы ранней советской литературы. В произведениях Н. Неустроева яркое национально самобытное воплощение этих тем составляет их художественную ценность.

Национальные и общечеловеческие темы, проблемы и конфликты, а также характеры, как выяснилось из рассмотрения драм Н. Неустрова, претерпевают изменения соответственно состоя-

нию исторического времени и его требованиям на данном этапе.

Драматургия Н.Д. Неустроева с её темами и проблемами, действующими лицами и их социально-психологическими конфликтами провидчески и реалистически предваряет события, конфликты, характеры и их истоки современной действительности конца XX и начала XXI в.

Источники и литература

Неустроев Н.Д. Сочинения. Т. 2. Стихи, рассказы, письма / Составитель Ю.И. Васильев–Джаргыстай. – Якутск: Бичик, 2006. – С. 50.

Ойунский П.А. Айымньылар. Ахтылар, этиилэр, ыстатыйалар, кэпсээннэр. Сэттис том. – Якутскай, 1962. – С. 17.

A.A. Bilukina

Man and power in comedies of N.D. Neustroev

The article is devoted to the study of N.D. Neustroev's plays in the context of the formation of the Yakut drama in the early twentieth century. The focus is on issues and themes of the plays, the identification and characterization of the functioning of the images, deployment in the composition of works of narrative situations and conflict. As the main concept of the comic plays by playwright highlighted the problem of man and government. N.D. Neustroev's comedies considered in the aspect of the genesis of the national drama: definition of folk origins, typological characteristics of the Yakut comedy.

Keywords: personality, power, ignorance, conflict, literacy, laugh.

НАШ ЮБИЛЯР

Алла Афанасьевна Билюкина

(К 80-летию со дня рождения)

Алла Афанасьевна Билюкина, доктор филологических наук, исследователь якутской драматургии, заслуженный деятель науки РС(Я), заслуженный ветеран СО АН СССР, родилась 21 декабря 1934 г. в семье служащих в г. Москве. Впоследствии семья переехала в родную республику.

Алла Афанасьевна известный, литературовед, театральный критик, рано определилась в своем интересе к филологии, к литературе и театру. Особенной ступенью в творческом самоопределении будущего ученого стала учеба на знаменитом филологическом факультете МГУ (окончила в 1957 г.), что способствовало расширению культурного кругозора, увлечению театром и классической литературой. Алла Афанасьевна с большой благодарностью вспоминает своих наставников, известных литературоведов: Н. Гудзия, А. Петросян, Г. Ломидзе, а также И. Пухова, Г. Боескорова, Г. Эргиса, народных писателей Амма Аччыгыйа, Суорун Омоллоона и др.

Основательная филологическая подготовка определила будущие научные приоритеты. За более чем полувековой путь служения науке Алла Афанасьевна прошла все ступени научного труда. Этапы ее научно-исследовательской карьеры: лаборант Института языка, литературы и истории (ныне ИГИИПМНС СО РАН), аспирант ЯФ СО АН СССР, младший научный сотрудник, затем старший научный

сотрудник, а с 2004 г. – ведущий научный сотрудник.

В 1969 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Якутская советская драматургия тридцатых годов», в 1998 г. в г. Улан-Удэ – диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук по теме «Якутская драматургия XX в. Истоки, эволюция, концепция личности».

Основным предметом научного исследования А.А.Билюкиной стала история якутской драматургии, в ее работах дана наиболее полная картина ее развития от истоков и до современного состояния. Впервые в широком историко-культурном контексте на большом фактическом материале прослежено возникновение и развитие якутской драматургии, эволюция реалистических принципов, дана характеристика творчества ведущих драматургов: А.И. Софронова–Алампа, П.А. Ойунского, Н.Д. Неустроева, Д.К. Сивцева–Суорун-Омоллоона, И. Гоголева и др.

Ученым опубликовано 11 монографий, более 100 научных и научно-популярных статей. Основные труды исследователя: «Якутская советская драматургия 30-х годов» (Якутск, 1971), «Якутская драматургия 1920-х годов» (Новосибирск, 1982), «Якутская советская драматургия» (Москва, 1988), «Общечеловеческое и национальное в якутской драме» (Якутск, 1997), «Якутская драма. Истоки. Эволюция. Концепция личности» (Улан-Удэ, 1998), «Алампа. Жизнь в творчестве» (Якутск, 2001), «Из истории литературно-художественной мысли Якутии XX века» (Якутск, 2002), «А. Кулаковский о здоровом образе жизни (к проблеме алкоголизма)» (Якутск, 2004).

Монографии исследователя, вышедшие в издательстве «Наука» в гг. Москве, Новосибир-

ске, получили широкую известность, служат настольной книгой всех интересующихся историей театра, драматургии.

Научные труды свидетельствуют о широте интересов исследователя, особом внимании к духовной культуре народа, проблемам фольклора и религии, истории литературы. А.А. Билюкина не только литературовед и театральный критик, но и собиратель, переводчик фольклора, народных преданий. Она участвовала в диалектологических и фольклорных экспедициях, перевела якутские сказки для тома в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

Аллу Афанасьевну отличает активная жизненная позиция, разносторонняя общественная деятельность: она член Союза театральных деятелей, худсоветов Министерства культуры и Якутского театра, руководитель секции критиков ВТО, принимала участие в мероприятиях Союза писателей республики, Союза композиторов, об-

щества «Знание». По направлению ВТО ежегодно ездила на семинары и совещания театральных деятелей в Москву, Ленинград, Тбилиси, Ташкент, Таллинн, Ригу, Вильнюс и др.

Ученый постоянно сотрудничает с СВФУ, с колледжем технологии и дизайна народных промыслов Якутии, где читает лекции, была председателем, членом Государственной аттестационной комиссии. Свои обширные знания А.А. Билюкина передает ученикам, аспирантам и соискателям.

Любящая мать взрослых сына и дочери, мудрая бабушка Алла Афанасьевна и сейчас полна молодого задора, живо интересуется всеми событиями в культурной и общественной жизни республики, строит новые планы.

*А.Н. Мыреева,
д. ф.н., с.н.с. ИГиИПМНС СО РАН*

ИНФОРМАЦИЯ

Юбилейные мероприятия, посвященные 100-летию профессора Ф.Г. Сафронова

Есть люди, которые по своей натуре, темпераменту и складу ума стремятся проявить себя в различных ипостасях, но есть и такие, которые всегда оставались беззаветно преданными только одному избранному пути. Именно к такой категории людей относился доктор исторических наук, профессор Федот Григорьевич Сафронов, столетие которого в этом году широко отметила ответственность республики.

Ф.Г. Сафронов родился 22 февраля 1914 г. во втором Мальжегарском наслеге Нюрбинского улуса. Оставшись сиротой, рано познал тяготы и лишения жизни. В 1930 г. он поступил в Якутский педагогический техникум, после окончания которого в течение 12 лет занимался педагогической деятельностью – благородным делом воспитания подрастающего поколения. В 1942 г. без отрыва от производства экстерном окончил исторический факультет Якутского педагогического института. В годы Великой Отечественной войны, будучи директором Чурапчинского педагогического училища, за вклад средств на строительство танковой колонны «Советская Якутия» дважды получил благодарность Верховного главнокомандующего.

В 1946–1949 гг. он являлся аспирантом Института истории АН СССР в Москве. В мае 1950 г. на заседании ученого совета Института истории АН СССР Ф.Г. Сафронов успешно защитил кандидатскую диссертацию «Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илима в XVII веке», написанную под руководством видного ученого страны, члена-корреспондента АН СССР С.В. Бахрушина, которая была высоко оценена крупнейшими учеными страны.

В 1950–1952 гг. Ф.Г. Сафронов работал научным сотрудником Института языка, литературы и

истории Якутской базы АН СССР. Затем он был переведен в Якутский пединститут старшим преподавателем, а после преобразования его в университет работал заведующим кафедрой истории СССР и всеобщей истории, в 1962–1964 гг. одновременно являлся деканом историко-филологического факультета. В университете он первым начал читать лекции по истории Якутии. В 1963 г. Ф.Г. Сафронов в Ленинградском отделении ИИ АН СССР успешно защитил докторскую диссертацию по монографии «Русские крестьяне в Якутии (XVII – начало XX вв.)». В 1964 г. ему было присвоено звание профессора.

В конце 1964 г. Ф.Г. Сафронов переводят заведующим сектором истории ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. С 1972 по 1986 гг. он заведовал отделом истории института, состоявшем из пяти секторов: дореволюционной истории и этнографии, советской истории, социологии, искусствоведения, лаборатории археологии. Ф.Г. Сафронов был талантливым, эрудированным, с широким кругом интересов ученым. Он – автор более 300 научных и научно-популярных трудов, в том числе 21 монографии и книги. Основной научной проблемой, занимавшей его внимание, являлась история русского населения Северо-Востока Азии и его роль в исторических судьбах народов этого региона. По этой проблематике он опубликовал четыре основополагающие монографии, из которых «Русские крестьяне в Якутии (XVII – начало XX вв.)» и «Русские на Северо-Востоке Азии в XVII – середине XIX в.» значительно обогатили отечественную историческую науку.

Ф.Г. Сафронов большое внимание уделял исследованиям истории городского населения Северо-Востока Азии и его роли в экономическом и культурном развитии региона, истории торгов и

промыслов русских землепроходцев и истории ссылки в XVII–XVIII вв. В сферу его научной деятельности входило также и изучение вопросов истории коренных народов Якутии. Он входил в авторский коллектив многотомных академических изданий «История Якутской АССР» и «История Сибири».

Последние годы жизни Ф.Г. Сафронов посвятил работе над одной из первых региональных энциклопедий России – многотомным изданием «Энциклопедия Якутии», инициатором составления которой он был. В качестве главного редактора энциклопедии он координировал усилия многочисленного авторского коллектива ученых и специалистов республики.

Ф.Г. Сафронов был талантливым организатором науки, на протяжении десятилетий возглавлял и направлял деятельность академической исторической науки Якутии. Он являлся членом научного совета АН СССР по истории Сибири и Дальнего Востока, членом Сибирской секции научного совета по национальным взаимоотношениям, членом объединенного ученого совета по присуждению ученых степеней по историко-филологическим наукам ЯГУ, членом диссертационного совета по защите кандидатских диссертаций по специальности «Отечественная история» при ИГИ АН РС(Я).

Ф.Г. Сафронов был известен как мудрый наставник научной молодежи, проводил большую общественную работу по подготовке научных кадров. Под его научным руководством защищены 14 кандидатских и 5 докторских диссертаций. Заслуги Ф.Г. Сафронова в развитии науки в Якутии были высоко оценены государством. В 1962 г. ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки ЯАССР», в 1974 г. – «Заслуженный деятель науки РСФСР». За доблестный труд в годы войны и в мирное время он награжден медалями СССР. Избирался депутатом Верховного Совета ЯАССР.

Он был одним из известных коллекционеров-нумизматов России. Умер на 82 году жизни 12 декабря 1995 г, похоронен в Якутске.

Отмечая большой вклад в социально-экономическое развитие Республики Саха (Якутия) профессора Ф.Г. Сафронова, президент РС(Я) Е.А. Борисов 16 мая 2013 г. издал распоряжение о праздновании 100-летия Ф.Г. Сафронова. Для подготовки и проведения юбилейных мероприятий была образована комиссия под председатель-

ством заместителя председателя правительства РС(Я) Ф.В. Габышевой. Комиссия, в состав которой вошли руководители соответствующих министерств, АН РС(Я), ИГИиПМНС и ЯНЦ СО РАН, разработала план проведения юбилейных мероприятий. Активное участие в работе комиссии принял директор Института проблем нефти и газа СО РАН, член-корреспондент РАН, д.г.-м.н. А.Ф. Сафронов.

В рамках проводимых мероприятий в 2013–2014 гг. средства массовой информации республики широко освещали не только жизненный путь маститого ученого, но и его труды. В газетах опубликованы воспоминания его учеников, по телевидению и радио выступали ученые Л.И. Винокурова, Е.С. Шишигин, П.П. Петров. На родине Федота Григорьевича, в Нюрбинском районе, прошла научно-практическая конференция «Ф.Г. Сафронов – крупный исследователь истории русского населения Сибири», в которой приняли участие известные краеведы района и школьники. В школах района проводились командные игры в виде брейн-ринга под названиями «Наш знаменитый земляк», «Из бедного батрака – в крупнейшего ученого». В библиотеке района, носящей его имя, были выставлены книги и статьи Ф.Г. Сафронова.

На историческом факультете СВФУ была организована республиканская студенческая научно-практическая конференция, посвященная столетию профессора Ф.Г. Сафронова, в которой приняли участие преподаватели, студенты, выступившие по самым разным аспектам социально-экономической истории Северо-Востока страны.

На высоком научном уровне прошла в столице республики научно-практическая конференция «Ф.Г. Сафронов – крупнейший исследователь истории Сибири и Северо-Востока страны», организованная Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Были приглашены ученые из других научных центров: из Москвы – кандидат исторических наук, ученик Сафронова Ю.С. Чертков, Санкт-Петербурга – доктор исторических наук, профессор С.Н. Полтораки, Новосибирска – и.о. директора ИИ СО РАН, доктор исторических наук А.Х. Элерт. Из Нюрбинского района прибыла делегация участников конференции во главе с заместителем главы района Ю.Р. Николаевым.

Организаторы конференции (слева направо): М.П. Лебедев, М.М. Трофимов, М.Ф. Сафронов, А.Ф. Сафронов, А.Н. Алексеев

Кратким вступительным словом конференцию открыл директор ИГиИПМНС СО РАН д.и.н., профессор А.Н. Алексеев. К участникам с приветствием обратились председатель организационной комиссии, доктор педагогических наук Ф.В. Габышева, председатель президиума ЯНЦ СО РАН, член-корреспондент РАН, д.т.н. М.П. Лебедев, вице-президент АН РС(Я), профессор А.И. Гоголев, специально приехавший из Магнитогорска почетный гражданин этого города, советник главы Администрации Магнитогорска, кандидат технических наук М.Ф. Сафронов.

Участники конференции с большим вниманием прослушали доклад директора ЯГОМИ и КНС, кандидата исторических наук Е.С. Шишигина на тему: «Ф.Г. Сафронов – выдающийся исследователь истории Сибири, Дальнего Востока и Северо-Востока Азии». На пленарном заседании и в научной части конференции было представлено 26 докладов и 11 стендовых сообщений по различным направлениям исторической науки: источниковедению, социально-экономической истории, культурологии, религиоведению, ономастике, краеведению.

В рамках конференции работали выставки: «Документальные материалы из личного фонда Ф.Г. Сафронова» (Национальный архив РС(Я)), «Ордена и медали царской России из коллекции Ф.Г. Сафронова» (Якутский музей – ЯГОМИ и КНС), «Жизнь и деятельность Ф.Г. Сафронова» (Музей истории академической науки РС(Я) ИГиИПМНС СО РАН), «Книги и статьи Ф.Г. Сафронова» (Библиотека ИГиИПМНС СО РАН).

Участникам конференции была предложена книга старшего сына Федота Григорьевича А.Ф. Сафронова «Из записок отца», составленная на основе дневниковых записей отца, написанных в разные годы. 100-летию профессора Ф.Г. Сафронова посвятил свою книгу «Братья Сафроновы – крупные ученые страны» академик АН РС(Я), доктор биологических наук Д.Д. Саввинов, раскрывший в своих очерках научную деятельность двух братьев Федота и Михаила Сафроновых, оставивших заметный след в истории раз-

вития науки в Якутии во второй половине XX в. Заведующий музеем ИГиИПМНС СО РАН П.П. Петров составил из ранее изданных в газетах воспоминаний Ф.Г. Сафронова и интервью с ним небольшую по объему брошюру, которую издал в виде препринта под названием «История – свет истины и наставница жизни».

Участники конференции приняли резолюцию, в которой отметили особую важность и актуальность разработки проблем социально-экономической истории Северо-Востока страны как основу для подготовки академического издания «История Якутии». В своих рекомендациях они предлагали опубликовать материалы конференции, издать книгу воспоминаний коллег, родных и друзей, установить памятные мемориальные доски в с. Чурапча и г. Якутске.

Ученики, коллеги, научная молодежь, земляки, родные и близкие Федота Григорьевича в официальной части и кулуарных беседах отмечали высокий профессионализм и принципиальность историка с большой буквы. Вспоминали его как неординарного человека, ставшего еще при жизни легендарной личностью, и пользовавшегося среди якутского народа огромным уважением и почетом.

П.П. Петров,
к.и.н., завмузеем академической науки РС(Я)
ИГиИПМНС СО РАН

О научной конференции «Урало-алтайские исследования», приуроченной к 55-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН, д.ф.н., проф. А.В. Дыбо

2–4 июня 2014 г. в Москве (дом отдыха «Покровское») состоялась научно-практическая конференция «Урало-алтайские исследования», приуроченная к юбилею члена-корреспондента РАН, д.ф.н., проф. А.В. Дыбо. Она явилась логическим продолжением аналогичной международной конференции 2009 г. В работе конференции принимали участие известные ученые-лингвисты, этнографы из 15 городов Российской Федерации, Республики Казахстан и Германии.

Конференция ставила своей целью объединить усилия ученых, занимающихся языковым родством, языковыми контактами, всеми направлениями сравнительного языкознания и смежными дисциплинами урало-алтайских языков, развивать научное сотрудничество в этих областях.

Д.ф.н., проф. И.А. Невская (Германия) в докладе «Древнетюркские рунические надписи религиозного содержания в Республике Алтай» подчеркнула, что в экспедиционных поездках по Республике Алтай на ряде древнетюркских памятников были найдены надписи, в которых были расшифрованы слова с религиозным содержанием, некоторые из них неизвестного происхождения.

Проф. Н.Г. Шаймердинова (Республика Казахстан) в докладе «Праалтайская теория А.В. Дыбо и тюркские языки» подчеркнула методологическое значение фундаментальных трудов А.В. Дыбо в области алтайского языкознания. При обсуждении доклада А.В. Дыбо добавила, что вклад теоретических новаций как в алтайское языкознание, так и в компаративистику в целом внесла группа единомышленников.

Проф. А.Г. Шайхулов (г. Уфа) интерпретировал некоторые аспекты реконструкции кыпчакских и огузских корневых основ тюркских языков Урало-Поволжья в контексте алтайского, золотоордынского и евразийского сообщества. Общим описаниям фонетических, морфологических, лексических систем диалектов урало-алтайских языков в сравнительном аспекте посвящены доклады И.А. Грунтова (Москва), М.К. Амелиной (Москва), Е.А. Шестера (Ново-

сибирск), Р.И. Идрисова (Казань), А.В. Савельева (Москва), И.С. Насипова (Уфа), О.Р. Хисамова (Казань), В.Н. Ханинова (Элиста).

О проблемах и перспективах социолингвистических исследований на примере тюркских языков Республики Казахстан рассказала проф. С.Ж. Тажибаева (г. Астана). Подробно освещено взаимодействие тюркских народов на постсоветском пространстве – в Республике Казахстан, где проживают 25 тюркских этносов. Создана электронная база данных по тюркским языкам в Казахстане.

Проблемам конверсии как способу словообразования, а также образованиям сложных слов в шорском языке был посвящен доклад А.В. Есиповой (Новосибирск). Ф.Н. Дьячковский в своем докладе рассмотрел лингвистический статус относительных прилагательных в системе якутской аффиксной лексики. Доклад вызвал живой интерес и отклик участников конференции.

Синтаксическим особенностям отдельных языков двух языковых семей – уральской, алтайской посвящены доклады Б.Ч. Ооржак (Кызыл), П.П. Дамбуевой (Москва), Е.Н. Сергеевой, С.В. Оиной (Ханты-Мансийск). Синтаксическим средствам выражения эвиденциальности в якутском языке в сопоставлении с некоторыми тюркскими языками посвящен доклад Н.Н. Ефремова. Функционально-семантические особенности глагола – *тур* в языках Южной Сибири рассмотрены в докладе д.ф.н. Т.Н. Боргояковой (Москва). Об особенностях процессов категоризации в разноструктурных языках доложила проф. Р.К. Гарипова (Уфа).

Ряд докладчиков освещает системные отношения в языке на лексическом и фразеологическом уровнях: З.Н. Экба (Москва), А.Ж. Шериева (Бишкек), А.М. Николаева (Якутск), П.С. Серен (Кызыл), О.В. Мищенко, Е.М. Девяткина (Саранск), Т.Б. Агранат (Москва), А.Н. Ракин (Сыктывкар).

Когнитивные аспекты лексики были представлены докладами проф. Ф.Г. Хисамитдиновой (Уфа), д.ф.н. Р.А. Тадиновой (Москва), к.ф.н. П.С. Серен (Кызыл).

Во время работы конференции А.В. Дыбо и Ю.В. Норманской были проведены методологические семинары «Создание диалектных аудиословарей в программе LingvoDoc» и «Автоматический морфологический анализ в применении к структурам тюркских языков» в 2 частях.

Следует отметить, хорошую организационную работу, проделанную председателем оргкомитета конференции д.ф.н. Ю.В. Норманской.

Ф.Н. Дьячковский,
к.ф.н., завсектором ИГиИПМНС СО РАН
Н.Н. Ефремов,
д.ф.н., г.н.с. ИГиИПМНС СО РАН

О конференции «Языки народов Сибири и сопредельных регионов»

9–10 октября 2014 г. в Новосибирске на базе Института филологии СО РАН состоялась ежегодная региональная научно-практическая конференция «Языки народов Сибири и сопредельных регионов». Формат конференции был задан знаменательным событием – 90-летием док. филол. наук, проф. Майи Ивановны Черемисиной (1924–2013), одного из основателей Сибирской синтаксической школы, в русле которой сформировалась целая плеяда ученых-лингвистов, активно развивающих идеи своего учителя, базирующиеся на методике структурно-семантического моделирования языковых единиц разного уровня и функциональном подходе. Майя Ивановна внесла большой вклад и в развитие якутского языкознания, она была ответственным редактором 2-го тома академической грамматики якутского языка, посвященного синтаксису. Под ее руководством были подготовлены и защищены кандидатские диссертации по актуальным проблемам синтаксиса якутского языка (Ю.И. Васильев, Н.Н. Ефремов). Выдающийся сибиревед принимала активное участие в работе диссертационного совета при ИГи АН РС(Я) по защите кандидатских и докторских диссертаций, под ее редакцией были опубликованы монографии якутских ученых. Всего под руководством Майи Ивановны было защищено около 60 диссертаций, в том числе 5 докторских.

В работе конференции, кроме новосибирских исследователей, принимали очное участие учёные из Москвы, Санкт-Петербурга, Абакана, Горно-Алтайска, Кызыла, Новокузнецка, Ханты-Мансийска, Якутска. Прибыли участники из Республики Казахстан (г. Астана), ФРГ (г. Франкфурт на Майне). Заочная форма участия была представлена исследова-

телями из гг. Благовещенска, Иркутска, Казани, Тюмени, Астаны (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан), Берлина.

Юбилейный контекст конференции отразился на характере пленарного заседания, которое открыла замдиректора ИФЛ СО РАН док. филол. наук, проф. Н.Н. Широкова. В приветственной речи Наталья Николаевна отметила большой вклад М.И. Черемисиной в комплексное сопоставительно-типологическое изучение полипредикации в языках народов Сибири и ее заслуги как учителя-педагога, способствовавшего становлению гуманитарного образования в НГУ. С приветственным словом к участникам конференции обратилась известный российский лингвист, док. филол. наук, проф. Татьяна Андреевна Колосова, близкий друг и единомышленник М.И. Черемисиной.

Пленарное заседание открылось выступлением С.Ж. Тажибаевой (проф. кафедры тюркологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, Астана), сформировавшейся как серьезный исследователь под влиянием своего научного руководителя М.И. Черемисиной. В докладе С.Ж. Тажибаевой рассматривались интересные научные подходы в исследовании синтаксиса, сложившиеся на кафедре тюркологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, которые развивают идеи Сибирской синтаксической школы.

Опыт изысканий в классификации отдельных групп алтайских языков анализировался в докладе док. филол. наук А.А. Бурыкина (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург). Интерес вызвал доклад док. филол. наук И.А. Невской о социолингвистическом анализе тюркских языков Республики Ка-

захстан. Проф. И.Я. Селютина акцентировала внимание аудитории на новейших технологиях в сравнительных исследованиях артикуляционных баз коренных народов Сибири. Д.ф.н. Н.Н. Ефремов подробно рассказал о полипредикативных конструкциях якутского языка, выражающих уступительные отношения. Доклад о проблемах тувинской грамматики в исследованиях коллектива Новосибирской синтаксической школы представила д.ф.н. Л.А. Шамина.

Синтаксическим особенностям отдельных языков уральской, алтайской языковых семей посвящены доклады Е.Л. Рудницкой (Москва, Институт востоковедения РАН), Т.Н. Боргояковой (Москва), Н.Ч. Сэрээдар (Кызыл), И.Л. Кызласовой (Абакан). Комитативные формы и конструкции в чукотско-корякских языках рассматриваются в докладе А.А. Мальцевой (Новосибирск). Грамматическое выделение речи невидимого говорящего в самодийском, юкагирском и нивхском фольклоре рассмотрено в докладе Л.А. Ильиной (Новосибирск). Особенности звукоподражательных и образных аналитических глаголов посвящен доклад О.Ю. Шагдуровой (Новосибирск).

Ряд докладов был посвящен морфологическим, семантическим особенностям лексики на материале разноструктурных языков на диалектных и лингвокультурологических уровнях: Л.Н. Тыбыковой (Горно-Алтайск), Е.В. Кашкина (Москва), Ф.Н. Дьячковского (Якутск), А.В. Байыроол (Новосибирск), Е.А. Либерт (Новосибирск), Ч.О. Хомушку (Новосибирск). Багдарыын Нь.С. уола (Якутск) дал в докладе краткую характеристику морфологических особенностей в топонимии Северо-Запада Республики Саха (Якутия).

Слушатели заинтересовались накопленной отцом докладчика, М.С. Ивановым-Багдарыином Сюлбэ, картотечной базой топонимов, антропонимов, гидронимов, насчитывающей около 500 тысяч карточек. Живой интерес также вызвали доклады С.Д. Бурковой и Е.В. Филимоновой, в которых представлены способы выражения именной множественности и разграничения акциональных классов предикатов в русском жестовом языке (НГТУ).

Секционные заседания, в работе которых принимали участие и известные ученые, и зрелые исследователи, и аспиранты, проходили в атмосфере настоящей заинтересованности обсуждаемыми научными проблемами в области фонетики, грамматики, лексикологии, лексикографии, диалектологии языков народов Сибири и Дальнего Востока. Всего на заседаниях прозвучало более 30 докладов и сообщений, вызвавших оживленное обсуждение, носившее порой и полемический характер.

В заключительной части по итогам работы конференции участники и слушатели обменялись мнениями по ряду вопросов, касающихся интересных результатов, полученных исследователями в урало-алтаистике, а также перспектив дальнейших изысканий языков Сибири РФ.

Ф.Н. Дьячковский,
к.ф.н., завсектором ИГиИПМНС СО РАН

Нь. С. уола Багдарыын,
к.ф.н., н.с. ИГиИПМНС СО РАН

Н.Н. Ефремов,
д.ф.н., г.н.с. ИГиИПМНС СО РАН

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Афанасьева Елизавета Федоровна – канд. филол. наук, доц., завкафедрой языков коренных народов Сибири ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет», e mail: elizaveta_fedor@mail.ru

Багдарын Ньургун Сюлбэ уола – канд. филол. наук, н.с. сектора лексикологии ИГиИПМНС СО РАН, nurgun Ivanov@yandex.ru

Билюкина Алла Афанасьевна – докт. филол. наук, с.н.с. сектора литературоведения ИГиИПМНС СО РАН, litved@mail.ru

Бурыкин Алексей Алексеевич – докт. филол. наук, г.н.с. Института лингвистических исследований РАН, albury@rambler.ru

Винокурова Лилия Иннокентьевна – канд. ист. наук, в.н.с. сектора арктических исследований ИГиИПМНС СО РАН, liliven@mail.ru

Добринина Альбина Альбертовна – канд. филол. наук, н.с. Института филологии СО РАН, ekinur@mail.ru

Дьячковский Федор Николаевич – канд. филол. наук, завсектором лексикологии ИГиИПМНС СО РАН, fedjatschxov0801@mail.ru

Ефремов Николай Николаевич – докт. филол. наук, г.н.с. сектора грамматики и диалектологии якутского языка ИГиИПМНС СО РАН, nik.efrem50@mail.ru

Ефремова Екатерина Михайловна – канд. филол. наук, н.с. сектора литературоведения ИГиИПМНС СО РАН, e mail: Kachkom84@mail.ru

Жукова Людмила Николаевна – канд. ист. наук, с.н.с. сектора палеоазиатской филологии ИГиИПМНС СО РАН, zjukova@mail.ru

Захарова Тамара Викторовна – канд. ист. наук, н.с. сектора истории Якутии ИГиИПМНС СО РАН, ztv2001@mail.ru.

Курилова Самона Николаевна – м.н.с. сектора палеоазиатской филологии ИГиИПМНС СО РАН, pproc@yandex.ru

Куртсеитов Рефик Джаферович – историк, канд. социол. наук, доц., завкафедрой социально-гуманитарных дисциплин Крымского инженерно-педагогического университета, г. Симферополь, Автономная Республика Крым, kurtseitov@mail.ru

Мустонен Теро – доктор философии, руководитель отдела международных связей кооператива «Сноучейндж», Финляндия. Работал в арктической зоне Северной Америки, на Фарерских островах, в Исландии, в северных общинах саамов и Сибири. Т. Мустонен занимается подледной рыбалкой и является главой посёлка Селкие в Северной Карелии (Финляндия)

Мыреева Анастасия Никитична – докт. филол. наук, с.н.с. сектора литературоведения ИГиИПМНС СО РАН, litved@mail.ru

Летягин Андрей Юрьевич – докт. мед. наук, проф., завлабораторией топографических исследований Института «Международный топографический центр» СО РАН, letyagin-andrey@yandex.ru

Лехтинен Ари – профессор географии в университете Восточной Финляндии. Сфера его интересов – исследования окружающей среды в Северной Европе, особенно в Северной Карелии и в Сапми; он занимается проблемой сохранения северных лесов. Принимал участие в сотрудничестве северных стран по экологическому правосудию и в исследовательских программах, поддерживающих права коренных народов

Осипова Ольга Валерьевна – канд. полит. наук, ст. лаборант сектора этносоциологии ИГиИПМНС СО РАН, osipova@rambler.ru

Петров Пантелеймон Пантелеймонович – канд. ист. наук, завмузеем академической науки в Якутии ИГиИПМНС, basharin_museum@mail.ru

Романова Екатерина Назаровна – докт. филол. наук, завсектором этнографии народов Северо-Востока России ИГиПМНС СО РАН, e_romanova@mail.ru

Рыжикова Татьяна Раисовна – канд. филол. наук, доц. кафедры иностранных языков Института филологии СО РАН, redtanya@inbox.ru

Самсонова Екатерина Максимовна – канд. филол. наук, м.н.с. сектора этносоциологии ИГиПМНС СО РАН, litved@mail.ru

Санникова Яна Михайловна – канд. ист. наук, н.с. сектора этносоциологии ИГиПМНС СО РАН, sannikova@mail.ru

Селютина Ираида Яковлевна – докт. филол. наук, проф., г.н.с. Института филологии СО РАН, siva_irina@mail.ru

Старостина Мария Ивановна – канд. ист. наук, действ. член Русского географического общества, maria_star2001@mail.ru

Томаска Алена Георгиевна – н.с. сектора этносоциологии ИГиПМНС СО РАН, algero@mail.ru

Уртегешев Н.С. – канд. филол. наук, с.н.с. Института филологии СО РАН, urtegeshev@mail.ru

Филиппова Виктория Викторовна – канд. ист. наук, с.н.с сектора арктических исследований ИГиПМНС СО РАН, filippova@mail.ru

Шарина Сардана Ивановна – канд. филол. наук, завсектором эвенкийской филологии ИГиПМНС СО РАН, sarshar@mail.ru

Шевела Андрей Иванович – доктор мед. наук, проф., замдиректора Института химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН, ashevela@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Afanasyeva Elizaveta Fyodorovna – PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Indigenous Languages of Siberia “Buryat State University, e-mail: elizaveta_fedor@mail.ru

Bagdaryyn Nurgun Syulbe uola – PhD in Philology, Research Fellow, Lexicology of Yakut Language Department, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: nurgun.Ivanov@yandex.ru

Belukina Alla Afanasyevna – PhD in Philology, D.Sc., Senior Researcher, Study of Literature Department, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: litved@mail.ru

Burykin Alexey Alexeevich – PhD in Philology, D.Sc., Senior Researcher, Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, albury@rambler.ru

Vinokurov Liliya Innokentyevna – PhD in History, Leading Researcher, Arctic Researches Department, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: liliven@mail.ru

Dobrynina Albina Albertovna – PhD in Philology, Research Fellow, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: ekinur@mail.ru

Dyachkovski Fedor Nikolaevich – PhD in Philology, Head of Lexicology of Yakut Language Department, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: fedjatschxov0801@mail.ru

Efremov Nikolay Nikolaevich – PhD in Philology, D.Sc., Senior Researcher, Grammar and Dialectology of Yakut Language Department, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: nik.efrem50@mail.ru

Efremova Ekaterina Mikhailovna – PhD in Philology, Research Fellow, Study of Literature Department, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: Kachkom84@mail.ru

Zhukova Ludmila Nikolaevna – PhD in History, Senior Researcher, Paleoasian Philology Department, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: zjukova@mail.ru

Zakharova Tamara Viktorovna – PhD in History, Research Fellow, History of Yakutia Department, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: ztv2001@mail.ru

Kurilova Samona Nikolaevna – Research Fellow, Paleoasian Philology Department, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: pproc@yandex.ru

Kurtseitov Refik Dzhaferovic – Historian, Ph.D in Sociology, Associate Professor, Head of the Department of Socio-Humanitarian Disciplines of the Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Autonomous Republic of Crimea, e-mail: kurtseitov@mail.ru

Mustonen Tero – PhD in Philosophy D.Sc., Head of International Relations Department of the Cooperative “Snowchange”, Finland. He worked in the Arctic zone of North America, the Faroe Islands, Iceland, Northern Saami communities and Siberia. T. Mustonen engaged in ice fishing. He is the head of the village Selkie in North Karelia (Finland).

Myreeva Anastasia Nikitichna – PhD in Philology, D.Sc., Senior Researcher, Study of Literature Department, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: litved@mail.ru

Letyagin Andrey Yurievich – Ph.D in Medicine, D.Sc., Head of the Laboratory of Tomographic Studies “Institute of the International Tomography Center” of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: letyagin-andrey@yandex.ru

Lehtinen Ari – Professor of Geography at the University of Eastern Finland. The scope of his interests – environmental research in Northern Europe, especially in North Karelia and in Sápmi; he deals with the problem of conservation of the Northern forest. Participated in Nordic cooperation on environmental justice and research programs that support the rights of indigenous peoples.

Osipova Olga Valerievna – PhD in Political, Research Fellow, Ethnosocial Department, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: osipova@rambler.ru

Petrov Panteleimon Panteleimonovich – PhD in History, Head of Museum of History the Academic Science in Yakutia named after G.P. Basharin, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: basharin_museum@mail.ru

Romanova Ekaterina Nazarovna – PhD in Philology, D.Sc., Head of Ethnography of the People of the North East of Russia Department, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: e_romanova@mail.ru

Ryzhikova Tatiana Raisovna – PhD in Philology, Associate Professor of Foreign Languages Department, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: redtanya@inbox.ru

Samsonova Ekaterina Maksimovna – PhD in Philology, Research Fellow, Grammar and Dialectology of Yakut Language Department, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: samsonova_em@mail.ru

Sannikova Yana Mikhailovna – PhD in History, Research Fellow, Ethnosocial Department, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: sannikova@mail.ru

Selyutina Iraida Yakovlevna – PhD in Philology, D.Sc. Professor, Senior Researcher, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: siva_irina@mail.ru

Starostina Maria Ivanovna – PhD in History, Member of the Russian Geographical Society, e-mail: maria_star2001@mail.ru

Tomaska Alena Georgievna – Research Fellow, Ethnosocial Department, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: algepo@mail.ru

Urtegeshev Nikolay Sergeevich – PhD in Philology, Research Fellow, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: urtegeshev@mail.ru

Filippova Viktoriya Viktorovna – PhD in History, Senior Researcher, Arctic Researches Department, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: filippova@mail.ru

Sharina Sardana Ivanovna – PhD in Philology, Head of Even Philology Department, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: sarshar@mail.ru

Shevela Andrey Ivanovich – PhD in Medicine, D.Sc., Professor, Deputy Director of the Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: ashevela@mail.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись должна быть напечатана на отдельных листах формата А 4 через 1,5 интервала (шрифт Times Sakha или Times New Roman, размер — 14) с полями: снизу, сверху и слева — не менее 2 см, справа — не менее 1,5 см. Переносы, автоформат и табуляция в статьях не допускаются.

Объем статьи, включая иллюстративный материал и список литературы, должен составлять 10—12 страниц, краткие сообщения — 3—6, хроника — 1—2 страницы. Статьи должны быть хорошо отредактированы и тщательно проверены.

Принимаются к печати статьи, содержащие не опубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения, а также статьи методического и хроникального характера, рецензии и др. в печатном и электронном виде. Обзорные статьи и материалы по истории наук к печати не принимаются. Не принимаются к печати работы, представленные или принятые для публикации в другие печатные издания или электронные средства массовой информации.

Могут быть приняты к рассмотрению статьи, опубликованные ранее в виде материалов научной конференции (обычно в форме тезисов).

Аннотация статьи на английском и русском языках (2 экземпляра). В конце аннотации — ключевые слова (не менее 10). Аннотация не должна содержать ссылок на разделы, формулы, рисунки, номера цитируемой литературы. Она должна отражать главные моменты работы, а не говорить просто о чем статья, т.е. быть краткой, но содержательной. На английском языке то же. Статьи в разделы «Хроника» и «Рецензии» предоставляются без аннотаций. В заголовке «Аннотации» сначала даются инициалы и фамилия(и) автора(ов), затем название статьи.

Никакие сокращения, кроме общепринятых, в тексте и таблицах не допускаются. Все таблицы должны иметь заголовки и сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, без знака № (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращенно (табл. 1). Текст таблицы должен быть напечатан через два интервала; содержание таблиц не должно дублировать текст.

Таблицы следует набирать в книжном формате, шрифтом Times New Roman размером не более 10 и не менее 8. Объем таблицы не должен превышать одной страницы (вместе с заголовком, возможными сносками и примечаниями).

Рисунки следует оформлять в программе Photoshop или файлами с расширением jpg. Фотографии должны быть в оригинале хорошего качества. Разрешение изображения на цифровых и отсканированных фотографиях должно быть не менее 300 dpi.

Подрисуночные подписи не должны входить в рисунок. Их набирают отдельным списком с указанием номера рисунка.

Литература и источники, использованные при написании статьи, приводятся после текста отдельным списком. Ссылка на литературу в тексте должна даваться в квадратных скобках **на название работы** или **на фамилию автора и год издания** с указанием конкретной страницы, если приводится цитата [Иванов, 1991, с. 3]. Если авторов с одинаковой фамилией несколько, в скобках приводятся и инициалы. Если использовано несколько работ одного автора, изданных в один и тот же год, при ссылке в тексте и списке около года ставится буква: Петров, 1996а,б.

Авторы после текста обязаны указать следующие сведения: фамилию, имя, отчество, почтовый и электронный адреса (для переписки), место работы, занимаемую должность, ученую степень, ученое звание, номер телефона (служебный, домашний или сотовый).

Редакция имеет право вносить редакционные изменения, не искажающие содержание статьи.

Электронный вариант статьи представляется на диске, флешке стандартного формата, на которые заносятся текстовые файлы редактора Word (95, 98, 2000). Дать файлу понятное название, указать на наклейке диска формат и название файла, а также информацию о программном обеспечении.

Перед названием статьи обязательно **указать УДК**.

Все статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. Оригиналы статей авторам не возвращаются.

Рукописи в печатном и электронном виде направляются по адресу: 677000, г. Якутск, ул. Петровского, 1, каб. 412. Тел. 35-43-40.

Электронный адрес редакции: igi@ysn.ru

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–50537
06 июля 2012 г.

Адрес редколлегии:

677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
каб. 412 (тел. 35-43-40). Электронный адрес редколлегии: igi@ysn.ru

Подписано в печать 11.11.2014.
Формат 60x90 1/8. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. п.л. 16,4. Тираж 300 экз.

Отпечатано в ЦНТИ ИГИиПМНС СО РАН
677006, г. Якутск, ул. Сосновая, 4, тел. 35-68-69.
